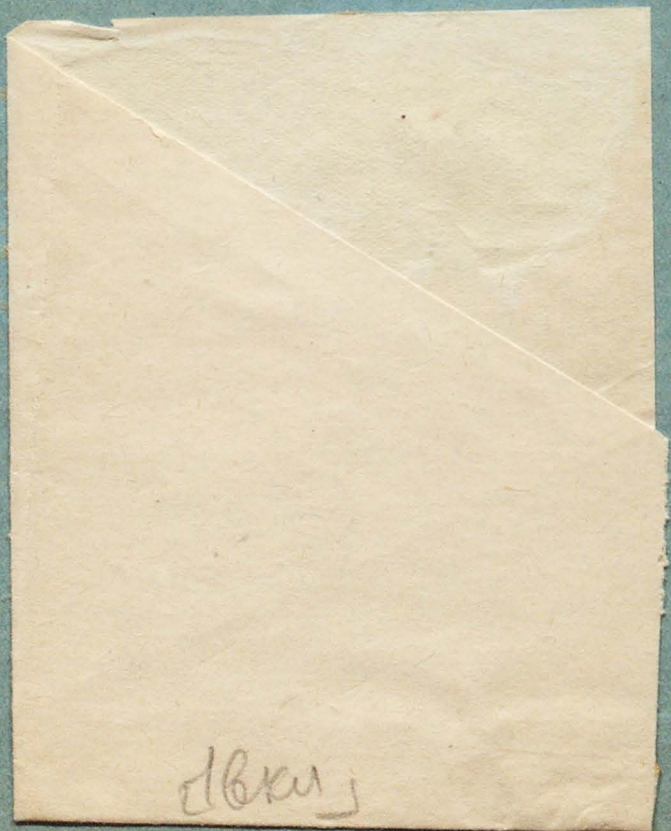
M 171/273
1933



ЭЛБИЗ
ЦЕНТРАРХИВ
М 171/275 спист

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ ГОРЬКОГО

ПО МАТЕРИАЛАМ
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

ПОДГОТОВИЛА К ПЕЧАТИ
БРИГАДА НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ
АРХИВА РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1933 ЛЕНИНГРАД

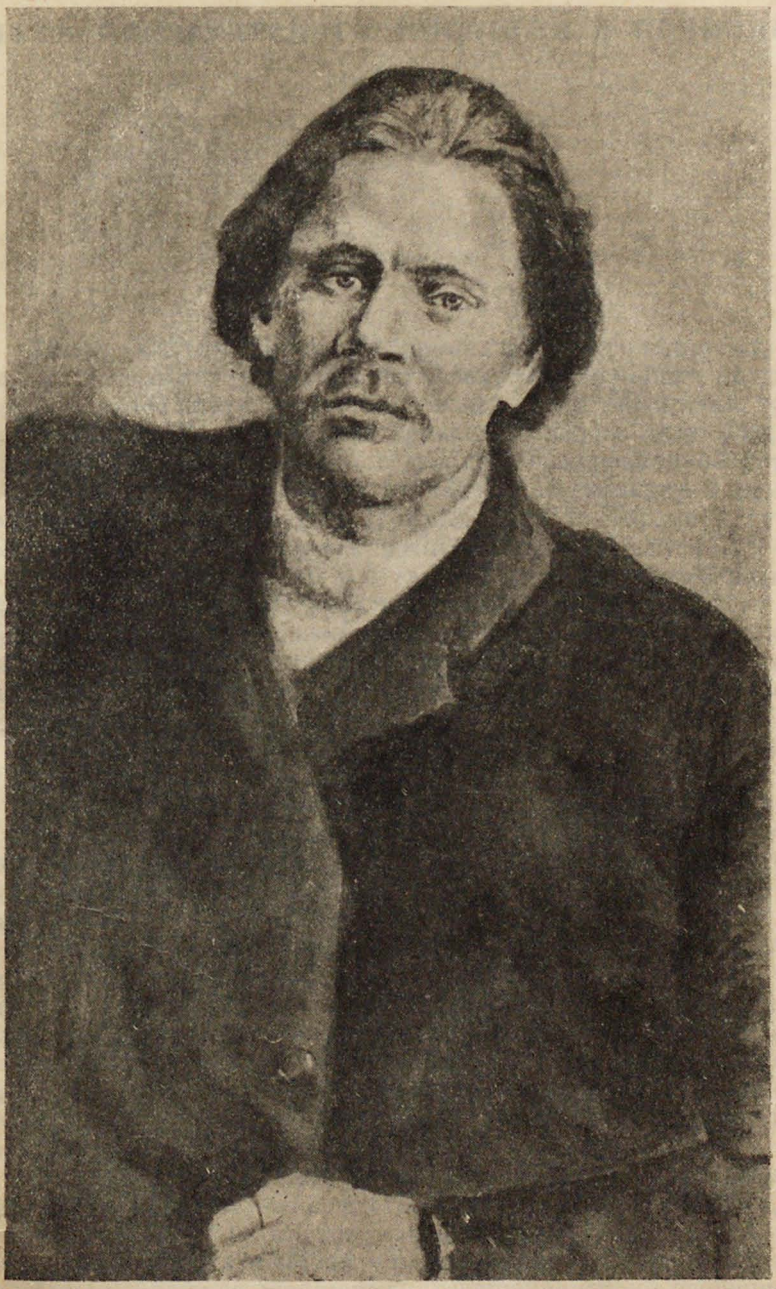
ОБЛОЖКА В. МАСМАНА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Путь пролетарского писателя в подполье, Ем. Ярославского	5
От редакции	15
I. Первые шаги	17
II. В годы революционного подъема	43
III. 1905 год	84
IV. За границей	103
V. Долой войну!	113
Примечания	127
Именной указатель	139

33-9642

16-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный, 9.



М. ГОРЬКИЙ В 1889 Г.
С ПОРТРЕТА И. Е. РЕПИНА.

ПУТЬ ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ В ПОДПОЛЬЕ

Жизнь Максима Горького принадлежит пролетариату не только потому, что с детских лет Алексей Максимович прошел трудовую пролетарскую школу, изведав все мытарства трудовой жизни. Жизнь Максима Горького сплелась тесно с юных дней начинающего писателя с классово-революционной борьбой пролетариата. Эта жизнь, эта борьба преломилась в многочисленных художественных произведениях М. Горького, ставших известными миллионам читателей из рабочей массы не только в нашей стране, но во всех странах мира. Попытка Центрархива показать революционный путь М. Горького по архивным документам, сохранившимся в архивах департамента полиции, жандармских донесениях и т. п., пополняет пробел, существовавший до сих пор в материалах для биографии пролетарского писателя.

Вот первое знакомство М. Горького с тюрьмою, первое «боевое крещение».

Алексей Максимович числится по сословию мещанином,—а именно мещанина, мещанство А. М. ненавидел всю свою жизнь больше всего, именно этого мещанина он в буквальном смысле разгромил в своем художественном творчестве.

Первый же документ этого сборника дает сжатую биографию молодого Горького, вынужденного в 1889 году за двадцать рублей в месяц заниматься частной перепиской у присяжного поверенного Лапина. Мы узнаем из этой записи, что Горький «не имеет ни отца и ни матери, а также ни братьев, ни сестер родных». «Обучался в Нижегородском Ремизовском приходском училище, но курса в оном по бедности не окончил».

А. М. арестован впервые у «нигилиста из дворян Саратовской губ. С. Ф. Сомова»,—впоследствии Сомов был большевиком,—неплохое знакомство для того времени! Но мы знаем уже (А. М. этот период описал в «Моих университетах»), что А. М. в эти годы имел обширное знакомство с революционерами различных направлений, что он был знаком с членами Федосеевского марксистского кружка, имевшего влияние и на современника А. М., нашего учителя и вождя—В. И. Ленина.

13 октября 1889 года А. М. впервые «заключен под стражу в 1-м корпусе Нижегородского тюремного замка». А. М. не нужно было впоследствии воображать, как люди живут в тюрьме, что они переживают,—он пережил не один раз тюрьму с ее тоской, когда солнце всходит и заходит где-то за тюремной оградой, когда дни и ночи часовые стерегут окно и когда узник думает о побеге.

Что же дал жандармам этот первый арест М. Горького? Они установили, что А. М., хотя и числился мастером малярного цеха, но в это время не занимался малярным делом, а служил разносчиком в булочной, подозрительной булочной Деренковых. Жандармы знали, что булочная служит «местом подозрительных сборищ учащейся молодежи, занимавшейся там, между прочим, совместными чтениями тенденциозных статей и сочинений, для саморазвития в противоправительственном духе, в чем участвовал и Алексей Пешков». Жандармы установили кличку—«прозвище» А. М.—«Грохало», установили, что незадолго до этого Грохало,—А. М. Пешков,—ездил таинственно в Казань и там также «постоянно вращался в кругу лиц, прямо неблагонадежных и сомнительных по своему политическому направлению...». «Весьма возможно подозревать,—умозаключают жандармы,—что он был посредником каких-либо тайных сношений между неблагонадежными личностями, проживающими в Н.-Новгороде и Казани».

Жандармский генерал Познанский сообщает нижегородскому губернатору, что Пешков «представляет собой удобную почву (!!) для содействия неблагонадежному люду России», что «он читал сочинения особенного, не вполне желаемого и не соответствующего его развитию и полученному им образованию, направления».

Горького на этот раз недолго держали в тюрьме. «Улик» против него было слишком мало, и он был освобожден под негласный надзор полиции.

В течение нескольких лет жандармская слежка дает небогатые результаты. А. М. более осторожен. В мае 1892 года жандармы устанавливают, что А. М. Пешков, работая отметчиком в железнодорожных мастерских в Тифлисе, «ведет довольно обширное знакомство с молодежью». Тут же жандармы дают красочный портрет Горького: «Пешков имеет от роду 24 года, роста очень высокого, человек развитой, имеет прекрасный почерк, носит очки и длинные волосы». За «длинноволосым» Горьким наблюдают, жандармы изучают его деятельность.

Но лишь в апреле 1898 года Отдельного корпуса жандармов ротмистр Конисский и товарищ прокурора Тифлисской судебной палаты Хлодовский, ведя следствие по делу кружка Афанасьева, приходят к убеждению, что «деятельность Пешкова является несомненно преступной, и предметом этой деятель-

ности явилась социал-демократическая пропаганда». Горький находится в это время в Нижнем-Новгороде. Жандармы разыскивают Горького, с тем чтобы, «по установлении местопребывания означенного Пешкова, обыскать его и арестовать».

6 мая 1898 года жандармский ротмистр Столица производит обыск и арест Горького в Нижнем-Новгороде, и Горький препровождается в качестве политического арестанта в Тифлис. Однако дознание и на этот раз ничего существенного не дает, и министерство юстиции вынуждено признать, что «к установлению виновности его в причастности к социал-демократической пропаганде не имеется достаточных оснований».

На допросе Горький, как и полагалось тогда, не признает себя «виновным в принадлежности к какому-либо тайному преступному сообществу». По поводу своей связи с Афанасьевым, с которым он, по сведениям жандармов, вел беседы по рабочему вопросу, Горький изображает себя человеком разочаровавшимся: «Этим последним вопросом он, Пешков, интересовался в молодые годы, а затем, пережив 19-ти лет тяжелый душевный кризис, он утратил всякий интерес к политической экономии, социологии и рабочему вопросу».

По проходному свидетельству Горький высылается из Тифлиса. Жандармы следят за каждым его шагом в пути, чтобы он где-нибудь не сошел с поезда, не остановился, не завел бы новых сношений.

Так в предреволюционные годы Горький проходит школу подполья, двукратного тюремного заключения, пересылку по этапу,—словом, все, что полагается революционеру того времени. Несомненно, этот период обогатил А. М. знакомством с самыми разнообразными людьми. А. М. хлебнул чашу горькую до дна в эти годы, когда шла подготовка к революции, в период разброда и шатаний, когда выковывалась большевистская мысль в первых произведениях В. И. Ленина, в схватках с народниками, с легальными марксистами, с экономистами, с меньшевиками.

В ноябре 1899 года неизвестный корреспондент из Петербурга сообщает в Цюрих о выступлении Горького, когда он «громко выругал всё то, перед чем у нас привыкли кадить». Автор считал, что голос Горького—«это революционный призыв, пока одинокий и, может быть, надолго затерянный в нашем цепенеющем царстве...»

В 1901 году Горький был ненадолго арестован в Майкопе в связи с «майкопским бунтом», когда тысячный сход в Майкопе был расстрелян войсками, причем девятнадцать человек были убиты и восемнадцать ранены, а двадцать пять человек было арестовано.

По стране прокатывается волна студенческих протестов против введения «Временных правил»—полицейского режима для

высшей школы. Правительство решается на репрессии—сдачу в солдаты, массовые высылки, избиения демонстрантов. Горький пишет Валерию Брюсову:

«Настроение у меня, как у злого пса, избитого, посаженного на цепь. Если вы, сударь, любите человека, вы меня, надо думать, поймете. Я, видите ли, чувствую, что отдавать студентов в солдаты—мерзость, наглое преступление против свободной личности, идиотская мера обожравшихся властью прохвостов. Но у меня кипит сердце, и я был бы рад плюнуть им в наглые рожи, какие будут читать ваши «Северные цветы» и их похваливать, как и меня хвалят. Это возмутительно и противно до невыразимой злобы на всех, даже на Бунина, которого люблю, но не понимаю, как талант, свой [пре] красный, как матовое серебро, он не отточит в нож и не ткнет им куда надо». Немного надо было времени, пока Бунин свой талант отточил для того, чтобы ткнуть им как раз в самого Горького. Бунин стал певцом белой гвардии, «России № 2»...

В марте 1901 года Горький—свидетель демонстрации у Казанского собора. Он подписывает протест «Союза взаимопомощи русских писателей» на имя министерства внутренних дел. Появляются ложные правительственные сообщения,—Горький составляет и распространяет опровержение, в котором вскрывает, что́ было на самом деле 4 марта 1901 года у Казанского собора. Горький в это время уже широко известен не только студенческой молодежи,—он уже становится любимым писателем масс. Несомненно, что журнал «Жизнь», созданный Горьким, в числе сотрудников которого были В. И. Ленин, А. Богданов, Ю. Мартов, проф. К. Тимирязев и другие, оказал огромное революционизирующее влияние на молодежь. Неудивительно, что жандармский генерал Ратаев, докладывая директору департамента полиции в апреле 1901 года об умонастроениях в столице, приходит к выводу, что «всякие меры к успокоению волнующегося общества и учащейся молодежи едва ли сколько-нибудь достигнут цели, если при этом не последует распоряжение: а) о совершенном прекращении журнала «Жизнь» и б) о закрытии «Общества помощи в чтении больным и бедным». Жандарм Ратаев, как и все другие жандармы, в данном случае, видел очень недалеко. Противоречия полицейско-помещичьего государства, гнет царского самодержавия поднимали такую огромную волну революции, что смешно было тушить этот пожар революции закрытием журнала «Жизнь» и «Общества помощи в чтении больным и бедным».

Эти меры только показали, насколько была бедна политическая мысль жандармов, мечтавших о преодолении революции таким образом. Но это показывает в то же самое время, что жандармы видели, какая в лице Горького растет огромная революционная сила.

Появляется рассказ Горького, «Весна» который печатался

и переписывался от руки; но особенно большое значение имел «Буревестник» Горького—эта боевая песнь революции. Вряд ли в нашей литературе можно найти произведение, которое выдержало бы столько изданий как «Буревестник» Горького. Его перепечатывали в каждом городе, он распространялся в экземплярах, отпечатанных на гектографе и на пишущей машинке, его переписывали от руки, его читали и перечитывали в рабочих кружках и в кружках учащихся. Вероятно, тираж «Буревестника» в те годы равнялся нескольким миллионам. Но жандармов беспокоит то, что Пешков свои литературные гонорары отдает то в агитационный студенческий фонд, то в пользу группы «Союза борьбы», а «Союз борьбы»—это был оплот складывающейся большевистской партии.

Весной 1901 года жандармы устанавливают, что Горький вместе с писателем Петровым (Скитальцем) приобрели в Петербурге мимеограф для печатания воззваний к сормовским рабочим. За Горьким устанавливается слежка, мимеограф накрыт, и Горький снова арестован вместе с писателем Скитальцем. Причем при обыске обнаружены прокламации, приглашавшие рабочих Сормовских заводов к празднованию 1 мая. На этот раз Горького спасает... туберкулез. Комиссия врачей в мае 1901 года осматривает Горького и устанавливает, что «А. Пешков страдает хроническим туберкулезом обеих легочных верхушек». Горького освобождают и предписывают ему жить в городе Арзамасе, а затем разрешают ему выехать в Крым, «кроме Ялты».

Поездка освобожденного из тюрьмы М. Горького превратилась в своего рода триумфальное шествие. Демонстрации в Москве, в Курске, в Харькове. Летят телеграммы, предписания о том, чтобы не допустить демонстрации. Московские власти отцепляют вагон, перебрасывают его на другой путь, чтобы избежать демонстрации. Начальство распекает жандармов и полицию там, где демонстрации все же удалось организовать. Слава Горького от этого преследования не только не уменьшается, а растет с каждым днем.

Академия наук закрытой баллотировкой избирает А. М. Горького членом Академии наук: это было проявлением протеста со стороны либерально и радикально настроенной интеллигенции. Черносотенная печать поднимает по этому поводу кампанию. «Новое время» печатает об этом сообщение, возмущаясь фактом, что человека, который привлечен к дознанию, обвинен в революционной пропаганде среди рабочих и состоит под особым надзором полиции, выбирают в Академию наук. Вел. князь Константин Романов, председатель Академии наук, записывает в своем дневнике: «тревожный день». Царь требует, чтобы Горького исключили из Академии наук. Константин Романов собирает у себя объединенное собрание отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности и

сообщает им «монаршую волю». Горький исключен из состава Академии наук. В виде протеста против его исключения из состава Академии наук выходит ряд писателей. Это изгнание Горького из Академии наук не только не убило его популярности, а подняло его в сознании широких демократических слоев как человека непримиримой борьбы с царским правительством.

В начале 1901 года жандармам удается установить связь Горького с группой «Искра». Департамент полиции устанавливает московскую группу «Искра»: Лепешинская Ю. И., Вайнштейн М. Л., Пешков А. М. и др.

Из перехваченных писем Лепешинской («Наташи») за границу жандармы узнают, что Горький полностью на стороне искровского направления, что он обещал помогать денежными средствами организации «Искры». Но связь Горького и помощь его организации, конечно, выражаются не в одних денежных взносах. Горький активно откликается на все значительные политические события. Так, по поводу кишиневского погрома Горький выпустил воззвание, полное классового гнева против гнусных погромщиков. Истинными виновниками Горький считает не толпу, которая избивала, а тех, кто командовал толпой, «людей культурного общества». По их адресу пишет он: «Лицемеры, с именем бога на устах развращающие русское общество, сеющие ненависть к евреям, армянам, финнам. Ныне они поливают трупы убитых по их наущению людей трусливой и гнусной клеветой, повторяя свои гнусные дела,—дела растравления чувства и мысли безвольного русского общества. Позор на их злые головы, и да сожжет огонь совести их гнилые сердца, полные лакейства и покорности перед силой». Нет никакого сомнения в том, что эти воззвания Горького и его пламенные боевые песни: «Буревестник», его «Песнь о Соколе»—имели не меньшее революционное воздействие на массы, чем прокламации отдельных революционных комитетов партийной организации; да и сами партийные организации нередко издавали горьковские воззвания и распространяли их широко в массах.

1905 год начинается Кровавым воскресением. К Кровавому воскресению готовятся войска царского правительства. Воздух насыщен грозой. Группа писателей пытается предотвратить кровавое побоище. Горький вместе с группой писателей накануне 9 января, пытаясь предотвратить столкновение с войсками, по поручению писателей и общественных деятелей отправился к министру внутренних дел. Не застав его дома, он обратился к генерал-майору Рыдзевскому с просьбой сделать все, что можно, чтобы не допустить стрельбы по рабочим. Делегаты явились также к председателю Комитета министров, графу Витте. Но вопрос о расстреле рабочих был предрешен, предотвратить его нельзя уже было. Царское самодержавие решилось поставить большую ставку—и поставило ее.

12 января 1905 года управление коменданта С.-Петербургской (Петропавловской) крепости доносит департаменту полиции, что в крепость доставлен и заключен в отдельную камеру здания Трубецкого бастиона арестованный по обвинению в государственном преступлении писатель А. М. Пешков. После нескольких тюремных заключений в Нижнем, Тифлисе, Майкопе, Горький снова в тюрьме, на этот раз—в старой царской Петропавловской крепости, в знаменитом Трубецком бастионе, где пытали в свое время, где сходили с ума замурованные заживо люди. Но у Горького нет мрачных мыслей, Горький убежден в победе революции. Он обращается к коменданту крепости с просьбой разрешить ему «написать комедию». 1 февраля он получил это разрешение. В крепости Горький пробыл лишь до 15 февраля. В стране поднялась такая огромная революционная волна, что царское правительство сочло более выгодным для себя освободить Горького. Несомненно, это была тоже своего рода капитуляция перед напором революционной волны. Горький освобожден под залог в десять тысяч рублей, внесенных Саввой Морозовым. Но жандармы все же ведут следствие по делу Горького.

При обыске присяжного поверенного Евгения Кедрина обнаружен был текст обращения к писателям и общественным деятелям, в котором доводилось до сведения «всех русских граждан и общественного мнения европейских государств о фактах гнуснейшего преступления 9 января 1905 года». Горький признал себя автором этого воззвания, которое он намеревался разослать в редакции всех газет. Долго тянулось следствие по этому делу, и лишь 4 ноября 1905 года, незадолго до декабрьского восстания, дело это было прекращено.

После поражения декабрьского восстания Горький вынужден был уехать за границу. В делах департамента полиции мы находим отношение жандармского управления от 21 января 1906 года о вечере в Финляндском национальном театре в Гельсингфорсе, устроенном в помощь лицам, пострадавшим от царского правительства.

В это время Горький тесно связан с партией большевиков. В 1905 году, когда партия могла выйти на время из подполья со своим легальным органом «Новая жизнь», Горький являлся одним из активных сотрудников «Новой жизни». Из перехваченного департаментом полиции письма Горького, относящегося к 1906 году, видно, как Горький расценивал поражение революции 1905 года. Он высмеивает тех, кто хоронит революцию.

«Пролетариат побежден! Революция подавлена!»—с радостью кричала реакционная пресса. «Но радость преждевременна: пролетариат не побежден, хотя и понес потери. Революция укреплена, новые надежные кадры ее увеличились колоссально... Русский пролетариат подвигается вперед к решительной

победе потому, что это единственный класс морально сильный, сознательный и верующий в свое будущее в России. Я говорю правду, и эта правда будет подтверждена честным и беспристрастным историком».

Этим честным и беспристрастным историком оказалась сама революция, которая привела рабочий класс под руководством большевистской ленинской партии к победе. А. М. имел все основания рассчитывать на этого честного и беспристрастного историка.

На Лондонском съезде Горький (а вместе с ним и М. Андреева) оказал громадную помощь нашей партии. Известно, что благодаря связям Горького партия большевиков имела возможность получать значительные средства для ведения своей работы. Конечно, меньшевикам эта дружба Горького с большевиками крайне не нравилась; но что они могли сделать против органического отвращения Горького к меньшевикам как представителям мещанства, так зло высмеянным Горьким в его произведениях!

Горький создал партийную школу на Капри. Конечно, никакой историк партии не может пройти мимо того, что школа эта оказалась фракционным орудием в руках богостроителей, богоискателей и отзовистов. Все знают борьбу, которую вел Ленин против этой школы как оружия фракционного центра. Но даже и в этот период Горький исходил из одного только желания помочь пролетарской революции, помочь ее партии.

Империалистическая война застает Горького в России. Охранка следит за каждым шагом Горького. Филеры устанавливают, что Горький 18 февраля 1914 г. приезжал в Петербург, встречался с отставным подполковником Критом, что этот подполковник выезжал к нему на дачу в Финляндии. Директор департамента полиции предлагает установить более осторожное наблюдение над Пешковым, чтобы жандармский унтер-офицер на ближайшей к даче Горького станции имел наблюдение за выездами Пешкова и сообщал начальнику с.-петербургской охранки для установления наблюдения. Специально два полковника—Попов и Еремин—прикомандированы для наблюдения за Горьким. Под этой «надежной» охраной Горький должен был вести свою работу в период империалистической войны.

Департамент полиции устанавливает, что Горький сносится с пораженцами, что в журнале «Новый колос» Горький проповедует пораженческие идеи. Московский комитет по делам печати 26 марта 1916 года выносит постановление просить суд о закрытии журнала «Новый колос», приводя выдержки из статьи Горького: «Война, которая вот уже почти два года истребляет самых трудоспособных людей,—эта война началась тоже глупостью и жадностью. Народ наш угнетается бесполезной тратой его лучшей крови».

Специальный доносчик пишет директору департамента полиции Кафафову донос на Горького, на журнал «Летопись», который издавали Горький и книгоиздательство «Парус». Петроградское охранное отделение пишет в департамент полиции 19 февраля 1916 года о пораженческой деятельности Горького.

В августе 1916 года то же охранное отделение, проверив, по заданию департамента полиции, состав сотрудников и результаты деятельности журнала «Летопись», сообщает, что «журнал «Летопись», существующий главным образом на средства писателя Максима Горького, как уже доносилось раньше, большевистского, а значит пораженческого направления. Сотрудниками этого журнала состоят также примыкающие к большевикам социал-демократы. Но все эти лица с литературными именами—главным образом теоретики социал-демократических идей».

Вместе с тем охранка доносила, что «журнал «Летопись» в партийных петроградских большевистских кругах роли не играет и, вообще, этот журнал не пользуется в рабочей среде популярностью». «Возможно,—писали охранники,—что Максим Горький ведет через Финляндию сношения с русскими эмигрантами пораженцами, проживающими в Швеции и Норвегии».

Озлобленным воплем звучат голоса черносотенцев в этот период. Черносотенный «Голос Руси» пишет в корреспонденции, что «Поволжье стоном стонет от этого разлива максимовской «горечи». Избавьте нас от Горького! Избавьте нас от пораженческой литературы!» Так восклицает некий «Ювенал» в «Голосе Руси».

Эти интереснейшие документы о жизни Горького, о его борьбе собрал Центрархив. Сборник послужит ценнейшим вкладом для всех, кто хочет серьезно изучить не только жизнь Алексея Максимовича Горького, но кто изучает историю русской революции во всех ее проявлениях. Тем и красива и красна жизнь Алексея Максимовича, что она переплелась на протяжении десятков лет тесно с важнейшими моментами борьбы рабочего класса за победу социализма. И сам Горький—не п е в е ц только революции, он в ряде важнейших моментов выступает как б о е ц, как активный ее участник, как член нашей боевой большевистской семьи.

27 февраля 1933 г.

Ем. Ярославский

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуемые в настоящем сборнике документы охватывают период с 1889 года до Февральской революции 1917 года. Свыше половины их относится к годам подъема революционного движения перед революцией 1905 года и к самому 1905 году. Наименьшее количество документов падает на заграничный период жизни Горького (1906—1913 годы).

Для лучшей ориентировки читателей мы разбили материал по главам, соответствующим отдельным периодам революционной работы М. Горького.

Большинство документов представляет собой донесения, телеграммы, докладные записки, справки полицейско-жандармских учреждений дореволюционной эпохи.

Наряду с этим материалом мы публикуем те воззвания, прокламации и пр., связанные с именем Горького, и те его собственные статьи и обращения, которые были найдены в соответствующих архивных фондах.

При составлении сборника нами в основном использован фонд департамента полиции (Архив революции и внешней политики), в меньшей степени—фонды Нижегородского губернского жандармского управления и Московского охранного отделения (Архив революции и внешней политики). Отдельные документы привлечены из фондов Главного управления по делам печати и Драматической цензуры (Ленинградское отделение Центрального исторического архива).

Поставив перед собой задачу—собрать воедино все наиболее ценные материалы, освещающие революционную деятельность М. Горького, мы оказались вынужденными наряду с документами, появляющимися в печати впервые, использовать ряд документов, опубликованных ранее в журналах «Былое», «Новый мир» и в других изданиях.

Почти все документы публикуются нами целиком. Лишь в отдельных случаях мы опускаем места, не имеющие прямого отношения к теме сборника или содержащие длинноты и повторения. Во всех этих случаях места пропуска отмечены в тексте многоточиями.

Ссылки на источники даны всюду в конце документов. Заголовки, за исключением специально оговоренных в подстроч-

ных примечаниях случаев, сделаны нами. Даты и номера документов включены в заголовки. Даты даны по старому стилю. В прямые скобки [ ] заключены слова и окончания слов в тексте, принадлежащие авторам сборника.

Документы подготовили к печати Л. Браже и А. Спирова под руководством В. Далаго.

Именной указатель и примечания составлены ими же.

I. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Сведения о лице, привлеченном к переписке в качестве обвиняемого по делу об укрывательстве лица, подлежащего аресту *.

1) Когда послана лит. А. 14 октября 1889 г. за № 714/1228.
2) Фамилия, имя и отчество. Пешков Алексей Максимов.
3) Время рождения. 14 марта 1868 г.
4) Место рождения. Гор. Нижний-Новгород.
5) Вероисповедание. Православного.
6) Происхождение. Мещанин г. Нижнего-Новгорода.
7) Народность. Русский.
8) Подданство. Русский.
9) Звание. Мещанин.
10) Место постоянного жительства. Гор. Нижний-Новгород.
11) Место приписки. Гор. Н.-Новгород; получает вид на жительство из Ремешенской мещанской управы.
12) Занятия. Частною перепиской у присяжного поверенного Ланина.
13) Средства к жизни. Получает заработок от переписки 20 р. в месяц.
14) Семейное положение (имя, отчество жены или мужа, имена детей, их занятия и местожительство). Холост.
15) Родственные связи (родители, братья, сестры, места их жительств и занятия). Не имеет ни отца и ни матери, а также ни братьев, ни сестер родных.
16) Место постоянного жительства родителей или заменяющих их родственников или опекунов.
17) Экономическое положение родителей.
18) Место воспитания (указать, в каком именно заведении, сколько времени пробыл, по-

* Заголовок подлинника.

чему оставил каждое заведение, когда поступил и когда вышел).
Обучался в Нижегородском Ремизовском приходском училище, но курса в оном по бедности не окончил; оставил это училище в 1879 г.
19) На чей счет воспитывался. На счет родителей.
20) Был ли за границею, когда именно, где и с какой целью. Не был.
21) Привлекался ли раньше к дознаниям. Не привлекался.
22) Основания привлечения к настоящей переписке. В начале проживал с подлежащим аресту Сергеем Григорьевым Сомовым [1] и, явившись во время обыска, давал сбивчивые и очевидно ложные пояснения относительно местонахождения Сомова.
23) Время привлечения к переписке. 13 октября 1889 г.
24) Место производства переписки. Гор. Н.-Новгород.
25) Время и место обыска или ареста. Обыск произведен 12 октября, а арестован 13 октября в г. Н.-Новгороде.
26) Время первого допроса. 13 октября 1889 г. [2].
27) Что обнаружено по обыску. Ничего особенного не найдено.
28) Принятая мера пресечения (указать, куда заключен под стражу, где отдан под надзор полиции, кому отдан на поруки и т. д.). Заключен под стражу в 1-м корпусе Нижегородского тюремного замка.
29) Время сообщения (кому именно, число и №) о привлечении к дознанию обвиняемого, состоящего на государственной службе или воспитанника учебного заведения, по принадлежности его начальству.

Помощник начальника Нижегородского губернского жандармского управления подполковник Федоров.

15 октября 1889 г.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 108, 1889, л. 18.)

Уведомление об изменении меры пресечения *.

1) Когда посланы уведомления: лит. А. 14 окт. 1889 г. за № 53, лит. Б 16 окт. 1889 г. за № 58.

---

* Заголовок подлинника.

2) Имя, отчество и фамилия. Пешков Алексей Максимов.
3) Первоначальная мера пресечения. Заключение под стражу.
4) Вновь принятая мера пресечения (указать подробно). На основании 2 п. 416 ст. Уст. угол суд. Особый надзор полиции по месту жительства в г. Н.-Новгороде.
5) Причины изменения меры. На том основании, что скрывшийся и подлежащий аресту Сергей Григорьев Сомов задержан в Казани и что, следовательно, уже нет опасения, чтобы Пешков способствовал укрывательству Сомова.
6) Когда послан предыдущий листок В, если мера была уже раз изменена. 1889 г. за №...

Помощник начальника Нижегородского жандармского управления подполковник Федоров.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 108, 1889, л. 20.)

Отношение Казанского губернского жандармского управления в Нижегородское губернское жандармское управление 13 октября 1889 г. № 1530.

На отношение вашего превосходительства от 9 сего октября за № 697/1197 имею честь сообщить, что упомянутый в оном маляр Алексей Максимов Пешков,—очевидно тот самый, о действительной выдаче коему Нижегородской мещанской управой паспорта за № 323 сроком с 7 декабря 1887 г. по 7 декабря 1888 г. ваше превосходительство уведомили меня от 6 минувшего сентября за № 580/1048 и фотографическая карточка которого при сем прилагается,—проживая в гор. Казани в 1887—1888 гг., занимался не малярным мастерством, но служил разносчиком хлеба в существовавшей с апреля месяца 1887 г. по июнь месяц 1888 г. гор. Казани на углу Бассейной улицы и Безымянного переулка в доме Степанова булочной, официальным владельцем коей считался проживавший в гор. Казани и занимавшийся мелочной торговлей бакалейными товарами, а впоследствии объявленный несостоятельным должником крестьянин Степан Иванов Деренков, дочь которого Мария Степанова, в 1886 г. окончившая курс Казанской Ксеньинской женской гимназии, а ныне состоящая в замужестве за управляющим имением казанского уездного предводителя дворянства Г. Перцова при деревне Кашкары Мамадышского уезда Казанской губернии, Николаем Алексеевым Рамазеевым[3] и по своим знакомствам и сношениям возбуждавшая сомнения в ее политической благонадежности, лично производила торговлю в упомянутой булочной, при которой и проживала как уполномоченная от своего отца. В действительности же, как на то указывали получавшиеся мною негласные сведения, булочная эта была с весь-

* Пропуск в подлиннике.

ма подозрительными целями, сущность коих, однако, не представилось возможности выяснить, открыта на средства известного по своей политической неблагонадежности, состоящего ныне ассистентом при одном из профессоров хирургии императорского Казанского университета, врача Петра Филиппова Кудрявцева [4], бывшего в то время еще студентом означенного университета и совместно с товарищами своими по факультету—также сомнительными в политическом отношении—студентами Анатолием Ивановым [5] и Виктором Пьянковым, из которых последний помогал Деренковой в торговле, проживавшего как бы в качестве квартиранта при означенной булочной, которая имела чисто конспиративный характер, служа местом подозрительных сборищ учащейся молодежи, занимавшейся там, между прочим, совместными чтениями тенденциозных статей и сочинений, для саморазвития в противоправительственном духе [6], в чем участвовал и Алексей Пешков, что помимо негласных сведений явно доказывается препровождаемыми при сем для сведения и в полное распоряжение вашего превосходительства: 1) тетрадью, содержащей написанную, как видно из надписи по заглавиям лист *, Алексеем Пешковым, носившим также прозвище «Грохало», выписку из статьи «Современные учения о нравственности и ее история», Миртов О.З.Юг*, 4-й том, и 2) принадлежащим Пешкову экземпляром изданного, как в свое время было выяснено, с противоправительственными целями в 1883 году в г. Челябинске Оренбургской губернии владельцами библиотеки бр. Покровскими и в августе месяце того же года распространенного продажей в г. Казани известным вашему превосходительству Васильем Кларк и его товарищем по Казанскому университету челябинским купеческим сыном Николаем Зобниным, ныне состоящим в административной ссылке в Западной Сибири, печатного Систематического указателя лучших книг и журнальных статей 1856—1883 гг., каковые предметы были обнаружены у подвергнутой по распоряжению моему, на основании 29 ст. Положения 14 августа 1881 года, в ночь на 4 августа сего года обыску,—без дальнейших, впрочем, последствий и по причинам, не имеющим отношения к деятельности упомянутой булочной,—проживавшей в г. Казани сельской учительницы Надежды Александровой Щербатовой, которая с августа 1887 года и до мая месяца 1888 года также проживала при булочной этой, помогая в торговле и по хозяйству Марии Деренковой, ее совоспитанницы по гимназии.

Когда упомянутая булочная в указанное выше время, по недостатку денежных средств у предпринимателей, прекратила свое существование, то Алексей Пешков, остававшийся некоторое время без всяких занятий, 7 июля 1888 года отправился в село Красновидово Свияжского уезда Казанской губернии,

* Так в подлиннике.

где пробовал, но неудачно, заняться мелочной торговлей[7], откуда в сентябре месяце того же года возвратился в гор. Казань, а затем в конце сентября месяца неизвестно куда выехал, причем, по имеющимся негласным сведениям, Алексей Пешков в последних числах мая месяца текущего года был на весьма короткое время в г. Казани, но с какою целью сюда приезжал и где квартировал—не представилось возможности выяснить, как равно не представляется возможности установить времени, целей и самого факта других приездов его летом настоящего года в г. Казань, где он, по всей вероятности, останавливался у кого-либо из своих знакомых, не предъявляя своего документа к прописке. Что же касается до причин, которые могли бы вызвать упоминаемые вашим превосходительством поездки Пешкова из Нижнего-Новгорода в г. Казань, где Пешков также постоянно вращался в кругу лиц, прямо неблагонадежных и сомнительных по своему политическому направлению, то весьма возможно подозревать, что он был посредником каких-либо тайных сношений между неблагонадежными личностями, проживающими в Нижнем-Новгороде и Казани.

К изложенному необходимым считаю присовокупить, что Алексей Пешков, проживая в г. Казани, не был явно скомпрометирован в политическом отношении, и мой запрос вашему превосходительству от 25 августа сего года за № 1086 касательно документа Пешкова и сведений о нем вызван был именно обнаружением у Надежды Щербатовой вышеозначенных предметов, Пешкову принадлежащих, как это удостоверила Надежда Щербатова, объяснившая, что предметы эти она увезла случайно со своими учебными книгами при отъезде ее из булочной в мае месяце 1888 года на летнее время к знакомым в Чистопольский уезд Казанской губернии и не возвратила по принадлежности, так как более с Пешковым не встречалась и не знала его местожительства.

Начальник управления полковник Гангардт.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 108, 1889, л. 25.)

Отношение нижегородского вице-губернатора в Нижегородское губернское жандармское управление 18 октября 1889 г. № 586.

Вследствие отношения от 1-го сего октября * за № 755/1298 имею честь уведомить ваше превосходительство, с возвращением приложения, что я разделяю ваш взгляд относительно прекращения производством дела о мещанине Алексее Пешкове и отмены учрежденного за ним гласного надзора, с подчинением его секретному надзору полиции.

И. д. губернатора вице-губернатор П. Неклюдов.
Правитель канцелярии Н. Харлампович.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 108, 1889, л. 37.)

* В подлиннике: «1-го сего ноября».

Отношение департамента полиции на имя начальника Нижегородского губернского жандармского управления 13 ноября 1889 г. № 3903.

Ввиду сведений, имеющихся в департаменте о сомнительной политической благонадежности мещанина Алексея Пешкова, и на основании положения о негласном надзоре, департамент полиции имеет честь просить вас, милостивый государь, учредить за означенным лицом негласный надзор.

Прилагаемый при сем листок подлежит заполнению и возвращению в департамент *.

Вице-директор С а б у р о в.
Делопроизводитель С е м я к и н.

Отношение Нижегородского жандармского губернского управления на имя нижегородского губернатора 1 ноября 1889 г. № 755.

Препровождая при сем к вашему превосходительству произведенное при вверенном мне управлении в порядке закона об охране дознание о нижегородском мещанине Алексее Пешкове, имею честь сообщить.

Алексей Пешков, долго отсутствовавший из Нижнего, где он провел годы детства и учился, возвратился сюда на жительство в мае текущего года и сейчас же обратил на себя внимание мое своими знакомствами, состоящими почти исключительно из лиц более или менее скомпрометированных в политическом отношении. Доказательством этого могут служить сделанные мною о нем, Пешкове, запросы жандармским управлениям Саратовскому и Казанскому.

Мне, разумеется, было известно и то, что он жил на одной квартире с поднадзорными [8]—бывшим студентом, привлекавшимся к дознаниям политического характера и состоявшим в административной ссылке в Сибири, Сергеем Сомовым и с также состоящим под негласным надзором, бывшим сельским учителем, Акимом Чекиным (Чекичевым тоже), и это обстоятельство меня еще более утверждало в политической неблагонадежности Алексея Пешкова, так как дружба его с вышеназванными двумя, несравненно выше его стоящими по образованию, личностями, которые кроме того старше его годами, давало мне полное право предполагать, что он, Пешков, представляет из себя орудие, при помощи которого Чекичев и в особенности Сомов распространяют или желают распространять в народе свои антиправительственные воззрения. Я постоянно искал случая проникнуть в общую квартиру Сомова, Чекина и Пешкова, но, к сожалению, не находил для этого достаточных законных оснований. Получаемые мною агентурным путем сведения о частом посещении этой квартиры личностями, считающимися

* См. стр. 23.

Поднадзорный лист Пешкова Алексея Максимовича 1889 г.

Фамилия	Пешков	Лет от роду
Имя	Алексей	
Отчество	Максимов	21
Звание	Мещанин	
Семейное положение.	Холост.—Ни родителей, ни братьев и сестер не имеет.—Имеет в г. Нижнем дядю, Якова Каширина.	
Имущественное обеспечение.	Никакого.	
Место постоянного жительства.	Нижний-Новгород.	
Год, месяц, число и № распоряжения департамента полиции.	№ дела	Время прекращения надзора.
10 ноября 1889 г. за № 3117.		
Причина учреждения надзора и полученные наблюдением сведения		

Ввиду сведений о сомнительной политической благонадежности Алексея Пешкова департамент полиции считает нужным учредить за ним негласный надзор полиции.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 3, 1889, л. 6.)

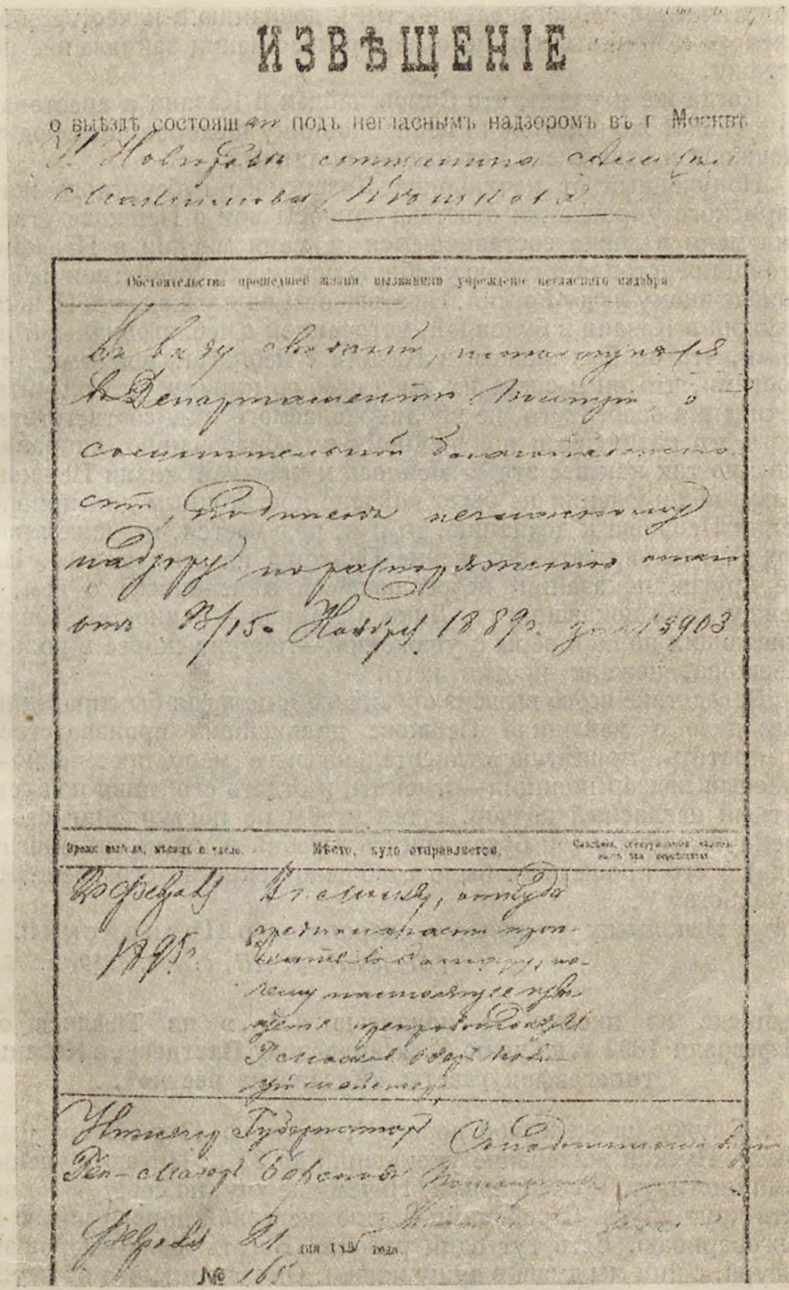
неблагонадежными, о том, что Сомов, Чекин и Пешков не держат у себя никакой прислуги, и о том, что, уходя из дому, они не дозволяют даже прислуге домовладельца, г. Лика, прибирать у них в комнатах и тщательно запирают квартиру,—все это могло только увеличивать мои подозрения, но все-таки не давало мне права произвести обыск или что-нибудь подобное.

Отсюда понятно, что получение 12 октября из Петербурга депеши о заарестовании Сергея Сомова доставило мне известное удовольствие. Я наконец мог посредством обыска узнать в известной степени, в какой мере неблагонадежны обитатели квартиры в доме Лик, и принять относительно них соответствующие меры.

Однако цель эта не была вполне достигнута. Хотя я и поторопился с обыском (он был произведен в самый день получения депеши), но в квартире не оказалось уже никого. Во время самого обыска в нее возвратился только Пешков, Чекин же за два дня перед тем выбыл в Горбатовский уезд, а Сомов, часа за три до получения мною телеграммы о заключении его под стражу, исчез и затем в Нижнем уже найден не был. Отъезд Чекина можно еще, пожалуй, объяснить случайностью. У него не было занятий, и он мог воспользоваться этим для посещения своего приятеля Вопилкина, недавно устроившегося в имении графа Шереметьева в качестве лесничего. Что же касается до Сомова, то он, по всей вероятности, был кем-нибудь оповещен о производимом ныне в Казани дознании и об аресте некоторых из его знакомых, почему и поторопился, уничтожив или припрятав все, что могло служить уликою против него, а быть может и против его сожителей, скрыться из Нижнего. Оказавшиеся в квартире Сомова, Чекина и Пешкова книги и бумаги найдены разбросанными, в беспорядке и частью порванными, и притом между ними не обнаружено ничего существенного. Очевидно было, что найденное представляло только ненужный отбросок, что бумаги пересматривались и разбирались. Какого-либо имущества (платья, белья и проч.) у Сомова также не было найдено, а между тем об отъезде его из Нижнего и об оставлении им квартиры в доме Лик он не говорил не только ни г. Лику, ни членам его семейства, но даже его прислуге, с которою встречался как в день своего исчезновения, так и накануне.

Узнать, куда делся Сомов, можно было только от Пешкова. Он был опрошен и не только ответил, что не знает, где Сомов, но стал даже уверять, что Сомов исчез из квартиры не 12-го, но 11 октября. Держал себя при этом опросе Пешков в высшей степени дерзко и нахально[9].

Опасение, чтобы Пешков, оставаясь на свободе, не дал каким-нибудь образом знать Сомову о том, что его разыскивают, и о произведенном у него в квартире обыске, заставило меня предписать производившему обыск помощнику моему подполковнику Федорову привлечь Пешкова, как заподозренного в



ИЗВѢЩЕНІЕ

о выѣздѣ состоящ*аго* подъ негласнымъ надзоромъ въ г. Москвѣ *Н. Новгорода [illegible] Алексея Максимова Пешкова.*

Обстоятельства прошедшей жизни, вызвавшія учрежденіе негласнаго надзора
Въ виду свѣдѣній, поступившихъ въ Департаментъ Полиціи о сомнительной благонадежности, подчиненъ негласному надзору по распоряженію онаго отъ 18/15 Ноября 1889 г. за № 13903.

Время выѣзда, мѣсяцъ и число.	Мѣсто, куда отправляется.	Свѣдѣнія, сообщенныя начальникомъ за переѣздомъ
20 Февраля 1895 г.	*Въ г. Москву, откуда предполагаетъ проѣхать въ Самару, [illegible]*	

Нижегор. Губернаторъ Ген.-Маіоръ Барановъ

Февраля 21 дня 1895 года.

№ *165*

ИЗВЕЩЕНИЕ НИЖЕГОРОДСКОГО ГУБЕРНАТОРА БАРАНОВА 21 ФЕВРАЛЯ 1895 Г. О ВЫЕЗДЕ М. ГОРЬКОГО В МОСКВУ.

политической неблагонадежности, к дознанию в качестве обвиняемого и принять для него мерою пресечения заключение под стражу.

Когда же я узнал, что Сомов найден в Казани и арестован, то я сейчас же предложил подполковнику Федорову освободить Пешкова и отдать его под надзор полиции.

Полученный от начальника Казанского губернского жандармского управления ответ на запросы мои о Пешкове утвердил меня в давно составившемся у меня мнении о Пешкове, что он представляет собою удобную почву для содействия неблагонадежному люду России. Из этого отзыва я узнал, что Пешков служил в Казани в булочной, устроенной с неблаговидными целями, что он был знаком в Казани с неблагонадежными личностями, что он в среде их имел особую кличку, что он читал сочинения особенного, не вполне желаемого и не соответствующего его развитию и полученному им образованию, направления; но так как все это относилось к прежней жизни Пешкова и при обнаружении не было найдено достаточным для привлечения Пешкова к дознанию, то и я, разумеется, не нашел возможным основывать обвинение Пешкова на этом отзыве. Все же другие показания, встречающиеся в переписке о нем, и между ними показания гг. Лика и Ланина,—личностей, заслуживающих полной веры и уважения,—говорят скорее в пользу Пешкова, нежели против него.

Вследствие всего вышеизложенного я полагал бы справедливым дело о мещанине Пешкове дальнейшим производством прекратить, принятую относительно него меру пресечения—гласный надзор полиции—отменить и отдать его лишь под секретный негласный надзор, с тем чтобы по поступлении его в военную службу (он будет тянуть жребий в конце нынешнего года) о его прошедшем было сообщено секретно его военному начальству [10].

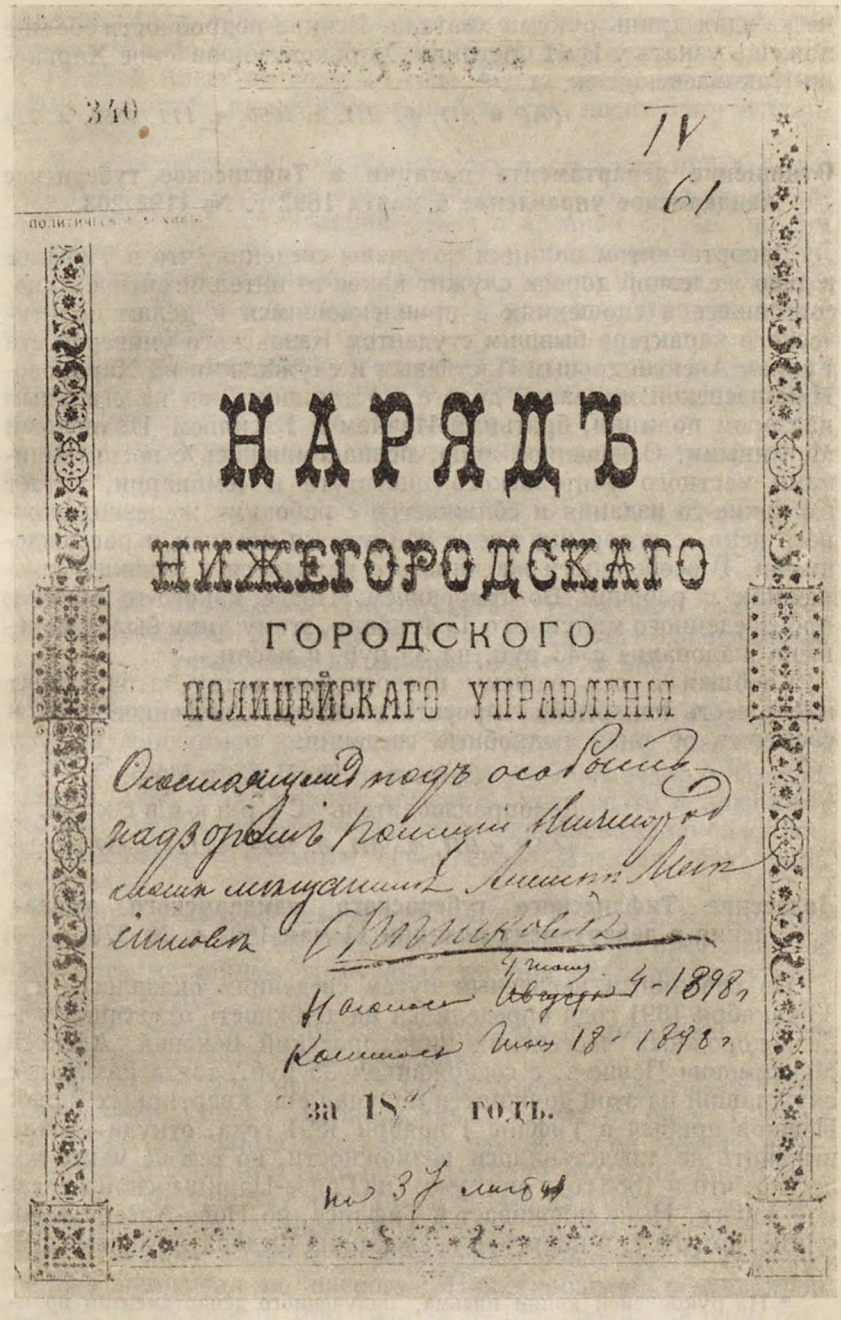
Начальник управления генерал-майор Познанский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 108, 1889, л. 35.)

Выписка из письма за подписью «Л...» из Тифлиса от 14 февраля 1892 г. к Гурию Александровичу Плетневу, в Казань, типография газеты «Казанские вести»*.

...Служу на железной дороге [11], получаю 43 р. Вчера был обыск. Пускай жалование уменьшили до 35 р. Читаю с учениками института и семинарами. Ничему не учу, но советую понимать друг друга. С рабочими в депо железной дороги читаю и разговариваю. Есть тут один рабочий Богатырович—хорошая фигура, с ним мы душа в душу живем. Он говорит, что в жизни ничего нет хорошего, а я говорю—есть, только спрятано, чтобы

* Заголовок подлинника.



ОБЛОЖКА ДЕЛА НИЖЕГОРОДСКОГО ГОРОДСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ 1898 Г. «О СОСТОЯЩЕМ ПОД ОСОБЫМ НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ НИЖЕГОРОДСКОМ МЕЩАНИНЕ АЛЕКСЕЕ МАКСИМОВЕ ПЕШКОВЕ».

не каждая дрянь руками хватала. Всякие подробности обо мне можешь узнать у В. И. Метлина, Харьков, управление Харьково-Николаевской ж. д... *

(АР и ВП, ф. ДП, д. 1096, ч. III, 1889, л. 7.)

Отношение департамента полиции в Тифлисское губернское жандармское управление 5 марта 1892 г. № 1192/203.

Департаментом полиции получены сведения, что в Тифлисе в депо железной дороги служит какое-то интеллигентное лицо, состоявшее в сношениях с привлекавшимся к делам политического характера бывшим студентом Казанского университета Гурием Александровым Плетневым и служащими на Харьково-Николаевской железной дороге, состоящими под нелегальным надзором полиции, братьями Иваном и Василием Ивановыми Метлиными. Означенное лицо, познакомившись с воспитанниками местного учительского института и семинарии, читает им какие-то издания и сближается с рабочими железнодорожного депо, с которыми также занимается чтением и рассуждениями. В особенности же лицо это находится в близких отношениях с рабочим Богатыровичем. После какого-то обыска, произведенного минувшего 13 февраля, этому лицу было уменьшено жалование с 43 руб. на 35 руб. в месяц.

Сообщая о сем вашему превосходительству, департамент имеет честь покорнейше просить выяснить означенное лицо и сообщить об оном подробные сведения.

Директор П. Дурново.

Делопроизводитель Сераковский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 1096, ч. III, 1889, л. 9.)

Донесение Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции 11 мая 1892 г. № 378.

По собранным негласным путем сведениям оказалось, что 13 декабря 1891 года определился на должность отметчика железнодорожных мастерских нижегородский цеховой, Алексей Максимович Пешков, с содержанием 35 руб., тогда как ранее служивший на этой должности получал еще квартирных 7 руб. Пешков прибыл в Тифлис 1 ноября 1891 года, откуда—точно выяснить не представилось возможности, но тем не менее известно, что в 1888 году он служил на Грязе-Царицынской железной дороге. Ныне проживает в Тифлисе, по Ново-Арсенальной улице, дом № 7, в квартире гражданина Федора Афанасьева [12],

* На рукописной копии письма, полученного департаментом полиции агентурным путем, имеется помета: «Резолюция г-на директора: прошу выяснить автора [письма и] какой институт в Тифлисе». Автором письма являлся М. Горький.

ведет довольно обширное знакомство с молодежью, но кто собственно эта молодежь—пока еще не установлено.

Пешков имеет от роду 24 года, роста очень высокого, человек развитой, имеет прекрасный почерк, носит очки и длинные волосы.

В числе рабочих железнодорожных мастерских имеется слесарь Карл Богатырович, определившийся на должность 28 сентября 1890 года, служивший ранее в военной службе во 2-м железнодорожном баталионе, уроженец Гродненской губернии.

Сопоставляя полученные сведения, нужно притти к заключению, что Пешков именно и есть та личность, которую и требуется выяснить.

Вследствие сего мною учреждено негласное наблюдение за квартирой Пешкова на предмет установления лиц, его посещающих, и выяснения образа его жизни.

О вышеизложенном имею честь донести департаменту полиции.

Генерал-майор Янковский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 1096, ч. III, л. 10.)

Отношение начальника Тифлисского губернского жандармского управления в Нижегородское губернское жандармское управление 26 апреля 1898 г. № 996.

Препровождая при сем копию постановления Отдельного корпуса жандармов ротмистра Конисского от 15 сего апреля за № 72, имею честь просить ваше высокоблагородие в порядке 1035 ст. Уст. угол. судопр. обыскать, арестовать и препроводить в мое распоряжение упомянутого в препровождаемой копии, привлеченного в качестве обвиняемого Алексея Максимова Пешкова.

В случае ненахождения названного Пешкова в Нижнем-Новгороде прошу не отказать выяснить место его пребывания и направить настоящее требование по принадлежности, уведомив меня о том.

К сему имею честь присовокупить, что по дознанию о Пешкове имеются следующие сведения:

Мещанин г. Нижнего-Новгорода Алексей Максимов Пешков, цеховой, холост, православный, 23 лет от роду; служил счетоводом в главных мастерских Закавказской железной дороги с 10 декабря 1891 года по 21 сентября 1892 года, когда уволился по собственному желанию и выбыл из Тифлиса, по имеющимся сведениям, в Нижний-Новгород, якобы для поступления на службу в какое-то пароходное общество. В Тифлисе Пешков проживал по паспорту Нижегородской ремесленной управы, от 29 апреля 1891 года за № 136, сроком на один год.

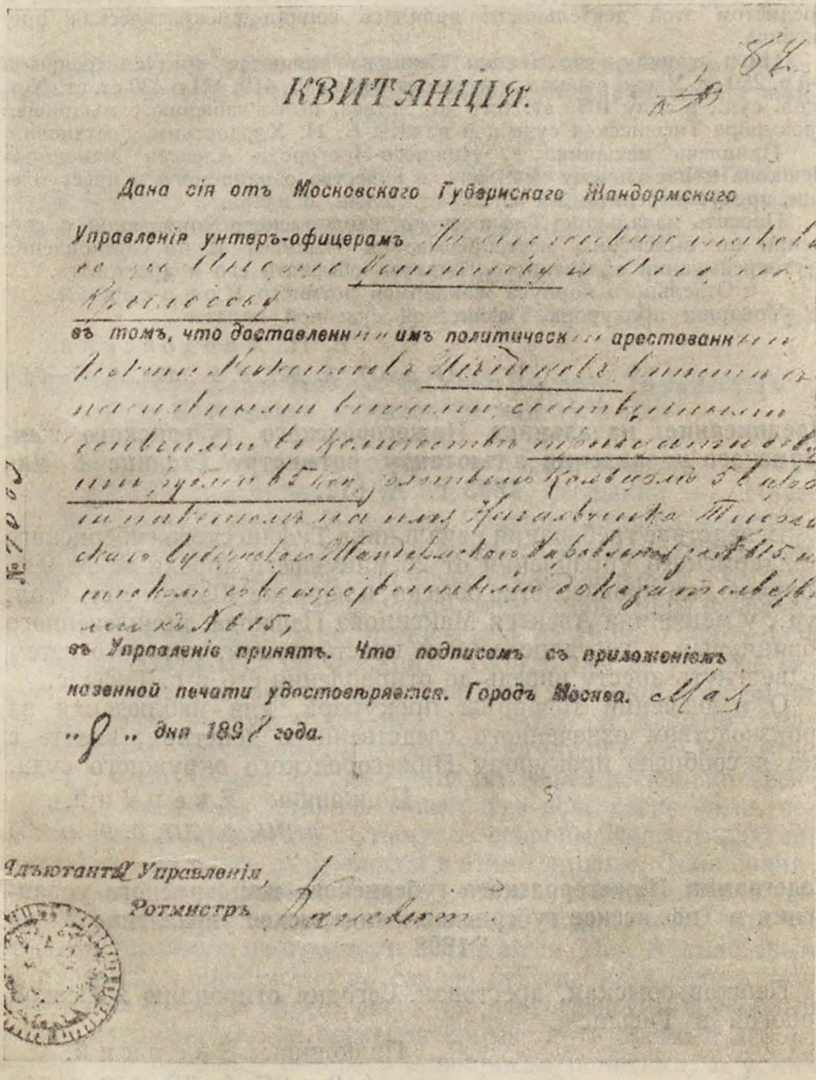
Полковник Дебилев.

Постановление № 72.

1898 года, апреля 15 дня, в г. Тифлисе, я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Конисский, рассмотрев показания машиниста Закавказской железной дороги Петра Идзиковского, смотрителя Цинамрвариан-Корской сельскохозяйственной школы Ивана Магалова, служащего в конторах тифлисских водопроводов Владимира Рохлина, акушерки Ксении Скобиненко и классного фельдшера Кондратия Ильина Громзина, нашел, что означенными показаниями выяснено, что в 1892 году обвиняемый Федор Ермолаев Афанасьев проживал в г. Тифлисе на одной общей квартире со многими личностями, каковую квартиру посещала учащаяся молодежь обоего пола (ученики учительского института, ученицы повивального института и др.) и какие-то учительницы, причем об одном из сожителей Афанасьева, некоем «Пешкове», посещавший общежитие, устроенное Афанасьевым, свидетель Петр Идзиковский показал: «Пешков был человек начитанный, писал в газетах; я читал его фельетон в какой-то газете, подписанный «Пешков», поразивший меня своим содержанием, так как я никогда не думал, что Пешков так превосходно пишет. Про него я еще слышал, что он человек бывалый, много поколесил по всей России и большую часть пути сделал пешком... слышал, что он жил где-то между бурлаками, зачем—не знаю. Думаю, что не затем, чтобы бурлачествовать, так как я заметил, что он физического труда чуждался и искал в Тифлисе работ по письменной части...» Затем свидетель показал, что и после того как общежитие, устроенное Афанасьевым, распалось, близкие отношения Пешкова к Афанасьеву не прекратились.

Проживавший же в том же общежитии свидетель Иван Магалов показал: «...Присутствуя при разговорах Пешкова и Афанасьева, когда мне это случалось в свободное время, я обратил внимание на их крайние и резкие суждения. Вывел я полное и несомненное заключение, что политически они совершенно неблагонадежны, как Афанасьев, так и Пешков...» Далее свидетель говорит, что Афанасьев человек необразованный, но Пешков развитой и начитанный. «Я скажу, что все, что только ни вышло из Афанасьева,—это продукт влияния на него Пешкова. Пешков о себе говорил, что он побывал всюду в России и все видел. Помню, что он говорил, что много раз жил среди рабочих, арендовал мельницу, разводил огород. Припоминая разговоры и суждения Пешкова, скажу, что несомненно он был причастен к пропаганде рабочей. Так часто и так много и резко он говорил об эксплоатации рабочих, так много он развивал на эту тему [суждений]».

Принимая во внимание эти показания, а также и то, что как самая личность Пешкова, так и приезд его в Тифлис, кратковременное здесь пребывание и отъезд его (причем он бросил место счетовода главных мастерских Закавказской железной дороги, в достаточной степени его обеспечивающее)[13] являются загадочными; что проживавший вместе с ним и находившийся, видимо, под его влиянием Афанасьев (простой мастеровой-самоучка), как было обнаружено, оказался причастным к делу социал-демократической пропаганды, о чем знающий Афанасьева и одно время даже вместе с ним живший, в бытность свою учеником Александровского учительского института, смотритель Цинамрвариан-Корской сельскохозяйственной школы Иван Магалов в вышеприведенном своем показании прямо говорит, что «...все, что только ни вышло из Афанасьева,—это продукт влияния на него Пешкова...»; что обвиняемый Афанасьев относительно предъявленной ему, найденной у него же на обыске фотографической карточки Пешкова с надписью: «Дорогому Феде Афанасьеву от Максимыча», сказал, что фамилию лица, изображенного на этой карточке, он забыл, по поводу же того, каким образом попала к нему означенная фотографическая карточка, дал вымы-



КВИТАНЦІЯ.

№ 84

Дана сія отъ Московскаго Губернскаго Жандармскаго

Управленія унтеръ-офицерамъ [illegible]

въ томъ, что доставленн[ый] имъ политическ[ій] арестованн[ый]

[illegible] Пѣшковъ [illegible] [illegible] въ количествѣ [illegible] рублей 65 коп., золотымъ кольцомъ [illegible] пакетомъ на имя Начальника Тифлисскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія за № 615 и пакетомъ съ вещественными доказательствами къ № 615,

въ Управленіе принятъ. Что подписомъ съ приложеніемъ казенной печати удостовѣряется. Городъ Москва. Мая „8“ дня 1898 года.

№ 7066

Адъютантъ Управленія,

Ротмистръ [illegible]

КВИТАНЦИЯ МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ 8 МАЯ 1898 Г. О ПРИНЯТИИ М. ГОРЬКОГО, НАПРАВЛЯВШЕГОСЯ ПОСЛЕ АРЕСТА В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ В ТИФЛИС.

шленное, совершенно ложное показание, при дальнейших же своих объяснениях по поводу найденного у него на обыске (относительно записи фамилии «Пешков») сказал, что не припоминает такого лица,—так что все вышеизложенное, вместе взятое, дает полное основание заключить, что деятельность Пешкова являлась несомненно преступной, и предметом этой деятельности являлась социал-демократическая пропаганда.

Имея в виду, что деяния Пешкова являются предусмотренными 2-й ч. 250 ст. Улож. о наказ., руководствуясь 416, 419, 421 и 430 ст. ст. Уст. угол. суд., в силу 1035 ст. того же Устава, по соглашению с товарищем прокурора Тифлисской судебной палаты Е. Н. Хлодовским, постановил:

Привлечь мещанина г. Нижнего-Новгорода Алексея Максимова Пешкова к настоящему дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 2-й ч. 250 ст. Улож. о наказ.

Просить начальника Тифлисского жандармского управления о сношении по выяснению местопребывания Пешкова и по установлении местопребывания означенного Пешкова обыскать его и арестовать.

Отдельного корпуса жандармов ротмистр К о н и с с к и й.

Товарищ прокурора Тифлисской судебной палаты

Е. Н. Х л о д о в с к и й.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 9, 1898, л. 64—65.)

Предписание начальника Нижегородского губернского жандармского управления адъютанту ротмистру Столице 6 мая 1898 г. № 612.

Вследствие требования начальника Тифлисского губернского жандармского управления от 26 минувшего апреля за № 996, поручаю вам производство обыска, в порядке 1035 ст. Уст. угол. суд., у мещанина Алексея Максимова Пешкова, привлеченного обвиняемым в государственном преступлении, которого затем подвергнуть аресту впредь до отправления его в г. Тифлис.

О назначении товарища прокурора, для наблюдения за производством означенного следственного действия, вместе с сим я сообщаю прокурору Нижегородского окружного суда.

Полковник Е в е ц к и й.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 9, л. 76.)

Телеграмма Нижегородского губернского жандармского управления в Тифлисское губернское жандармское управление 7 мая 1898 г.

Пешков обыскан, арестован. Сегодня отправляю железной дорогой в Тифлис[14].

Полковник Е в е ц к и й.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 9, л. 74.)

Квитанция помощника пристава Нижегородского полицейского управления 6 мая 1898 г.

1898 года мая 6 дня дана сия помощником пристава Харитиным в том, что принят для арестования при городском поли-

цейском управлении впредь до особого распоряжения нижегородский цеховой Алексей Максимович Пешков.

Помощник пристава Харитин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 9, л. 77.)

Телеграмма Нижегородского губернского жандармского управления в Московское губернское жандармское управление 7 мая 1898 г.

Сегодня почтовым отправляю до Москвы политического арестанта Алексея Пешкова, следующего в Тифлис. Благоволите назначить конвой для дальнейшего сопровождения.

Полковник Евецкий.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 9, л. 78.)

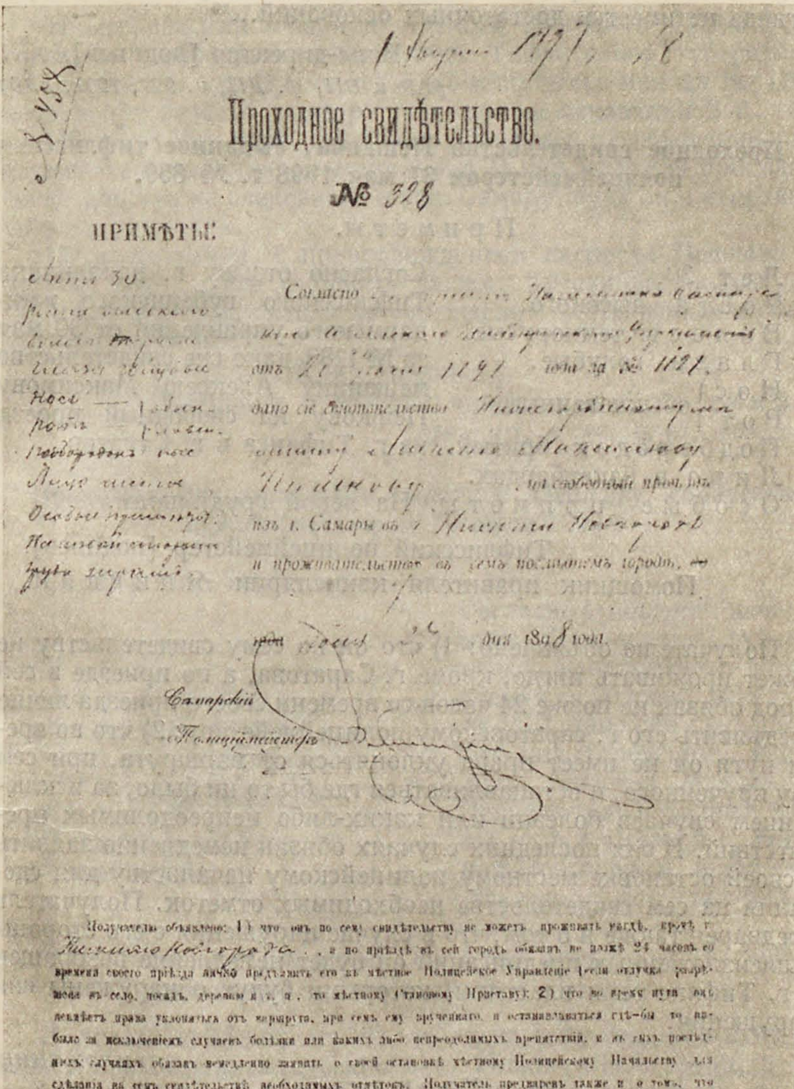
Из заключения министерства юстиции по делу Тифлисского и Батумского кружков 20 мая 1898 г.

Не признавая себя виновным в принадлежности к какому-либо тайному преступному сообществу, мещанин г. Нижнего-Новгорода Алексей Максимов Пешков, 30 лет, объяснил, что весною 1891 года, находясь в очень тяжелом нравственном состоянии, которое родилось на почве его одиночества и полной неприспособленности к культурным людям, понятиям и порядкам, он пешком предпринял путешествие из Нижнего-Новгорода, думая пробраться во Францию, а когда ему не удалось перейти границу, он направился в Тифлис и поступил агентом на Закавказскую железную дорогу. В Тифлисе он случайно познакомился с Афанасьевым и поселился на одной с ним квартире вместе с несколькими другими лицами. Через несколько месяцев он должен был оставить общежитие вследствие очень недружелюбного отношения к нему со стороны соквартирантов, возникшего на почве разногласия с этими лицами. Они обвиняли его в проповедывании индиферентизма, скептицизма, в насмешливости, в равнодушии к жизни и людям, тогда как он защищал широкую программу саморазвития. Но с Афанасьевым он продолжал знакомство до самого отъезда из Тифлиса, так как он был славный малый, очень добрый, честный и способный на все хорошее, хотя и бесхарактерный. В то время в нем не замечалось никакого интереса к вопросам политики, и у них никогда таких вопросов не поднималось, равно как они не возбуждали разговора и о рабочем вопросе. Этим последним вопросом он, Пешков, интересовался в молодые годы, а затем, пережив 19-ти лет тяжелый душевный кризис, он утратил всякий интерес к политической экономии, социологии и рабочему вопросу. У Афанасьева в то время никакого интереса к лите-

ратуре и стремления к самообразованию не было, и он никогда ничего не читал; он же, Пешков, напротив, усиленно был занят самообразованием, попытками заняться литературным делом и личной своей историей интимного характера, почему у него не было ни времени, ни основания влиять на Афанасьева в смысле убеждения его в необходимости образования. В общение с рабочими он входил по необходимости, так как искал заработка и никаким трудом, кроме труда чернорабочего, не мог найти средств к существованию по характеру [сво]его образования; когда же степень образования его повысилась настолько, что он мог переменить труд чернорабочего на более легкий и культурный, он стал заниматься умственным трудом.

По обыску, произведенному у Пешкова в городе Нижнем-Новгороде, найдена была весьма значительная переписка, но по рассмотрении таковой в ней ничего преступного или предосудительного не обнаружено...

По связи с Тифлисским кружком привлечены были к дознанию [по обвинению] в принадлежности к этому кружку[15] мещанин города Нижнего-Новгорода Алексей Пешков на том основании, что в бытность в Тифлисе он в 1891 или 1892 году проживал в течение нескольких месяцев в общежитии, устроенном Афанасьевым, и, по показаниям свидетелей Громзина, Магалова и Идзиковского, главенствовал в нем своею начитанностью и развитием,—много и резко говорил об эксплоатации рабочих и имел большое влияние на Афанасьева, по сведениям же Нижегородского губернского жандармского управления в 1889 году была возбуждена переписка о политической неблагонадежности Пешкова, и он, по распоряжению департамента полиции, состоит под негласным надзором полиции... Обвинение Пешкова основывается единственно на близости отношений его к Афанасьеву и высказывании резких суждений об эксплоатации рабочих. Но принимая во внимание, что показания свидетелей в этом отношении весьма неопределенны и не указывают, чтобы допущенная Пешковым резкость суждений проявилась в какой-либо преступной форме и чтобы сочувствие его угнетенному положению рабочих выразилось в каких-либо внешних действиях, что знакомство и близость Пешкова к Афанасьеву относятся к давно прошедшему времени и со времени отъезда Пешкова из Тифлиса в 1892 году совсем прекратились, что беспричинное пребывание Пешкова на Кавказе и казавшееся необъяснимым оставление им занятий на Закавказской железной дороге вполне правдоподобно объясняются Пешковым тем удрученным душевным состоянием, в коем он тогда находился вследствие своих частных, интимного свойства, дел и что проявление им некоторой политической неблагонадежности за время, предшествовавшее прибытию его в Тифлис, не указывает на преступную в чем-либо деятельность его и во время пребывания в Тифлисе,—надлежит признать, что к установлению



Проходное свидѣтельство.

№ 328

ПРИМѢТЫ:

Согласно ... отъ 21 ... 1898 года за № 1121, дано сіе свидѣтельство ... для свободнаго проѣзда изъ г. Самары въ г. Нижній Новгородъ и проживательства въ семъ послѣднемъ городѣ.

... дня 1898 года.

Самарскій Полиціймейстеръ

Получатель объявлено: 1) что онъ по сему свидѣтельству не можетъ проживать нигдѣ, кромѣ г. Нижняго Новгорода, а по пріѣздѣ въ сей городъ обязанъ не далѣе 24 часовъ со времени своего пріѣзда лично представить его въ мѣстное Полицейское Управленіе (если отлучка разрѣшена въ село, посадъ, деревню и т. п., то мѣстному Становому Приставу); 2) что во время пути онъ лишаетъ права уклоняться отъ маршрута, при семъ ему врученнаго, и останавливаться гдѣ-бы то ни было за исключеніемъ случаевъ болѣзни или какихъ либо непреодолимыхъ препятствій, и въ сихъ послѣднихъ случаяхъ обязанъ немедленно заявить о своей остановкѣ мѣстному Полицейскому Начальству для сдѣланія на семъ свидѣтельствѣ необходимыхъ отмѣтокъ. Получатель предваренъ также и о томъ, что въ случаѣ нарушенія съ его стороны вышеизложенныхъ предписаній онъ будетъ ~~немедленно возвращенъ въ г. Самару тѣми мѣстами, которыми будутъ обнаружены сіи нарушенія.~~

ПРОХОДНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО, ПОЛУЧЕННОЕ М. ГОРЬКИМ 24 ИЮЛЯ 1898 Г. В САМАРЕ ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ЕГО ИЗ ТИФЛИСА В НИЖНИЙ-НОВГОРОД.

виновности его в причастности к социал-демократической пропаганде не имеется достаточных оснований...[16]

Вице-директор [подпись].

(АР и ВП, ф. ДП, д. 927, 1901, л.19)

Проходное свидетельство Пешкова, выданное тифлисским полицеймейстером 31 мая 1898 г. № 859.

Приметы.

Лет 30.
Роста высокого.
Волосы темнорусые.
Глаза голубые.
Нос \
Рот / обыкновенные.
Подбородок бритый.
Лицо в бакенбардах.
Особые приметы. На левой груди шрам.

Согласно отзыву г. начальника Тифлисского губернского жандармского управления от 30 мая за № 1283, дано сие свидетельство мещанину Алексею Максимову Пешкову на свободный проезд из г. Тифлиса в г. Саратов.

Тифлисский полицеймейстер [подпись].
Помощник правителя канцелярии Яницкий.

Получателю объявлено: 1) что он по сему свидетельству не может проживать нигде, кроме г. Саратова, а по приезде в сей город обязан не позже 24 часов со времени своего приезда лично предъявить его г. саратовскому полицеймейстеру; 2) что во время пути он не имеет права уклоняться от маршрута, при сем ему врученного, и останавливаться где бы то ни было, за исключением случаев болезни или каких-либо непреодолимых препятствий. В сих последних случаях обязан немедленно заявить о своей остановке местному полицейскому начальству для сделания на сем свидетельстве необходимых отметок. Получатель предварен также и о том, что в случае нарушения с его стороны вышеизложенных предписаний он будет немедленно возвращен в г. Тифлис теми властями, которыми будут обнаружены сии нарушения.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Маршрут

следования означенного в сем Пешкова от г. Тифлиса до г. Самары*.

От Тифлиса до Баку по жел. дор., от Баку до Астрахани на пароходе, от Астрахани до Самары—тоже.

Полицеймейстер, действительный ст. сов. [подпись].
Помощник правителя канцелярии Яницкий.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 61, л. 31.)

---

* Так в подлиннике.

Отношение тифлисского полицеймейстера на имя самарского полицеймейстера 4 июня 1898 г. № 859.

Нижегородский мещанин Алексей Максимов Пешков, согласно требованию начальника Тифлисского губернского жандармского управления от 30-го минувшего мая за № 1283, подвергнут особому надзору полиции на основании 2 п. 416 и 1035 ст. ст. Уст. угол. суд., и ему, Пешкову, с разрешения жандармского начальника, выдано мною 31 мая за № 859 проходное свидетельство на следование в гор. Самару, куда он и отправился того же числа.

Об изложенном, с препровождением паспорта Пешкова за № 538, имею честь сообщить вашему высокоблагородию для зависящего распоряжения по учреждению за Пешковым особого надзора полиции *.

Полицеймейстер [подпись].

Помощник правителя канцелярии Яницкий.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 61, 1898, л. 1)

Проходное свидетельство, выданное Пешкову самарским полицеймейстером 24 июля 1898 г.

Приметы.

Лет 30.
Роста высокого.
Волосы русые.
Глаза голубые.
Нос, Рот } обыкновенные.
Подбородок.
Лицо чистое.

Согласно отношения начальника Самарского губернского жандармского управления от 20 июля 1898 г. за № 1121, дано сие свидетельство нижегородскому мещанину Алексею Максимову Пешкову на свободный проезд из г. Самары в г. Нижний-Новгород и проживательство в сем последнем городе.

Особые приметы. На левой стороне груди шрам.

Самарский полицеймейстер Дейтрих.

Получателю объявлено: 1) что он по сему свидетельству не может проживать нигде, кроме г. Нижнего-Новгорода, а по приезде в сей город обязан не позже 24 часов со времени своего приезда лично предъявить его в местное полицейское управление (если отлучка разрешена в село, посад, деревню и т. п.—

* На подлиннике помета: «Об учреждении за Пешковым особого надзора полиции предписано приставу 2-й части и сообщено начальнику Самарского губернского жандармского управления 13 июня. Пристав 2-й части от 21 июня за № 7961 донес, что Пешков проживает на даче М. С. Позерн. Предписано об учреждении за Пешковым надзора— приставу 3-й части 23 июня».

то местному становому приставу); 2) что во время пути он не имеет права уклоняться от маршрута, при сем ему врученного, и останавливаться где бы то ни было, за исключением случаев болезни или каких-либо непреодолимых препятствий, и в сих последних случаях обязан немедленно заявить о своей остановке местному полицейскому начальству для сделания на сем свидетельстве необходимых отметок. Получатель предварен также и о том, что в случае нарушения с его стороны вышеизложенных предписаний он будет привлечен к ответственности*.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Маршрут.

Отправляющийся на жительство из г. Самары в г. Нижний-Новгород мещанин Пешков обязан следовать:

От г. Самары до Нижнего-Новгорода на пароходе по реке Волге.

Самарский полицеймейстер Дейтрих.

1898 г. июля 24 дня № 328.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 61, 1898, лл. 12 и 18.)

Заявление А. М. Пешкова в Нижегородское губернское жандармское управление 2 августа 1898 г.

Из-под стражи в г. Тифлисе я освобожден 31 мая. 1 июня выехал в г. Самару, куда прибыл июня 11-го. Имея надобность переехать из Самары в Нижний-Новгород на постоянное жительство, 22 июня подал начальнику Самарской губернии прошение о разрешении переезда. Канцелярия начальника Самарской губернии объявила мне, что разрешение это во власти губернатора, и что я должен обратиться с моей просьбой в самарское жандармское управление. Последнее снеслось по телеграфу с управлением Тифлисским, и 25 июня [я] получил от Самарской полиции извещение, что к переезду моему в Нижний препятствий нет. Из Самары выехал 28 июля, прибыл в Нижний 31-го, в тот же день явился в полицию заявить о прибытии, а на другой день, 1 августа передал полиции проходное свидетельство, выданное мне полицией г. Самары, а взамен его получил свидетельство на проживание в г. Нижнем.

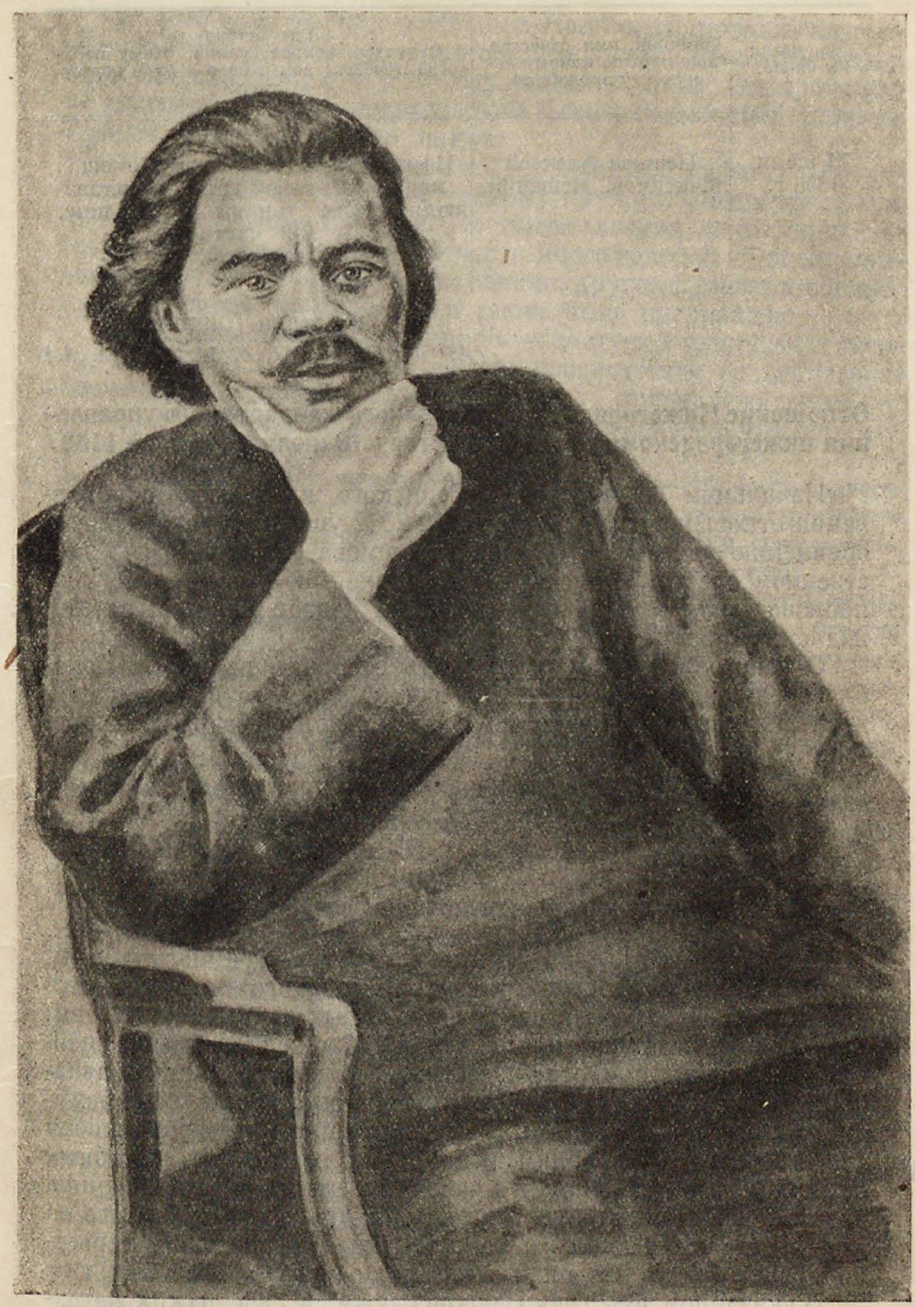
Алексей Максимович Пешков.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 9, л. 89.)

Извещение приставом 2-й части г. Н.-Новгорода нижегородского полицеймейстера 1 августа 1898 г.

О прибытии состоящего под негласным надзором мещанина Пешкова.

* На подлиннике помета: «1898 г., июля 28 дня. Отправляюсь. Алексей Пешков. Помощник пристава [подпись]. 1 августа 1898 г.».



М. ГОРЬКИЙ В НАЧАЛЕ 1900-Х ГГ.
С ПОРТРЕТА В. АНДРЕЕВА.

Год, месяц и число.	Фамилия, имя, отчество, звание и по какому документу проживает.	Откуда и когда прибыл.	Где остановился: улица, дом и квартира.	Кому поручен надзор.
31 июля 1898 г.	Пешков Алексей Максимов. Мещанин.	Из г. Самары 31 июля 1898 г.	В №№ почтовой гостиницы 2-й части 4-го участка	Помощ. пристава Кладину.

За пристава [подпись].

(АР и ВП, ф. ДП, д. 54, 1897, л. 3.)

Отношение Нижегородского губернского жандармского управления нижегородскому полицеймейстеру 18 июля 1899 г. № 1160.

Начальник Тифлисского губернского жандармского управления отношением от 8 июля за № 2042 уведомил, что дело по обвинению мещанина Алексея Максимова Пешкова в государственном преступлении за недостаточностью улик дальнейшим производством прекращено и особый надзор полиции за ним надлежит прекратить.

О вышеизложенном имею честь сообщить вашему высокоблагородию для сведения, присовокупляя, что об окончании дела Пешкову объявлено через васильского уездного исправника.

За отсутствием начальника управления,
адъютант управления поручик Е г у п о в.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 61, л. 37.)

Из справки департамента полиции за 1892—1900 гг.

...В 1892 году, при обыске в Ростове-на-Дону по делу распространения преступных изданий, у одного лица оказались два письма Пешкова, в одном из которых он выражался так: «поливаю из ведрушка просвещения доброкачественными идейками, и таковые приносят известные результаты», причем добавлял, что работы пока нет и работников, способных к чему-нибудь, всего 6—8 человек. В другом же письме Пешков просил достать место двум парням, рекомендуя их как лиц, способных на всякие преступления, и прибавлял, что он и его товарищи ожидают визита блестящих пуговиц. У другого обвиняемого по тому же делу оказались письма Пешкова, не имеющие серьезного значения, и сам он к этому делу привлечен не был.

В указанном 1892 году Пешков служил в Тифлисских железнодорожных мастерских и вел довольно обширное знакомство с молодежью [17].

В 1894 году он жил в Нижнем-Новгороде, продолжая сношения с неблагонадежными лицами, и состоял некоторое время под наблюдением, а в 1896 году выбыл в Крым, где проживал в пансионе негласно-поднадзорной Елены Токмаковой, дающей приют неблагонадежным лицам.

В 1897 году он был привлечен к дознанию в Тифлисе по обвинению в принадлежности к тайному кружку, имевшему целью пропаганду среди рабочих. По свидетельским показаниям, он выражал резкие суждения и часто много говорил об эксплоатации рабочих. За отсутствием, однако, других данных к обвинению Пешкова это дело о нем также было прекращено.

Пешков состоял сотрудником «Самарской газеты» [18] и журнала «Новое слово» [19], закрытых впоследствии за неблагонадежное направление, и уже в 1895 году принадлежал к числу лиц, известных в литературных кружках враждебным самодержавию направлением.

В октябре 1899 года он участвовал на литературном вечере в С.-Петербурге, устроенном в пользу слушательниц курсов Лесгафта, и, по имеющимся сведениям, читал там свое произведение «О проститутках», не пропущенное цензурой.

В ноябре 1899 года из Петербурга в Цюрих на имя Пекарь было отправлено полученное агентурным путем письмо, в коем сообщалось: «В Петербург приезжал Горький. Литературный кружок недели две носился с ним. Он, говорят, скучал, задыхался и отплевывался от всей этой пошлости и... не выдержал. Выпал такой случай, и он громко выругал все то, перед чем у нас привыкли кадить. Все наши литераторы, вся интеллигенция ему, свежему человеку, показались такой же буржуазной, затхлой и пошлой, как и самые последние низы... Люди, перед которыми он прокричал эти слова (простые смертные—депутаты одной вечеринки), были возмущены этим богохульством, а для меня эти слова показались огненными буквами, написанными на наших мертвых, безжизненных скрижалях... Это революционный призыв, пока одинокий и, может быть, надолго затерянный в нашем цепенеющем царстве...»

Далее в департаменте полиции агентурным путем получено было письмо Пешкова из Нижнего-Новгорода от 5 февраля 1901 года, адресованное Николаю Телешову [20], в Москву, следующего содержания:

«Милый, хороший человек! надо заступиться за киевских студентов. Надо сочинить петицию об отмене временных правил [21]. Умоляю: хлопочите. Некоторые города уже начали».

Одновременно Пешков писал в Москву, Валерию Брюсову:

«Настроение у меня, как у злого пса, избитого, посаженного на цепь. Если вы, сударь, любите человека, вы меня, надо думать, поймете. Я, видите ли, чувствую, что отдавать студентов в солдаты—мерзость, наглое преступление против свободы личности, идиотская мера обожравшихся властью прохвостов.

У меня кипит сердце, и я бы был рад плюнуть им в нахальные рожи человеконенавистников, кои будут читать ваши «Северные цветы» и их похваливать, как и меня хвалят. Это возмутительно и противно до невыразимой злобы на все, даже на Бунина, которого люблю, но не понимаю, как талант свой, [пре]красный, как матовое серебро, он не отточит в нож и не ткнет им куда надо» [22].

В 1900 году в Нижнем-Новгороде обнаружено существование кружка саморазвития для учащихся в средних учебных заведениях, крайне неблагонадежного направления [23], и член этого кружка Раиса Израилевич выбыла за границу с литературными поручениями, повидимому, от Пешкова.

По агентурным сведениям от февраля 1901 года Пешков прибыл из Нижнего-Новгорода в С.-Петербург специально для присутствования 19 февраля, в день сорокалетней годовщины освобождения крестьян, на заседании «Союза писателей» [24], на котором были произнесены речи крайне противоправительственного содержания, из коих своим резким характером отличалась речь Антона Васильева [25]. Последний сперва колебался, произнести ли приготовленную речь, но затем, под убеждениями Пешкова и некоторых других, привел в исполнение свое намерение. По окончании заседания в «Союзе» Пешков, в числе других 28 человек, отправился в ресторан Палкина, где некоторые из присутствующих произнесли революционные речи. Тут же проектировали организовать «Общество молодых писателей» для помощи в составлении студенческих бюллетеней сообща с представителями от кассы взаимопомощи С.-Петербургского университета...

II. В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

Протест петербургских литераторов 4 марта 1901 г.

Милостивый государь, г. редактор, сегодня, 4 марта, в Петербурге, около Казанского собора на глазах многотысячной толпы было произведено систематическое и, очевидно, заранее предрешенное и обдуманное избиение беззащитных людей. Казаки, окружив беззащитную толпу и лишив ее возможности разойтись, без всякого предупреждения врывались в нее, топтали ее лошадьми и увечили нагайками. Полицейские вырывали отдельных лиц и, наваливаясь по нескольку человек на одного, нещадно били их кулаками и нагайками. Избитые и вконец обессиленные женщины, сами выходившие к полиции, подхватывались ею и тут же на площади предавались дальнейшему избиению. Били лежачих, били до потери сознания, били до смерти. Это не слухи, неизвестно откуда идущие, это факты, которых многие из нас были очевидцами.

Публику, умолявшую прекратить избиение, гнали прочь, даже офицеров тащили за шиворот. Те из нас, которые просили прекратить побоище, были избиты или задержаны.

Мы полны негодования перед подобными зверствами, имевшими, как нам известно, место и в других городах. Мы полны ужаса перед будущим, которое ожидает страну, отданную в полное распоряжение кулака и нагайки. Наше негодование и наш ужас, мы уверены, разделяют наши собратья по перу, которых нет сейчас с нами, разделяет вся мыслящая часть общества, разделяют все, в ком не окончательно еще подавлены чувства человеческого достоинства и любовь к ближнему.

Мы, писатели, давно уже лишены возможности своевременным разъяснением нужд своей родины предотвращать подобные события. Мы лишены возможности словом продуманного убеждения осветить выход из настоящего трудного положения; мы лишены возможности выполнить весь лежащий на нас долг перед родиной.

Мы делаем попытку хотя бы огласить факты.

Николай Анненский, Е. Г. Бартенева, В. Беренштам, Ангел Богданович, Александр Богдановский, Софья и Розалия Брагин-

ские, Александр Браудо, Василий Брусянин, Мария Ватсон, Петр Вейнберг, Глафира Галина, Евгений Ганейзер, Н. Гарин (Г. Михайловский), Петр Ге, Владимир Гессен, Максим Горький (А. Пешков), Александр Гуковский, К. Гренквист, К. Диксон, М. С. Ермолаев, А. Иванчин-Писарев, В. Ионов, А. М. Калмыкова, А. Каминка, В. Каррик, П. Кареев, В. Кетриц, А. Коморская, Нестор Котляревский. Д. Коропчевский, В. Крапихфельд, Д. Левин, Владимир Лесевич, Д. А. Линев (Далин), А. Лукьянов, Е. Леткова, Д. Мамин-Сибиряк, П. Маслов, А. Мертваго, Н. К. Михайловский, Н. Могилянский, П. Мокиевский, В. Муринов, В. Мякотин, А. Никонов, С. Пантелеева, Л. Пантелеев, И. Порошин, В. Португалов, В. Поссе, Г. Потанин, А. Пешехонов, Д. Рагозин, В. Розенберг, А. Россикова, И. Рубакина, Н. Рубакин, М. Сабинина, А. Сальников, М. Свешников, М. Слепцова, И. Соколов, И. Стебницкий, М. Суворов, Г. Фальборк, А. Хирьяков, В. Чарнолусский, Е. Чебышева-Дмитриева, В. Черевков, Е. Шолохов, С. Штейнберг, П. Шутяков, Е. Щепетильников, А. Ярошкий.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 3, ч. 125, т. 1 лит. Б, 1898, л. 74.)

Опровержение правительственного сообщения, составленное М. Горьким [26].

Мы были очевидцами зверских действий полиции у Казанского собора. Настоящим нашим заявлением утверждаем, что правительственное сообщение о поведении публики и учащейся молодежи в день 4 марта заведомо лживо и резко искажает действительность. Первое, что глубоко возмущает нас в сообщении правительства о трагедии у собора,—это намерение авторов сообщения оклеветать студентов, приписав им поступки, возмущающие религиозное чувство. Мы возмущены этой дикой и гнусной выходкой, рассчитанной на то, чтобы возбудить общество против студентов и поставить их как бы вне закона. Клеветническое указание на то, что студенты, стоя в соборе, не сняли шапок, курили табак, ударили по лицу сторожа и оскорбили священнослужителя, можно принять только как желание озлобить против студентов улицу. Общество должно понимать, что подобное желание равно приглашению темной массы к избиению студентов. Правительственное сообщение всецело и с горячим негодованием отвергается лицами, бывшими в церкви. Среди этих лиц мы находим между прочим таких, как профессор Петрушевский, бывший воспитатель императора, и генерал-лейтенант Васмунд, оба они решительно отвергают обвинение студентов в кощунстве, говоря, что когда гонимые ударами кулаков и нагаек студенты вбежали в церковь, они тотчас же сняли фуражки, курить же под ударами было, разумеется, невозможно. Далее мы утвер-

ждаем, что в день 4 марта до 12 час. дня полиция присутствовала на Невском в меньшем против обыкновения количестве и она не препятствовала публике собираться в толпу перед собором, и что она не приглашала толпу разойтись. В то же время мы утверждаем, что полиция и казаки с утра были спрятаны в дворах частных зданий и таким образом, говорят, что Клейгельс [27] устроил учащейся молодежи ловушку. Мы готовы поэтому думать, что молодежь отчасти была собрана к собору путем провокации, что листки, приглашавшие студентов и публику на площадь, исходили из охраны, и что все это было сделано лишь затем, чтобы одним ударом прекратить волнения, вызванные жестоким и несправедливым применением временных правил. Мы утверждаем со слов казаков, принимавших участие в бойне 4 марта, что накануне офицеры внушили рядовым, что студенты хотят убить императора и что нужно их самих бить без пощады, настаиваем на этом факте. Мы утверждаем, что в день 4 марта полиции и казакам давали водки, чтобы возбудить их, и эта мера привела к тому, что пьяная, озверевшая от сопротивления дружина Клейгельса выхватывала из толпы первого, кто ей попадался под руку, и, свалив на землю, била его. Мы решительно заявляем, вопреки правительственному сообщению, что первые начали драку не студенты, а казаки; они появились на площади и по молчаливому знаку Клейгельса сейчас же спешились с лошадей и начали бить толпу направо и налево нагайками, кулаками, ничем не предупредив ее о своих намерениях и ни слова не сказав ей, без разбору избивая всех подряд и сопротивляющихся и бежавших несопротивляющихся. Так, на глазах члена Государственного совета кн. Вяземского были биты литераторы Пешехонов [28] и Анненский [29], невзирая на попытки князя остановить пьяную ораву. Казаки хватали женщин за волосы, хлестали нагайками, причем одной курсистке Бестужевских курсов был пробит череп. Какая-то старушка была смята лошадьми и, говорят, умерла от потрясения. Мы не решаемся сообщать о том, чего не видели, и потому не будем приводить цифру убитых и тех также рассказов о действии полиции, которые ходят среди публики; когда они будут тщательно проверены и не останется сомнения в их правдивости, общество узнает их. Цель Клейгельса очевидна: пользуясь раздражением студентов против временных правил, он хочет придать этому движению характер революционный и, укрощая им же созданную революцию, пожать лавры. Общество должно решительно протестовать всеми средствами против полицейского террора и избиения своих детей. Оно нравственно обязано требовать отмены временных правил, которые так раздражают студентов, требовать строгого и беспристрастного опроса всех потерпевших от казаков и нагаек, требовать суда над Клейгельсом, как человеком, совершившим преступление с заранее обдуманным намерением.

На мотив марсельезы

(Посвящается студентам)

Ты нас вызвал к неравному бою,
Бессердечный монарх и палач...
Над поверженной в горе страною
Материнский разносится плач.
Мы шли за свободу, за честь, за народ,
За труд, справедливость и знанье
Себя обрекли на закланье...
Вперед, вперед, вперед...
Был нам дорог храм юной науки,
Но свобода дороже была.
Против рабства мы подняли руки,
Против ига, насилья и зла.
Мы шли за свободу... и т. д.
Долетели ужасные вести,
Что расстрелян товарищ-солдат,
Другу, матери, брату, невесте
Прямо в сердце впустили заряд.
Мы шли за свободу... и т. д.
Кто смирится с насилием казни,
Равнодушно снесет гнусный срам?
— Только тот, кто исполнен боязни,
Только тот, кто изменник и хам...
Мы шли за свободу... и т. д.
Пусть нас ждут офицерские плети,
Казематы, казармы, сухарь,
Но зато будут знать наши дети,
Как отцы их боролися встарь.
Мы шли за свободу... и т. д.
Пусть нас ждут пересыльные замки,
Кандалы, ненавистный конвой,
Роковая казенная лямка,
Крест на шапке и штык за спиной.
Мы шли за свободу... и т. д.
Не двоих, не троих расстреляют,
По этапу заставят итти.
Мы не знаем, что нас ожидает,
Но последнее скажем «прости».
Мы шли за свободу... и т. д.
Чтоб рассеять свободы заразу,
Царь всю Русь расстрелял бы давно,
Но стреляет он робко... не сразу...
И всю Русь расстрелять мудрено.
Мы шли за свободу... и т. д.
Русь, откликнись на стон молодежи,
Как могли мы дышать до сих пор!

Неужели на службу насилья
Нас заставят итти... О, позор!..
Мы шли за свободу... и т. д.
О, позор пред историей вечной—
Казнь публичная въявь свершена,
Суд назначен жестокосердечный.
Как вдовица, рыдает страна.
Мы шли за свободу... и т. д.
Ваш позор лицезреют народы...
Станьте ж, смелые, честные, в ряд!
Со штыками под знамя свободы
Выйдет каждый студент, как солдат.
Мы шли за свободу... и т. д.

(АР и ВП, ф. ДП, VII, д. 882, 1905, л. 92.)

Из доклада заведующего особым отделом департамента полиции на имя директора департамента полиции Зволянского 14 апреля 1901 г.

Ввиду намеченных мероприятий, стремящихся к успокоению в С.-Петербурге революционного настроения и к ослаблению деятельности здешних революционных кружков, я, на основании данных политического розыска и разнородных агентурных указаний, долгом считаю представить на благоусмотрение вашего превосходительства нижеследующие соображения:

Всякие меры к успокоению волнующегося общества и учащейся молодежи едва ли сколько-нибудь достигнут цели, если при этом не последует распоряжения: а) о совершенном прекращении журнала «Жизнь» [30] и б) о закрытии «Общества помощи в чтении больным и бедным» [31]. В подкрепление такого мнения позволяю себе привести нижеследующие данные:

1) Литературное направление журнала «Жизнь» играет в данном случае роль совершенно второстепенную, так как с направлением подцензурного печатного органа легко могло бы справиться, при желании, Главное управление по делам печати. Гораздо важнее и опаснее существование в Петербурге такой редакции, которая представляет собою знамя, вокруг коего группируются не только сотрудники известного писательского лагеря, но, безусловно, все местные первостепенные и второстепенные силы, а также и приезжающие из провинции лица противоправительственного направления (Максим Горький, Петров-Скиталец, Евгений Чириков и мн. др.). Редакция «Жизни» представляет собою не что иное как легализированный правительством революционный кружок и по своей деятельности только тем и отличается от комитетов «Союза борьбы» [32] и «Социалиста» [33], что не только принимает активное участие в революционных делах, но и занимается подготовлением

будущих революционных агитаторов на смену выбывающим из обращения. Помещения редакции, в д. 20 на Знаменской улице, служат притоном для нелегальных, представляют собой некоторое подобие социалистического клуба, в котором, наряду с обсуждением революционных дел, подготовляются и организуются общественные движения, составляются и выставляются для подписи разные противоправительственные петиции и протесты, там же редактируются некоторые наиболее серьезные студенческие воззвания, и там же сосредоточивается руководство агитацией среди учащейся молодежи. Например, Горький и Петров, за время пребывания в Петербурге, буквально не покидали редакции «Жизни», и там же, повидимому, был составлен и выработан распространяемый ныне в гектографированном виде отзыв Горького на правительственное сообщение о беспорядках 4 марта на Казанской площади. По крайней мере— несомненно то, что впервые в подлиннике этот отзыв появился и показывался посетителям в редакции «Жизни». Там же теперь находится та самая петиция на высочайшее имя, которую принес в союз писателей Владимир Бернштам, и там же собираются на нее подписи. Наконец в редакции «Жизни», при содействии Поссе [34], Лесгафта [35] и др., был выработан и продиктован Гольдштейном ответ студентов на приглашение держать экзамены, [в котором говорится], что молодежь настолько взволнована еще событиями, что лучше отложить экзамены до осени. Редакция располагает хорошими денежными средствами и щедро жертвует их на революцию. Средства эти составляются из отчисляемого каждым сотрудником известного процента с гонорара за помещаемые статьи, а также из отдельных пожертвований некоторых сотрудников. Так, например, профессор Овсянико-Куликовской [36] отчисляет на революцию 10% с получаемого гонорара, а Максим Горький, по совершенно секретным сведениям, который теперь в моде и рассказы которого расходятся весьма бойко, пожертвовал за последнее время на противоправительственные цели 4000 рублей.

Не менее важно значение таких редакций, как редакция журнала «Жизнь», и в глазах провинциальных деятелей. Для них это маяк, на который они стремятся, где находят готовые связи, нравственную и материальную поддержку, а также своего рода инвеституру. Так, Максим Горький, в настоящее время уже арестованный, не будучи никогда лицом правительственного направления, по крайней мере не выступал открыто, а побывав в Петербурге и получив посвящение в редакции «Жизни», вернулся в Нижний-Новгород и стал теперь играть там такую же роль, какую здесь играют Поссе, Бернштамы и др. Революционная жизнь в Нижнем, с приездом Горького, совершенно затихшая после выставки, ныне опять бьет ключом, и все, что есть только революционного в Нижнем, дышит и живет только Горьким.

У редактора «Жизни» Ермолаева [37] и у одного из сотрудников «Жизни» Гольдштейна находится на хранении агитационный студенческий фонд.

Все это такие явления, с которыми Главное управление по делам печати бороться не в силах. Значение редакции «Жизни» настолько упрочилось, что даже высылка из Петербурга Ермолаева и Поссе нисколько не ослабит этого значения, и если журнал не будет прекращен, то редакция недолго будет сиротеть и послужит ячейкой, из которой в самом непродолжительном времени вырастет такая же окрепшая, влиятельная революционная группа, какая существует и теперь [38].

Бывший редактор «Северного курьера» Арабажин [39] в одном из своих показаний объясняет, хотя неискренно, но зато очень характерно, свои отношения к Иоселю Цыпкину как представителю «Социал-демократической рабочей библиотеки» [40]. Он говорит, что появление к нему Цыпкина—это есть плод недоразумения, и что благодаря направлению газеты многие революционные организации наивно думали, что редакция сочувствует их стремлению. Вот это-то объяснение и является самым тяжким обвинением против таких редакций, дающих право провинциальным революционным деятелям наивно думать, что существует с разрешения правительства такой печатный орган, который может служить выразителем стремлений подпольных организаций. Это наивное мнение разделяют, однако, и интеллигентные пропагандисты, которые считают журнал «Жизнь» изданием, пригодным для пропаганды среди рабочих, и, получая для этой цели из редакции бесплатные экземпляры, раздают их рабочим одновременно с произведениями подпольной печати... [41]

[Р а т а е в].

(АР. и ВП, ф. ДП, д. 5, ч. 6, л. П, т. 2, 1898, л. 11.)

Из справки о сотрудниках журнала «Жизнь».

Пешков, Алексей Максимов (псевдоним Максим Горький), нижегородский мещанин.

Проживая зимой текущего года в Петербурге, вращался исключительно в среде лиц неблагонадежных в политическом отношении и принадлежал к числу лиц, которые после 4 марта 1901 года вели усиленную агитацию в обществе и среди учащейся молодежи в пользу подачи разных петиций, протестов и устройства уличных манифестаций. Перед отъездом из Петербурга Пешков составил «Опровержение на правительственное сообщение о 4 марта 1901 года», крайне дерзкое по содержанию и наполненное вымышленными подробностями о действиях чинов полиции по прекращению беспорядков на Казанской площади.

В апрельской книжке «Жизни» предназначался к напечатанию рассказ Пешкова «Весна», в коем характеризуется современный момент—момент возрождения сознания в обществе. Дейст-

вие происходит в пернатом царстве, которое разделяется как бы на два поколения, одно—консервативное, старое, а другое—молодое, стремящееся к свободе. Представитель молодого поколения—чиж—поет крайне возбуждающую песнь «О буревестнике». Самый рассказ был запрещен цензурой, но отдельно «Песнь о Буревестнике» напечатана в апрельском нумере текущего года журнала «Жизнь». Вот она:

«Над равниной серой моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То волны крылом касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит,—и тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике—жажда бури. Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей,—стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут,—им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем.

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и пляшут волны к высоте, навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаха в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон,—гордый, черный демон бури,— и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает.

В гневе грома,—чуткий демон,—он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца,—нет, не скроют.

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

Пусть сильнее грянет буря!..»

Означенное стихотворение произвело сильное впечатление в литературных кружках известного направления, причем са-

мого Горького стали называть не только «буревестником», но и «б у р е г л а ш а т а е м», так как он не только возвещает о грядущей буре, н о з о в е т б у р ю з а с о б о ю *.

По совершенно секретным, но безусловно достоверным указаниям, Пешков из гонорара за издание своих рассказов пожертвовал 2000 рублей в агитационный студенческий фонд, а 2000 рублей—в пользу группы «Союза борьбы».

По возвращении в Нижний-Новгород Пешков вместе с приятелем своим Степаном Петровым («Скиталец») встал во главе группы, занимавшейся пропагандой среди сормовских рабочих и учащихся в нижегородских средних учебных заведениях, причем, по имевшимся указаниям, агитировал в пользу устройства в Нижнем беспорядков в день 1 мая нового стиля. Ввиду сего Пешков 17-го прошлого апреля был обыскан, арестован и привлечен в качестве обвиняемого к дознанию при Нижегородском губернском жандармском управлении. В настоящее время Пешков из-под стражи освобожден.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 17, ч. 12, 1898, л. 33.)

Телеграмма департамента полиции Нижегородскому жандармскому управлению 12 марта 1901 г. № 26136.**

Известный вам Алексей Пешков, он же Горький, и нижегородский житель, сотрудник журнала «Жизнь», приятель Горького, некий Петров, приобрели здесь мимеограф для печатания воззваний к сормовским рабочим. Мимеограф отправлен 10 марта через транспортную контору в Нижний по адресу: Печорка, аптека Кольберг, Вере Николаевне. Благоволите установить за получением мимеографа тщательное секретное наблюдение и, отнюдь его не арестовывая, выяснить осторожно, куда будет отвезен, и поставить на то место наблюдение. Дальнейшие указания почтой.

Ящик с мимеографом—$^3/_4$ аршина длины, $^1/_2$ аршина ширины и $^1/_4$ аршина высоты.

Директор департамента полиции З в о л я н с к и й.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 1.)

Отношение департамента полиции Нижегородскому губернскому жандармскому управлению 12 марта 1901 г. № 809.

В дополнение к телеграмме от 12-го сего марта департамент полиции просит ваше превосходительство установить за получением приобретенного Алексеем Пешковым и его приятелем Петровым мимеографа тщательное секретное наблюдение и провести его осторожно до места, куда будет отвезен. По выяс-

* Разрядка подлинника.

** В подлиннике ошибочно: «13 марта».

нении сего места надлежит поставить там самое осторожное секретное наблюдение и выжидать для производства обысков и арестов удобного момента. Желательнее всего было бы взять мимеограф вместе с лицами в самый момент воспроизведения ими предположенных воззваний к сормовским рабочим; если бы осуществление этого плана почему-либо оказалось неудобоисполнимым, то надлежит произвести ликвидацию прикосновенной к этому делу группы тотчас же по появлении первого воззвания, причем желательно включить в оную, но исключительно на основании данных наружного наблюдения, Алексея Пешкова и Петрова, которые в настоящее время пока еще находятся в Петербурге.

Сведения о мимеографе получены из совершенно секретного агентурного источника, а потому с ними надлежит обращаться с особою осторожностью и при предстоящей ликвидации дело обставить так [чтобы получилось впечатление], что оно возникло исключительно на основании местных данных, а не указаний из Петербурга.

О последующем департамент будет ожидать уведомления, с добавлением сведений о личности Петрова.

Директор Зволянский.

Чиновник особых поручений Ратаев.

(АР и ВП, ф. ДП, VII, д. 235, 1901, л. 9.)

Постановление начальника Нижегородского губернского жандармского управления 16 апреля 1901 г. № 1.

1901 года, апреля 16 дня, в г. Нижнем-Новгороде, я, Отдельного корпуса жандармов генерал-майор Шеманин, рассмотрев справку от сего числа относительно имеющихся в Нижегородском губернском жандармском управлении агентурных сведений о революционной деятельности некоторых лиц, проживающих в Нижнем-Новгороде, нашел, что из сведений этих усматривается нижеследующее: среди рабочих Сормовских заводов готовятся в ближайшем будущем беспорядки противоправительственного характера, к которым названные рабочие возбуждаются агитационною деятельностью кружка интеллигентных лиц. В целях означенной пропаганды писатели Алексей Максимов Пешков (Максим Горький) и Степан Гаврилов Петров (Скиталец) приобрели в минувшем прошлом в С.-Петербурге мимеограф, который был затем доставлен в г. Нижний-Новгород, в аптеку Кольберг, на имя Веры Николаевой Кольберг; за сим в настоящее время, при участии вышеназванных лиц, производится на квартире Зиновия Свердлова[42] приготовление воззваний или других произведений, долженствующих возбудить сормовских рабочих к изложенному выше движению.

Принимая во внимание, что изложенные данные представляют достаточное указание на существование в Нижнем-Нов-

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА М. ГОРЬКОГО, ОТОБРАННАЯ ПРИ ОБЫСКЕ У ЗИНОВИЯ СВЕРДЛОВА (ПЕШКОВА) В 1901 Г.

городе революционного сообщества, поставившего себе целью противоправительственную пропаганду среди рабочих Сормовских заводов, я, Отдельного корпуса жандармов генерал-майор Шеманин, по соглашению с прокурором Нижегородского окружного суда С. Я. Утиным, постановил: приступить, по содержанию приведенных данных, к производству в порядке 1035 ст. Уст. угол. судопр. дознания по признакам преступления, предусмотренного 250 ст. Улож. о наказ.

Отдельного корпуса жандармов генерал-майор Ш е м а н и н.

Прокурор суда С. У т и н.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 235, 1901, л. 22.)

Постановление начальника Нижегородского губернского жандармского управления 17 апреля 1901 г. № 2.

1901 года, апреля 17 дня, в г. Нижнем-Новгороде, я, начальник Нижегородского губернского жандармского управления генерал-майор Шеманин, принимая во внимание, что, по имеющимся в дознании сведениям, мещанин-литератор Алексей Максимов Пешков (Максим Горький), занимаясь совместно с кружком лиц противоправительственною пропагандою среди сормовских рабочих с целью возбудить их к революционному движению, заготовляет в этих видах преступного содержания воззвания, и что, таким образом, названный Пешков в достаточной мере изобличается в преступлении, предусмотренном 250 ст. Улож. о наказ.,—по соглашению с прокурором Нижегородского окружного суда С. Я. Утиным, постановил: означенного Пешкова привлечь к настоящему дознанию в качестве обвиняемого по 250 ст. упомянутого Уложения и подвергнуть его обыску и личному задержанию, о чем ему и объявить, препроводив копчю сего постановления господину прокурору Московской судебной палаты и начальнику 1 корпуса Нижегородской губернской тюрьмы.

Отдельного корпуса жандармов генерал-майор Ш е м а н и н.

Прокурор окружного суда С. У т и н.

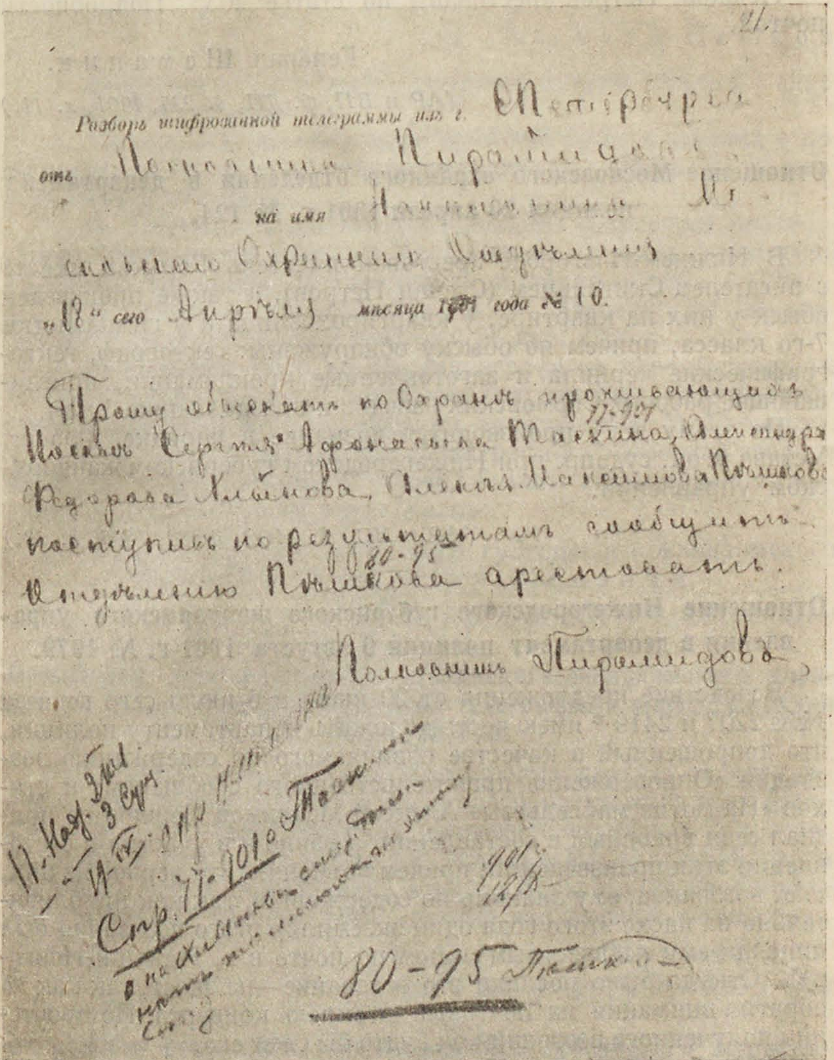
(АР и ВП, ф. ДП, д. 235, 1901, л. 23.)

Телеграмма департамента полиции Нижегородскому губернскому жандармскому управлению 15 апреля 1901 г.

При ликвидации обыщите и арестуйте Алексея Пешкова и Степана Григорьева Петрова обязательно.

Директор З в о л я н с к и й.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 235, 1901, л. 10.)



Разборъ шифрованной телеграммы изъ г. С. Петербурга

отъ Полковника Пирамидова

на имя Начальника М.

Охраннаго Отдѣленія

«18» сего Апрѣля мѣсяца 1901 года № 10.

Прошу обыскать по Охранѣ проживающихъ въ Москвѣ Сергѣя Афанасьева Тахтина, Александра Федорова Алымова, Алексѣя Максимова Пѣшкова, поступить по результатамъ обысковъ. Отдѣленію Пѣшкова арестовать.

Полковникъ Пирамидовъ

80-95

ПРЕДПИСАНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОМУ ОХРАННОМУ ОТДЕЛЕНИЮ 18 АПРЕЛЯ 1901 Г. ОБ АРЕСТЕ М. ГОРЬКОГО.

Телеграмма Нижегородского губернского жандармского управления департаменту полиции 18 апреля 1901 г.

Пешков, Петров арестованы по статье 1035. Подробности почтой.

Генерал Шеманин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 235, 1901, л. 11.)

Отношение Московского охранного отделения в департамент полиции 20 апреля 1901 г. № 124.

В Нижнем-Новгороде арестован писатель Горький вместе с писателем Скитальцем (Степан Петров), а также произведен обыск у них на квартире, у квартирохозяина и у гимназистки 7-го класса, причем по обыску обнаружены: гектограф, гектографические чернила и заготовленные прокламации, приглашающие рабочих Сормовских заводов к празднованию 1 мая.

По этому делу производится дознание в порядке 1035 ст. Устава угол. судопр. при Нижегородском губернском жандармском управлении.

(АР и ВП, ф. МОО, д. 80, 1895, л. 28.)

Отношение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции 9 августа 1901 г. № 1979.

Вследствие предложения от 20 июня и 6 июля сего года за №№ 2207 и 2419 * имею честь доложить департаменту полиции, что допрошенный в качестве обвиняемого по содержанию воззвания «Опровержение правительственного сообщения» и стихов «На мотив марсельезы» Алексей Максимов Пешков не признал себя виновным в составлении, а равно и в участии в составлении этих произведений, причем объяснил, что первое из них, т. е. воззвание, ему знакомо по содержанию, так как приблизительно на пасхе этого года один экземпляр этого воззвания был прислан ему неизвестным лицом по почте в г. Нижний-Новгород. Откуда было послано это воззвание—не знает, так как не обратил внимания на почтовый штемпель конверта. По прочтении полученного воззвания он будто бы сжег его.

Что касается стихов «На мотив марсельезы», то, по его объяснению, он никогда не читал и не видал их. Авторы этих произведений ему неизвестны.

Генерал-майор Шеманин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 265а.)

---

* Упомянутых отношений в делах не обнаружено.

Из описи вещественных доказательств, приложенной к дознанию по обвинению Алексея Пешкова, Степана Петрова и других*.

I. Алексей Пешков.

1. Написанная на обрывке почтовой бумаги заметка с адресом кв. Протопопова.

2. Написанная на полулисте почтовой бумаги заметка о поступлении разных сумм с цифровым итогом: 2093 р. 44 к., озаглавленная «Приход».

3. А. Письмо, начинающееся словами: «Сердечное спасибо, глубокоуважаемый Алексей Максимович», и проч., с неясной надписью Антонины Волчаниновой и пометкой: 00—1—27.

Б. Конверт, адресованный А. М. Пешкову, с штемпелем Смоленской почтовой конторы: 28 янв. 1900 г.

4. Написанное посредством гектографа на первой странице полулиста писчей бумаги воззвание, озаглавленное «Опровержение правительственного сообщения, составленное М. Горьким».

5. Написанное посредством гектографа на оборотной стороне вышеуказанного полулиста писчей бумаги стихотворение, озаглавленное «На мотив марсельезы»...

Начальник Нижегородского губернского жандармского управления генерал-майор Шеманин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 320.)

Отношение Нижегородского губернского жандармского управления в Нижегородский почтово-телеграфный округ 22 апреля 1901 г. № 776.

Имею честь просить, ваше высокородие, сделать распоряжение о задержании всякого рода корреспонденции во всех находящихся в Нижнем-Новгороде почтово-телеграфных конторах, адресуемой на имя литераторов: Алексея Максимова Пешкова и Степана Гаврилова Петрова, а также Веры Николаевой Кольберг, о выемке каковой мной сделано надлежащее сношение.

Генерал-майор Шеманин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 35.)

Отношение адъютанта Нижегородского губернского жандармского управления на имя начальника 1 корпуса Нижегородской тюрьмы 24 апреля 1901 г. № 811.

По поручению начальника управления, имею честь просить ваше высокоблагородие поименованные на обороте сего книги

* Заголовок подлинника. Дознание велось по делу о приобретении мимеографа и составлении воззваний к сормовским рабочим.

и письма выдать содержащемуся во вверенной вам тюрьме Алексею Максимову Пешкову *.

Адъютант управления поручик Познанский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 49 и об.)

Отношение адъютанта Нижегородского губернского жандармского управления на имя начальника 1-го корпуса Нижегородской тюрьмы 9 мая 1901 г. № 1028.

По поручению начальника управления, имею честь просить ваше высокоблагородие выдать поименованные на обороте сего вещи содержащемуся во вверенной вам тюрьме Алексею Максимову Пешкову **.

Адъютант управления поручик Познанский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 100 и об.)

Телеграмма департамента полиции Нижегородскому губернскому жандармскому управлению 16 мая 1901 г.

Ввиду представленных в министерство копий медицинских свидетельств нижегородских врачей Золотницкого и Косарева о состоянии здоровья Пешкова и ходатайства его жены о новом его освидетельствовании, прошу, согласно приказания министра, произвести новое освидетельствование консилиумом из врачей, указанных женой, а также приглашенных вами по соглашению с прокурорским надзором, для окончательного определения вопроса о принятой против него мере пресечения; о результатах телеграфируйте для доклада министру; обсудите также вопрос о возможности замены тюрьмы домашним арестом.

Директор Зволянский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 117.)

Акт медицинского освидетельствования состояния здоровья А. М. Пешкова 16 мая 1901 г.

1901 г., мая 16 дня, в г. Нижнем-Новгороде, мы, нижеподписавшиеся, врачи,...*** в присутствии начальника Нижегородского губернского жандармского управления и прокурора Ни-

---

* На обороте документа надпись: «1) «История восемнадцатого столетия и двенадцатого (так в подлиннике. *Ред.*) до падения Французской империи» Ф. К. Шлоссера, том I. 2) «История упадка и разрушения Римской империи» Эдуарда Гиббона, часть II. 3) Два письма.

** На обороте документа надпись: «1) Письмо. Книги: 2) Гюйе. «Искусство с социологической точки зрения». 3) «История новой философии», т. IV Иммануила Канта, 4) «Жизнь» за апрель м-ц, т. IV. Поручик Познанский».

*** Пропуск в подлиннике.

жегородского окружного суда производили освидетельствование состояния здоровья содержащегося под стражей в 1-м корпусе тюрьмы литератора Алексея Пешкова (Максим Горький), причем оказалось:

Пешков высокого роста, несколько сутуловат, с довольно развитой мышечной системой, общие покровы бледны, подкожный жир развит слабо.

Грудь впалая; надключичные и подключичные ямки резко выражены, особенно с левой стороны; при выстукивании перкуторный тон в обеих верхушках резко притуплен, в особенности с левой стороны, как спереди, так и сзади; при выслушивании правой верхушки сзади ясно слышны мелкопузырчатые сухие хрипы, занимающие всю верхнюю долю легких, а в левой верхушке выслушиваются более влажные мелкопузырчатые хрипы (....)*. Тоны сердца слабы. На основании изложенных объективных изменений, найденных при исследовании, мы, нижеподписавшиеся, пришли к единогласному заключению, что А. Пешков страдает хроническим туберкулезом обеих легочных верхушек.

Ввиду того, что болезнь, которой страдает Пешков, требует исключительно климатического лечения, а также и того, что в состоянии его здоровья со 2 мая настоящего года произошло резкое ухудшение, мы единогласно пришли к заключению, что дальнейшее пребывание его под стражей может губительно повлиять не только на его здоровье, но и на жизнь. О чем и составлен настоящий протокол с надлежащими подписями.

Нижегородский врачебный инспектор доктор Ершов, нижегородский городовой врач В. Покровский, и. д. тюремного врача Домаридский, доктор медицины, статский советник Н. Грацианов, вольнопрактикующий врач коллежский советник Ал. Успенский, врач Бобровской городской больницы Нифонт Долгополов, врач Мариинской женской гимназии и городской бесплатной лечебницы коллежский советник Вл. Золотницкий; присутствовали: начальник Нижегородского губернского жандармского управления генерал-майор Шеманин, прокурор Нижегородского окружного суда С. Утин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 121.)

Отношение Нижегородского губернского жандармского управления на имя нижегородского полицеймейстера 17 мая 1901 г. № 1142.

Привлеченный к дознанию при вверенном мне управлении по обвинению в государственном преступлении Алексей Максимов Пешков по освобождении сего числа из-под стражи подверг-

* Одно слово в скобках, неразборчиво.

нут домашнему аресту с приставлением полицейской стражи по месту жительства в городе Нижнем-Новгороде, по Канатной улице, в доме Лемке.

Об изложенном имею честь уведомить ваше высокородие для зависящих распоряжений.

Генерал-майор Шеманин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 124.)

Отношение нижегородского вице-губернатора в Нижегородское губернское жандармское управление 13 октября 1901 г. № 2484.

Состоящему под гласным надзором полиции Нижегородскому цеховому Алексею Максимову Пешкову, которому по постановлению г. министра внутренних дел воспрещено жительство в Н.-Новгороде и надлежит отбывать означенный надзор в местности по усмотрению губернатора, мною назначен для жительства г. Арзамас.

Ныне, вследствие расстроенного здоровья названного поднадзорного, мной разрешено ему временно проживать в Н.-Новгороде впредь до поправления здоровья, о периодическом освидетельствовании которого, через правительственного врача, мною предложено полицеймейстеру.

Об изложенном имею честь уведомить ваше превосходительство.

И. д. губернатора вице-губернатор барон Фредерикс.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 312.)

Отношение департамента полиции в Нижегородское губернское жандармское управление 16 октября 1901 г. № 5294.

Департамент полиции сообщает вашему превосходительству, что отданному под гласный надзор полиции обвиняемому Алексею Пешкову, ввиду серьезной его болезни, разрешено министерством внутренних дел переехать на жительство, впредь до решения возбужденного о нем дознания, но не долее как по 15 апреля будущего 1902 г., на южный берег Крыма, кроме Ялты, о чем и сообщено нижегородскому и таврическому губернаторам.

И. д. директора А. Войтов.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1902, л. 316.)

Отношение нижегородского полицеймейстера в Нижегородское губернское жандармское управление 9 ноября 1901 г. № 872.

Вследствие отношения от 22 минувшего октября за № 2765* имею честь уведомить ваше превосходительство, что 7 сего но-

* Отношение Нижегородского губернского жандармского управления нижегородскому полицеймейстеру о разрешении министерством

ября за № 872/874 мной выдано состоящему под гласным надзором полиции нижегородскому цеховому Алексею Максимову Пешкову проходное свидетельство* на следование в Ялтинский уезд Таврической губернии, куда он и выбыл 7 ноября, о чем мной сообщено ялтинскому уездному исправнику сего же числа за № 872.

И. д. полицеймейстера, статский советник П. Яковлев.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1902, л. 358.)

Отношение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции 9 ноября 1901 г. № 2723.

7-го сего ноября, ко времени отхода из Нижнего почтового поезда, на вокзале железной дороги собралось значительное количество людей проводить отъезжавшего в Крым писателя, состоящего под гласным надзором полиции Алексея Пешкова (Максима Горького), причем в числе провожающих были замечены также врачи, присяжные поверенные, сотрудники газет, а равно воспитанники как местных средних, так и иногородних высших учебных заведений, а также женщины, повидимому курсистки. Несмотря на предупреждение жандармского офицера, толпа эта, человек в 50, устроила Пешкову шумную овацию сначала в зале 1-го класса, а потом на платформе, с пеньем песен, криками «ура» и произношением речей; затем [собравшиеся], будучи удалены с вокзала, на улице вновь запели, причем были брошены в разных местах воззвания противоправительственного содержания, один экземпляр которого прилагается. Оставив вокзал, большая часть провожающих, продолжая петь, пошла гурьбой по середине улицы до берега затона р. Оки, где толпа рассыпалась и беспорядки, повидимому, прекратила, в нагорной же части города, на Малой Покровской улице она вновь собралась и направилась оттуда, в числе около 60 человек, из числа которых несколько человек пели песни «Дубинушка» и «Из страны далекой», по главной улице города—Большой Покровке.

После пропетой песни в толпе раздавались возгласы, вроде: «Ура, Горький—певец свободы, сосланный без суда и следствия!». Полицейские чины, бывшие на Б. Покровке, несколько раз требовали прекращения пения и чтобы толпа разошлась; после каждого такого требования временно песнь прекращалась, но затем через некоторое время вновь возобновлялась. Дойдя до конца Б. Покровки, толпа остановилась и, выслушав произнесенную кем-то речь, стала редеть, и вскоре все разошлись. Человек, произнесший речь, был впоследствии задержан, и личность

внутренних дел «состоящему под гласным надзором А. М. Пешкову переехать на жительство, не далее 15 октября 1902, на южный берег Крыма, кроме города Ялты». (*АР. и ВП, ф. ДП, д. 9, 1902, л. 10*).

* В делах не обнаружено.

его установлена; он оказался саранским мещанином Петром Михайловым Сыромятниковым, бывшим монтёром и слесарем на Ромодановской железной дороге.

Как мне донес нижегородский полицеймейстер, стоявшие на постах чины полиции, по темноте вечера и сильной вьюге, не могли признать и указать виновных в уличной демонстрации, но установлено, что в последней не принимали участия более интеллигентные из провожающих—врачи, присяжные поверенные и сотрудники газет, которые остались на вокзале.

Сообщая об изложенном департаменту полиции, имею честь присовокупить, что дознание производится. Кроме того мною назначено расследование причин недостаточно энергичного действия полиции по прекращению беспорядков в самом их начале.

Генерал-лейтенант Шеманин.

Правитель канцелярии [подпись].

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Воззвание, распространявшееся в Н.-Новгороде 7 ноября 1901 г.

Мы собрались провожать здесь знаменитого, любимого писателя Максима Горького, выразить свое крайнее негодование по поводу того, что его высылают из родного города. Высылают его только за то, что он говорил правду и указывал на непорядки русской жизни. Мы выражаем свое негодование по поводу того, что у нас в России запрещают говорить правду, запрещают говорить, что народу живется у нас плохо. У нас запрещают писать в газетах о том, что всякие начальники грабят и обирают народ. У нас бьют нагайками студентов, которые заступаются за простой народ, и рабочих, которые хотят улучшить свое положение. У нас преследуют писателей, которые говорят правду и обличают начальство. Мы хотим и будем бороться против таких порядков, мы будем постоянно требовать: 1) чтобы у нас в России можно было говорить и писать в газетах о том, что у нас плохого, чтобы у нас можно было обличать смело в газетах всякое начальство, хотя бы оно было губернаторами и министрами, если они обирают народ или делают какие-нибудь беззакония. 2) Мы требуем еще, чтобы люди, которые говорят у нас правду и обличают начальство, не преследовались, как это делается теперь. Говорите всем и каждому, что все больше и больше растет число людей, готовых бороться с неправдой и людьми, обманывающими ради своей выгоды народ и давящими его защитников. Уже скоро настанет пора, когда народу станет житься легче.

Н.-Новгород, 7 ноября.

Защитники народа против его угнетателей.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 750, 1901, л. 18.)

Отношение Московского охранного отделения в департамент полиции 9 ноября 1901 г. № 14043.

Газетные сообщения последних дней разнесли в публике сведения, что в Нижнем-Новгороде происходит ряд чествований отъезжающего на юг писателя «Максима Горького», причем, по дошедшим слухам, чествования эти, сопровождаемые сме-

лыми и вызывающими речами, во многих случаях носят чисто демонстративный характер. Будирующий элемент среди учащейся молодежи, приняв во внимание, что путь следования Горького лежит через Москву, где он намерен проездом остановиться, решил воспользоваться в своих целях этим обстоятельством, выпустив прокламацию от 6 сего ноября за подписью «Нижегородцы», призывающую публику к демонстративной здесь встрече названного писателя, который будто бы «насильственно» (как сказано в прокламации) удаляется из Нижнего-Новгорода.

Принимая во внимание, что нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков («Горький»), как подследственный по серьезному политическому преступлению, не располагает правом на остановку в здешней столице, и к тому же агитаторы, как стало известно, успели к вечеру 7 ноября завербовать до 300 человек, согласившихся на участие в назначенной на 8 ноября демонстрации при встрече Горького на вокзале в Москве, были приняты меры к недопущению здесь проявления каких-либо нарушений порядка, подобных имевшим место при выезде его из Нижнего-Новгорода; в видах чего (по соглашению с начальником Московского жандармского полицейского управления железных дорог генерал-майором Красовским) было сделано распоряжение, чтобы вагон поезда № 3, приходящего в Москву в 9 часов утра, в котором ехал Горький из Нижнего, был отцеплен на ст. Москва-Рогожская, т. е. за 2½ версты от Московско-Курско-Нижегородского вокзала, и затем прицеплен к поезду, проходящему спустя около получаса через эту станцию на Курск и далее, в Крым. Между тем Горький, действительно следовавший с женой и двумя детьми в поезде № 3, остановился на станции Обираловка у помощника начальника этой станции и со следующим поездом № 17, прибывающим в Москву в 11 час. 22 мин. утра, направился сюда. По прибытии этого поезда на ст. Москва-Рогожская Горькому было объявлено, что за отсутствием разрешения, дающего ему право на пребывание в Москве, он в пределы столицы допущен быть не может и должен, не останавливаясь здесь, следовать дальше, ввиду чего ему было предложено перейти в пассажирский вагон 2-го класса, заранее прицепленный к товарному поезду, отправляемому на Курск. После сего Горький, условившись с женой, что она, заехав для устройства своих дел в Москву, отправится отсюда с вечерним 6-часовым поездом, перешел в приготовленный для него вагон и через несколько минут отправился с товарным поездом, с тем чтобы сойти на станции Подольск, где и дождаться семьи, для дальнейшего совместного с ней следования. Проводив мужа, г-жа Пешкова отвезла детей в город на квартиру секретаря общества народных развлечений Скирмунта и сама занялась устройством своих дел, а затем с вечерним поездом выехала по Курской дороге, не привлекши на себя совершенно никакого внимания публики.

Что же касается молодежи, намеревавшейся устроить демонстрацию, то с утра этого дня она стала постепенно собираться на Московско-Курско-Нижегородском вокзале, и ко времени прихода поезда № 3 образовалась здесь толпа, в количестве около 500 человек, преимущественно учащихся обоего пола, среди которых обращала на себя внимание кучка студентов, предъявлявшая собравшимся портрет графа Л. Н. Толстого, в раме размером около аршина; причем державший этот портрет студент-универсант носил его несколько приподнятым, так что он был виден всей толпе; затем из этой же кучки молодежи выпущен был какой-то лист (очевидно, адрес), на котором делались присутствовавшими подписи карандашом; лист этот возвращен был студенту, державшему портрет Толстого, причем тот, получив лист, сложил его и положил в боковой карман, а присутствовавшие при этом наставляли его, чтобы он «произнес [речь] попрочувствованнее и горячее». Студент этот в сопровождении одного техника, по наружности армянина, поехал на станцию Москва 2-я, где, сев в поезд, отходящий в 10 час. 15 мин. утра, отправился вместе с товарищем до станции Обираловка, но, не доезжая платформы Чухлинка, едущие заметили в их вагоне жандармского унтер-офицера и, приняв его за наблюдение за ними, испугались, сошли на платформе Чухлинка, торопливо перешли на станцию Перово и оттуда возвратились по Казанской железной дороге обратно на Курский вокзал. Здесь, поговорив с некоторыми товарищами, эти два студента вышли с вокзала, сели на извозчика, и универсант с портретом Толстого направился на Арбат, в дом Серебрякова; студент этот оказался медиком 5-го полугодия Иваном Петровым Корпачевым, товарищ же его, техник, сошел с извозчика на Моховой около университета. Между тем толпа, собравшаяся на Московско-Курском вокзале, встретив два утренних поезда, пришедших в Москву, и не найдя среди приехавшей публики Горького, в недоумении стала совещаться о дальнейших своих действиях. В это время кто-то из толпы узнал от княгини Шаховской, заведывающей на вокзале справочным бюро, что вагон, в котором ехал Горький, отцеплен на станции Москва 2-я. Слух этот быстро пронесся по толпе, и все собравшиеся решили итти туда. Прибывших на станцию Москва 2-я встретили два студента, которые и сообщили собравшимся товарищам, что Горького и здесь нет, а он действительно в это время уже был отправлен в Подольск, так что толпа опоздала к его прибытию на эту станцию и не видела ни Горького, ни его семьи. Ввиду такой неудачи собравшимся оставалось только разойтись по домам, не достигнув намеченной цели, что они и сделали: причем одни поехали на извозчиках и в вагонах конной железной дороги, а другие пошли пешком по Вороньей и Николо-Ямской улицам, расходясь по прилегающим переулкам. Наконец группа в несколько человек, предводительствуемая руководителями, из коих особо выделялись

рецидивисты по студенческим беспорядкам, студенты: Московского университета Виктор Иванов Евтихиев и Игорь Александров Будилович, а также универсанты Иван Васильев Кузовков, Рубин Павлов Катонянц и другие, дошла до Земляного вала, где и разошлась. В этой толпе некоторые пытались запеть песни, но более благоразумные товарищи остановили их.

К сему надлежит присовокупить, что с дневным поездом Курской железной дороги в Подольск отправилось несколько человек литераторов, в том числе артист Шаляпин, которые и были единственными лицами, провожавшими в Подольске Горького.

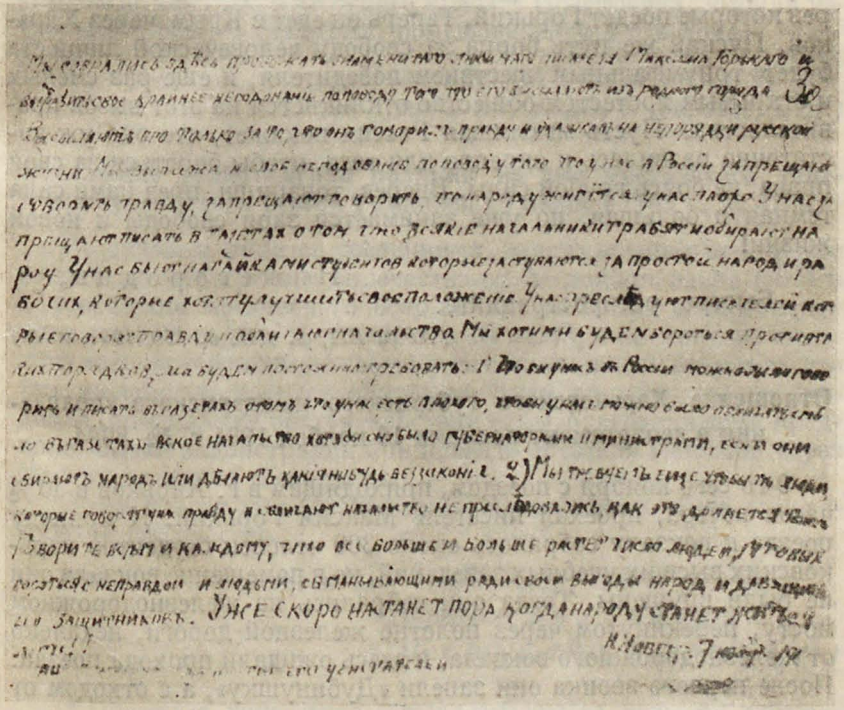
О направлении в Крым Горького мною телеграфировано губернаторам: орловскому, тульскому, курскому, харьковскому и симферопольскому, на предмет принятия мер к предотвращению могущих быть демонстраций.

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции.

Генерал-майор Трепов.

Начальник отделения Зубатов.

(АР и ВП., ф. ДП, д. 750, 1901, л. 13.)



ВОЗЗВАНИЕ, РАСПРОСТРАНЯВШЕЕСЯ В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ 7 НОЯБРЯ 1901 Г. НА ПРОВОДАХ М. ГОРЬКОГО В КРЫМ.

Воззвание «нижегородцев», распространявшееся в г. Москве 6 ноября 1901 г.

Завтра*, 8 ноября, в 8 ч. утра с почтовым поездом в Москву приедет проездом в Крым Максим Горький. Из Нижнего он удаляется административно, т. е. насильственно и незаконно. Весь Нижний возбужден новым проявлением насилия над любимым поэтом,—поэтом, воспевшим борьбу и свободу и певшим песню безумству храбрых! 3 ноября [в Нижнем] Горькому были устроены шумные овации на студенческом вечере, 5-го был устроен банкет, на котором собралось около 130 человек местной интеллигенции, высланных сюда курсисток и студентов, был прочитан хорошо составленный адрес, покрытый многочисленными подписями, и свободно говорились при всеобщем одушевлении смелые, вызывающие речи. Завтра ему устраиваются демонстративные проводы, в которых объединяются все слои общества под одним общим знаменем открытого протеста. Не знаем, чем это кончится, нас, может быть, раздавят, но мы будем биться до последнего. Теперь мы обращаемся к московской учащейся молодежи и ко всему московскому обществу с просьбой присоединиться к нашему протесту, расширить его и постараться об устройстве таких же демонстративных встреч в городах, через которые поедет Горький. Теперь он едет в Крым через Харьков. Пускай же путь борца за свободу человеческой личности будет триумфальным шествием победителя, и еще раз смелым и открытым протестом общество откликнется на этот вызов правительства. Пусть мыслящая Россия покажет, что она уж достаточно развилась и окрепла для того, чтобы бороться за свои права, не боясь грубой силы. Вперед, товарищи, пред нами сила темная и большая, но уже занимается заря свободы и новой жизни!

Нижегородцы.

Быстро распространяйте.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 750, 1901, л. 8.)

Отношение Харьковского губернского жандармского управления в департамент полиции 10 ноября 1901 г. № 8994.

9-го сего ноября с поездом, приходящим в г. Харьков в 10½ часов вечера, проехал писатель Максим Горький. К приходу поезда к вокзалу собралось около 300 человек студентов харьковских высших учебных заведений, но в помещение вокзала они не были впущены. Тогда они собрались на железнодорожном мосту, перекинутом через полотно железной дороги, недалеко от железнодорожного вокзала, и здесь ожидали прохода поезда. После первого звонка они запели «Дубинушку», а с отходом от

* Так в подлиннике.

станции поезда стали кричать «ура». При приближении к мосту подходивший поезд стал давать тревожные свистки и заглушил демонстративную овацию.

Об изложенном имею честь донести департаменту полиции и присовокупить, что по циркулирующим среди студентов слухам при проезде поезда через ст. Курск была также устроена Горькому демонстрация, и будто бы поезд был остановлен демонстрантами.

Полковник Мавринский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 750, 1901, л. 21.)

Отношение Харьковского губернского жандармского управления в департамент полиции 12 ноября 1901 г. № 9037.

В дополнение донесения моего от 10-го сего ноября за № 8994 имею честь донести департаменту полиции, что после неудавшейся демонстрации при проезде писателя Максима Горького толпа студентов, приблизительно в 150 человек, отправилась с пением «Дубинушки», криками и свистом по Екатеринославской улице, затем на Сумскую, где, дойдя до дома редактора-издателя газеты «Южного края»[43] Иозефовича, выбили несколько стекол в редакции, помещающейся в его доме.

Полковник Мавринский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 750, 1901, л. 27.)

Отношение департамента полиции на имя московского генерал-губернатора Сергея Романова 19 ноября 1901 г. № 4109.

По ознакомлении со сведениями, изложенными в отношении вашего императорского высочества от 10 ноября за № 2881* и в сообщении московского обер-полицеймейстера департаменту полиции от 9-го того же ноября за № 14043, я не могу не выразить московской полиции своего удовольствия по поводу того, что своевременно и предусмотрительно были приняты все необходимые, отвечавшие обстоятельствам меры, благодаря чему предположенная демонстрация при проезде писателя Пешкова через Москву не могла состояться.

О сем долгом считаю поставить в известность ваше императорское высочество.

Министр внутренних дел егермейстер Сипягин.

Директор Зволянский.

(АР и ВП, ф. МОО, д. 80, 1895, л. 62.)

---

* Отношение московского генерал-губернатора министру внутренних дел о проезде Пешкова из Н.-Новгорода на юг через Москву *(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 124.)*

Отношение департамента полиции на имя нижегородского губернатора Унтербергера 19 ноября 1901 г. № 4110.

Вследствие отношения от 9-го сего ноября за № 2723 считаю необходимым уведомить ваше превосходительство, что при отъезде из Нижнего-Новгорода состоящего под гласным надзором полиции писателя Пешкова, очевидно, полицией не было предусмотрено возможности демонстративных проводов его, которые ни в каком случае не должны были быть допущены. Равным образом по отъезде Пешкова полицией, в нарушение требований циркуляра моего от 12 марта текущего года за № 1230, не было принято никаких действительных мер к подавлению уличного беспорядка, дважды повторенного толпою демонстрантов, беспрепятственно собиравшихся на улицах города и в пении тенденциозных песен, произнесении речей и разбрасывании преступных воззваний резко проявивших противоправительственный характер демонстрации, между тем как, при надлежащей предусмотрительности и заблаговременном назначении полицейских нарядов, этот беспорядок должен был бы быть прекращен в самом начале, а виновные—задержаны. Ввиду сего, обращая ваше внимание на безусловную недопустимость каких бы то ни было уличных беспорядков и необходимость строгого исполнения требований указанного циркуляра, вместе с тем прошу подробно выяснить и сообщить мне, на кого падает в данном случае ответственность за недостаточную распорядительность.

Министр внутренних дел егермейстер Сипягин.

Директор Зволянский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 750, 1901, л. 25.)

Отношение нижегородского губернатора на имя министра внутренних дел Сипягина 24 ноября 1901 г. № 2852.

Вследствие предложения от 19-го сего ноября за №4110 имею честь почтительнейше доложить вашему высокопревосходительству, что об имевшей место в Нижнем-Новгороде 7 ноября уличной демонстрации мне было доложено—по оплошности полиции—только тогда, когда толпа уже окончательно разошлась; равным образом я не был полицией поставлен в известность о времени отъезда поднадзорного Пешкова.

Для выяснения виновных в недостаточной распорядительности чинов полиции было тотчас же, по моему приказанию, произведено расследование, которым установлены следующие факты: 1) утром 7 ноября означенным Пешковым было взято в полицейском управлении у помощника полицеймейстера Знаменского проходное для следования на юг России свидетельство, почему полиции должно было быть известным о скором выбытии Пешкова из Нижнего-Новгорода; между тем Знаменский не позаботился выяснить точное время отъезда его в видах приня-

тия необходимых предупредительных мер; 2) в исходе пятого часа пополудни одним из околоточных надзирателей было доложено полицеймейстеру как о выезде Пешкова, так и о готовившихся проводах его, но узнав, что об этом сообщено тем же околоточным надзирателем приставу Макарьевской части, в районе которого расположен вокзал железной дороги, статский советник Яковлев этим удовлетворился и никаких дальнейших распоряжений не сделал; 3) пристав Макарьевской части Воскресенский, получив означенные сведения, также сам на вокзал не отправился, а, зная, что там находился один из его помощников, послал туда еще другого. Не пошел он на место происшествия и тогда, когда он от своего помощника узнал о происходивших на вокзале, а потом и на улице беспорядках, будучи занят—как он впоследствии объяснил—служебными делами; кроме того он донес об этом полицеймейстеру поздно, лишь между 6 и 7 час. вечера. В предположении, что беспорядки окончательно прекратились,—так как еще в Макарьевской части, подходя к р. Оке, толпа разошлась,—полицеймейстер не принял мер на случай возобновления их (что и последовало) в верхней части города.

Ввиду изложенного, находя виновными в малоэнергичности по прекращению и предупреждению означенной уличной демонстрации главным образом полицеймейстера Яковлева, помощника полицеймейстера Знаменского и пристава Макарьевской части Воскресенского, я объявил первым двум чиновникам строгий выговор, Воскресенского же подвергнул аресту на трое суток. Затем статский советник Яковлев, не имея возможности, по болезни, с должной энергией исполнять свои обязанности, подал прошение об увольнении его от службы в отставку.

В заключение считаю долгом доложить, что о десяти лицах, принимавших участие в толпе, появившейся 7 ноября вечером на Большой Покровке и производившей беспорядки, составлен протокол и препровожден на зависящее распоряжение начальника губернского жандармского управления. Что за сим касается беспорядка, произведенного собственно на вокзале Нижегородско-Московской железной дороги, и факта разбрасывания там же воззваний, то дознание об этом производится, по принадлежности, чинами жандармской полиции.

Генерал-лейтенант Унтербергер.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 750, 1901, л. 30.)

Отношение департамента полиции на имя харьковского губернатора 19 ноября 1901 г. № 4112.

Вследствие телеграммы от 13-го сего ноября имею честь уведомить ваше превосходительство, что, находя совершенно правильным распоряжение о недопущении полицией учащейся

молодежи на вокзал железной дороги при проезде писателя Пешкова через г. Харьков, я усматриваю, однако, что принятые меры, повидимому, были не вполне достаточными, так как студенты успели все-таки сгруппироваться вблизи вокзала на мосту с целью выразить свое сочувствие Пешкову при следовании железнодорожного поезда, в коем он находился, а засим в самом городе своим поведением остановили на себе внимание расходившейся из театра публики, причем ими были выбиты два окна в помещении редакции газеты «Южный край».

Ввиду изложенного я прошу ваше превосходительство обратить особое внимание на заботы о принятии всех необходимых мер к прекращению могущих возникнуть уличных беспорядков, сообразуя таковые с указаниями, преподанными мною в циркуляре от 12 марта текущего года за № 1230, и никаких уличных беспорядков не допускать.

Министр внутренних дел егермейстер С и п я г и н.

Директор З в о л я н с к и й.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 750, 1901, л. 26.)

Отношение Таврического губернского жандармского управления в Нижегородское губернское жандармское управление 14 ноября 1901 г. № 4222.

Отзывом от 22-го минувшего октября за № 2766 * ваше превосходительство уведомили меня, между прочим, что Алексей Максимов Пешков, независимо от учрежденного над ним особого надзора, по постановлению господина министра внутренних дел, подчинен гласному надзору полиции; а между тем мной получено от вас извещение от 8-го текущего ноября, за № 2885**, о выезде Пешкова, который назван состоящим под негласным надзором полиции, так как на основании п. в., § 11 Положения о негласном надзоре, в случае учреждения гласного надзора полиции, негласный надзор прекращается, и поднадзорный исключается из списков. Я имею честь просить ваше превосходительство не отказать мне в разъяснении означенного обстоятельства. Алексей Пешков 12-го числа прибыл в Ялтинский уезд и предполагает поселиться в окрестностях г. Ялты.

Генерал-майор Т р у б н и к о в.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 363.)

---

* Сообщение Нижегородского губернского жандармского управления Таврическому жандармскому управлению о разрешении министерством внутренних дел выехать А. М. Пешкову на жительство в Крым и о подчинении его гласному надзору полиции. *(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 365.)*

** Извещение в делах не обнаружено.

Отношение Нижегородского губернского жандармского управления в Таврическое губернское жандармское управление 20 ноября 1901 г. № 3012.

Вследствие отношения от 14-го сего ноября за № 4222 имею честь уведомить ваше превосходительство, что негласный надзор за литератором Алексеем Максимовым Пешковым не прекращен мной на том основании, что гласному надзору он подчинен на неопределенный срок, впредь до разрешения производимого при вверенном мне управлении о нем дознания и ввиду сосредоточения в одном деле всех справок о его передвижениях, так как означенному Пешкову пребывание в Ялтинском уезде разрешено лишь по 15 апреля 1902 г., после чего он снова возвратится во вверенную моему наблюдению губернию.

Генерал-майор Шеманин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 8, 1901, л. 364.)

Отношение министра юстиции на имя министра внутренних дел Сипягина 19 декабря 1901 г. № 3149.

Препровождая при сем, на основании высочайших повелений от 11 июня 1880 г. и 17 сентября 1881 г., дознание о цеховом Алексее Пешкове и других, в числе 5 лиц, обвиняемых в государственном преступлении, заключение прокурора Московской судебной палаты и вещественные доказательства, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство сообщить мне, с возвращением приложений,—не признаете ли вы, с вашей стороны, возможным настоящее дело дальнейшим производством прекратить за недостаточностью обнаруженных против обвиняемых улик.

Министр юстиции статс-секретарь Муравьев.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из доклада министерства юстиции 20 июля 1901 г.

В апреле 1901 года Нижегородским губернским жандармским управлением были получены агентурным путем сведения о том, что в ближайшем будущем среди рабочих Сормовских заводов, Нижегородской губернии, готовятся беспорядки противоправительственного характера, к участию в коих рабочих привлекает кружок нескольких интеллигентных лиц, проживающих в Нижнем-Новгороде, и что в целях этой агитации живущие в том же городе писатели Алексей Максимов Пешков (в литературе—«Максим Горький») и Степан Гаврилов Петров («Скиталец») приобрели в недавнем прошлом в С.-Петербурге мимеограф, отправленный 10 марта 1901 года через одну из транспортных контор в Нижний-Новгород, в аптеку Кольберг, на имя Веры Николаевой Кольберг. Вместе с тем, также агентурным путем, были получены сведения, что при участии названных лиц в Нижнем-Новгороде, в квартире мещанина Зиновия Моисеева Свердлова изготовляются воззвания или дру-

гие произведения, долженствующие возбудить сормовских рабочих к указанному выше движению.

На основании приведенных данных 16 апреля 1901 года при Нижегородском губернском жандармском управлении было приступлено к производству в отношении вышепоименованных лиц дознания в порядке 1035 ст. Уст. угол. суд., по обвинению их в преступлении, предусмотренном 250 ст. Улож. о наказ., и в ночь на 17-е того же апреля у всех них были произведены обыски, но при этом, однако, ни мимеографа, ни воззваний найдено не было.

Равным образом и справки в транспортных конторах о доставлении в Нижний-Новгород мимеографа дали также отрицательные результаты.

Во время обыска у Свердлова в квартире его оказалась бывшая ученица нижегородской гимназии Лидия Иванова Соколова, которой также было предъявлено обвинение в преступном деянии, предусмотренном 250 ст. Улож. о наказ., так как она проживала совместно со Свердловым, и в их квартире были найдены остатки обгорелых гектографированных рукописей, а в вещах Соколовой—некоторые принадлежности для печатания посредством гектографа.

Помимо указанных предметов при обыске у Кольберг, Свердлова и Соколовой были найдены различные рукописи тенденциозного в политическом отношении характера, а у последней, кроме того, еще протокол недозволенного собрания нижегородских гимназистов, у Пешкова же и Петрова ничего преступного не оказалось...

Независимо от сего, при дальнейшем производстве расследования Пешкову было предъявлено еще обвинение в составлении воззвания под заглавием: «Опровержение правительственного сообщения, составленное М. Горьким», и стихотворения под названием «На мотив марсельезы», гектографированные экземпляры которых были присланы начальнику Нижегородского губернского жандармского управления департаментом полиции.

Будучи допрошены в качестве обвиняемых, Пешков, Петров, Кольберг, Свердлов и Соколова в приписываемых им преступлениях виновными себя не признали...

...По соображении изложенного и принимая во внимание, что данные негласного наблюдения, уличавшие всех обвиняемых в преступлении, предусмотренном 250 ст. Улож. о наказ., при формальном дознании ничем не подтвердились и что относительно отобранных при обыске у обвиняемой Соколовой принадлежностей гектографа ничем не установлено, чтобы они имели какое-либо отношение к предмету сего дела, министр юстиции, согласно с заключением прокурора Московской судебной палаты, полагает: 1) настоящее дознание, за недостаточностью улик, дальнейшим производством прекратить, отменив принятые против обвиняемых меры пресечения способов уклоняться от следствия и суда (особый надзор полиции), и 2) вещественные доказательства оставить при деле.

Департамент полиции присоединяется к заключению министерства юстиции по настоящему делу.

Вице-директор Поярков.

(АР и ВП, ф. ДП, VII, д. 235, 1901, л. 42.)

Отношение департамента полиции на имя министра юстиции Муравьева 29 июля 1902 г. № 3661.

Возвращая препровожденное при отношении от 19 декабря 1901 года за № 3149 дознание о цеховом Алексее Пешкове и других, в числе 5 лиц, обвиняемых в государственном преступлении, и следующие к нему приложения, имею честь уведомить

ваше высокопревосходительство, что, согласно с мнением вашим, я нахожу возможным настоящее дело дальнейшим производством прекратить.

Министр внутренних дел статс-секретарь П л е в е.

И. д. директора Л о п у х и н.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 235, 1901, л. 18.)

Вырезка из газеты «Новое время» 1 марта 1902 г. № 9335.

...В состоявшемся 21 февраля соединенном заседании отделения русского языка и словесности императорской Академии наук и разряда изящной словесности закрытой баллотировкой шарами были произведены, согласно с существующими постановлениями, выборы в почетные академики разряда изящной словесности. Избранными оказались: Александр Васильевич Сухово-Кобылин и Алексей Максимович Пешков * (Максим Горький).

(АР и ВП, ф. ДП, д. 33, 1901, л. 20.)

Из дневника Константина Романова 8 и 9 марта 1902 г.

Мраморный. 10-го. Тревожный день. Из дому не выезжал—горло побаливало. С волнением ожидал Ванновского [44], обещавшего мне заехать прямо из Зимнего дворца после своего доклада. Дома нашлось немало дела.

Мы сидели за завтраком, когда приехал министр, и я поспешил к нему. Ему удалось убедить государя, чтобы признание недействительности выборов Горького исходило только от Академии, а не от высочайшей власти. Государь сам набросал карандашом проект сообщения в «Правительственный вестник», и требовалось лишь сделать некоторые редакционные поправки.

Спишу теперь письмо царя к Ванновскому от 5 марта:

«Петр Семенович, известие о выборе Горького в Академии наук произвело на меня, как и на всех благомыслящих русских, прямо удручающее впечатление. Чем руководствовались почтенные мудрецы при этом избрании—понять нельзя?

Ни возраст Горького, ни даже коротенькие сочинения его не представляют достаточного наличия причин в пользу его избрания на такое почетное звание.

Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием. И такого человека, в теперешнее смутное время, Академия наук позволяет себе избирать в свою среду.

---

* На вырезке помета департамента полиции: «Привлечен к дознанию по обвинению в революционной пропаганде среди рабочих и состоит под особым надзором полиции.—Одни унижают, другие возвышают».

Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объявить, что по моему повелению выбор Горького отменяется.

Надеюсь хоть немного отрезвить этим состояние умов в Академии.—Николай».

Днем состоялось у меня в Белой столовой соединенное собрание отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности. Были члены отделения Веселовский, Пыпин, Кондаков, Шахматов, Ламанский и Соболевский[45] и почетные академики Кони, Арсеньев, Стасов, гр. Кутузов и Потехин[46]. Я прочел конфиденциальные отношения министра народного просвещения: 1) о высочайшем повелении, чтобы в «Правительственном вестнике» было напечатано от Академии сообщение (о недействительности выборов Горького), 2) с объявлением соединенному собранию, что его величество глубоко огорчен избранием М. Горького, и 3) о высочайшем повелении, чтобы впредь Академия сообщала конфиденциально министрам народного просвещения и внутренних дел о кандидатах в почетные академики до назначения выборов, и чтобы теперь же пересмотреть высочайше утвержденные в 1899 г. дополнительные статьи к ныне действующему положению об отделении русского языка и словесности императорской Академии наук; дополнения эти через министра народного просвещения должны быть представлены на высочайшее утверждение.

(ГАФКЭ, ф. Н. Романова.)

Докладная записка министра народного просвещения президенту Академии наук Константину Романову.

Ваше императорское высочество!

Государь император высочайше мне повелеть соизволил объявить соединенному собранию отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности императорской Академии наук, что его величество глубоко огорчен избранием вышеупомянутым соединенным собранием в свою среду Алексея Максимовича Пешкова, псевдоним «Максим Горький».

Доведя о сем до сведения вашего императорского высочества, прошу зависящих к выполнению высочайшего повеления распоряжений.

С истинным высокопочтением имею честь быть вашего императорского высочества покорнейший слуга П. Ванновский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 33, 1901, л. 2.)

Докладная записка министра народного просвещения президенту Академии наук Константину Романову 9 марта 1902 г. № 29.

Ваше императорское высочество!

Государю императору благоугодно было мне высочайше повелеть, чтобы в ближайшем номере «Правительственного

вестника» было напечатано от императорской Академии наук сообщение следующего содержания*:

«Ввиду обстоятельств, которые не были известны соединенному собранию отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности — императорской Академии наук, выборы в почетные академики Алексея Максимовича Пешкова (псевдоним «Максим Горький»), привлеченного к дознанию в порядке ст. 1035 Уст. угол. судопр., объявляются недействительными».

Доводя о сем до сведения вашего императорского высочества, прошу зависящих к выполнению высочайшего повеления распоряжений.

С истинным высокопочтением и пр. Петр Ванновский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 33, 1901, л. 2.)

Записка Петербургского охранного отделения 13 марта 1902 г. № 184.

По полученным сего числа агентурным сведениям, в тесном кругу писателей, присутствовавших вчера в значительном числе в Панаевском театре, на пьесе «Микаэль Крамер», велись оживленные беседы по поводу последовавшего будто бы отказа известных литераторов и ученых, каковы Арсеньев, Толстой, Короленко, Боборыкин[47] и некоторые другие, от присвоенного им звания «академика», которые якобы уже заявили о выходе своем из состава императорской Академии наук[48]. Можно предполагать, что причины их ухода, если таковой действительно состоялся, неосредственно [связаны] с фактом отклонения избрания писателя Пешкова в академики.

Ротмистр Сазонов.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 33, 1901, л. 28.)

Отношение орловского губернатора в Главное управление по делам печати 31 октября 1902 г. № 5568.

Вследствие отношения от 15-го сего октября за № 9086 имею честь уведомить Главное управление по делам печати, что постановка пьесы Максима Горького «Мещане» елецким полицеймейстером была разрешена на сцене елецкого городского театра, с одной стороны, ввиду незнания им существующих условий постановки этой пьесы, а с другой—вследствие своей доверчивости к антрепренеру елецкого театра Катарскому, представившему ему афиши на постановку упомянутой пьесы в г. г. Перми и Выборге, в чем полицеймейстер признает себя вполне виновным.

И. д. губернатора, вице-губернатор Балясный.

(ЛОЦИА, ф. 890, 1902.)

* Сообщение об отмене выборов Горького было опубликовано в «Правительственном вестнике» 12 марта 1902 г.

Отношение ярославского губернатора в Главное управление по делам печати 9 января 1903 г. № 106.

Вследствие циркуляра от 12 октября 1902 г. за № 8961 [49] имею честь уведомить Главное управление, что постановка на ярославском театре пьесы М. Горького «Мещане», дозволенная мною на условиях, указанных в этом циркуляре, ныне мною воспрещена в течение всего текущего театрального сезона, так как, присутствуя вчера на спектакле, я лично заметил, что исполнители дозволили себе отступление от экземпляра пьесы, скрепленного драматическою цензурою.

Об этом считаю делом сообщить Главному управлению, на случай, если бы антрепренер ярославского театра обратился непосредственно в Главное управление с просьбою о разрешении.

Губернатор Рогович.

(ЛОЦИА, ф. 890, 1903.)

Отношение Московского охранного отделения на имя директора департамента полиции Лопухина 12 ноября 1902 г. № 11741.

Вследствие предложения от 14 октября сего года за № 6469 * имею честь представить вашему превосходительству, что автором письма, без подписи, на имя Елены Шедлих была, несомненно, Юлия Николаева Лепешинская [50], сведения о которой изложены в представлении моем от 10-го сего ноября за № 11699 **.

Упомянутая Лепешинская, как установлено наблюдением по делу Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, имела действительно свидание, длившееся несколько часов, с писателем Алексеем Максимовым Пешковым (Горьким), причем на совещании этом, происходившем у дантистки Клары Борисовой-Розенберг, живущей в квартире Шпринц, в доме Горчакова на Страстном бульваре, присутствовал и представитель вышеупомянутого комитета—Семен Лазарев Вайнштейн [51], подробные сведения о коем изложены в представлении моем от 10-го сего ноября за № 11700 ***. Как установлено дальнейшими проследками, на следующий день Юлия Лепешинская отправила, почтовым переводом, 160 рублей (очевидно, из числа 400, полученных ею от Пешкова) в гор. Псков,

---

* Предложение департамента полиции Московскому охранному отделению выяснить автора писем из Москвы, с подписью «Наташа», адресованных Базелю в Нюрнберг и Шедлих в Берлин. *(АР и ВП, ф. ДП, д. 825, ч. 10, 1901, л. 196.)*

** Сведения Московского охранного отделения департаменту полиции об авторе писем, с подписью «Наташа», Ю. Н. Лепешинской. *(АР и ВП, ф. ДП. д. 825, т. 10, 1901, л. 262.)*

*** Сведения Московского охранного отделения департаменту полиции о лицах, упоминаемых в письмах Ю. Н. Лепешинской. *(АР и ВП, ф. ДП. д. 825, т. 10, 1901, л. 262.)*

на имя Ивана Жигалевича, о чем тогда же, телеграммой за № 2255 *, было сообщено г. заведующему особым отделом департамента полиции.

Ротмистр Ратко.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 825, т. 10, 1901, л. 272.)

Копия письма с подписью «Наташа», из Москвы, 13 октября 1902 г. к Христову Базелю, в Нюрнберг, Тухерштрассе, 28 **.

Простите, дорогие друзья, что так редко пишу, просто чертовски скоро уходит время; несколько дней меня здесь не было, а последнюю неделю была ужасно занята. Геноссе мой остается и будет вам писать. Получили ли вы адрес, который он сообщил вам? На него вы можете писать нам обоим; завтра пришлю вам еще один очень хороший адрес. Вероятно, мой геноссе вам сообщил о нашем свидании с Горьким, он произвел на всех нас чудное впечатление. Свидание наше носило почти официальный характер, была старуха и мы оба. Мне было крайне отрадно слышать, что его симпатии лишь на нашей стороне. «Освобождение» [52] он читал один лишь 1-й номер и больше не желает видеть подобную пакость, социалистам-революционерам тоже не сочувствует, единственным органом, заслуживающим уважение, талантливым и интересным находит лишь «Искру» и нашу организацию самой крепкой и солидной. Очень хочет познакомиться ближе с нашим направлением, нашими всеми изданиями и практической нашей работой, и так как его сочувствие лишь на нашей стороне, то он и хочет помогать нам чем может; во-первых, понятно, деньгами, а потом предложил даже, что не может ли он исполнить какое-нибудь поручение в тот город, куда он едет, но я категорически отказалась использовать его в этом отношении,—было бы очень неосновательно давать ему какое-нибудь рискованное дело. Наши издания и «Искру», понятно, мы будем ему доставлять. Что касается денег, то у нас с ним установлен договор на бессрочное время: он нам будет давать каждый год по 5000 рублей, из них пойдет во всяком случае не больше одной тысячи старухе, остальные 4000 нам; из них две тысячи можно будет получить в ноябре, так что вы на них вполне в это время можете рассчитывать, но этот минимум может увеличиться до больших размеров, я уверена даже, что этот минимум увеличится,—на сколько, пока сказать не могу. Затем мы с ним уговорились, что он будет иметь дело только с нами, так что вы теперь никого к нему не посылайте, Соню мы тоже просили об этом. Дело в том, что он сам хочет иметь дело только с одними лицами, для него это гораздо удоб-

* В делах не обнаружена.

** Заголовок подлинника. Письмо, написанное химическими чернилами, получено в департаменте полиции агентурным путем.

нее, и кроме того, так как он нас знает теперь и познакомился через людей, которым он доверяет, он страшно рад, что гарантирован от самозванства, как он выразился, с чем ему пришлось встретиться раньше. Сам он проживает не больше 30% всего, что зарабатывает, остальное он давал на всякие дела, и большею частью деньги эти тратились неосновательно, теперь же он очень рад, что все пойдет в хорошие и верные руки. Мы с ним уговорились паролем, так что он будет иметь дело лишь с людьми, присланными от нас. Если вам понадобится этот пароль, я сообщу. Кроме того он указал нам несколько лиц, с которых можно будет содрать что-нибудь, и всем им он скажет, кто придет и от кого, так что наверное в скором времени деньги у нас будут. Ему очень хочется познакомиться с нашими делами, понятно в общих чертах, и я ему обещала, что изредка к нему буду наезжать и рассказывать или встречаться, когда он будет приезжать сюда. Сделать это крайне легко и приятно, и он был очень рад этому обещанию, которое я дала не только от себя, но и от вас; я с большим наслаждением возьму на себя эту обязанность.

Мы виделись с ним один раз все вместе, потом я видела его еще раз, и он очень просил повидать нас еще раз, как только будет на обратном пути. Из этого я вижу, что мы произвели на него хорошее впечатление, чему очень обрадована.

Он же произвел прямо чарующее впечатление, особенно тем, что все его симпатии лежат лишь на нашей стороне, особенно своей * готовностью быть полезным всем, чем может. Он думал, что может обеспечить вполне в денежном отношении все наше существование, но когда мы ему сказали, что для того, чтобы дело шло хорошо, нам нужно в месяц 3000, то он был огорчен, что такой суммы в год (36 000) он достать не может, но будет прилагать все усилия, чтобы минимум сильно увеличился. Пока он дал нам какие-то недоданные деньги—400 рублей—не в счет 5000. Продолжение следует.

(АР и ВП, ф. ДП, д. № 825, 1901, л. 196.)

Из списка московской группы «Искры».

1. Лепешинская Юлия Николаевна, дочь священника, домашняя учительница (22 л.)? **—кв., дом Сахарова, Перуновский п.

. . . . . .

. . . . . .

27. Пешков Алексей Максимов, мещанин, временно проживает д. Скирмунт, Гранатный пер., 1 уч. Арбатской части.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 825, 1901, ч. 10, л. 23.)

* В подлиннике: «его готовностью».

** Так в подлиннике.

Из справки Главного управления по делам печати о пьесе М. Горького «На дне».

Г-н с.-петербургский градоначальник, указывая, что в периодической печати появляются известия о развитии в столице преступности со стороны особого класса людей, что не может не порождать тревожного настроения жителей, заявляет, что «в то же время на театральной сцене идут и пользуются большим успехом такие пьесы, как «Падшие» и «На дне», в которых авторы, рисуя жизнь отбросов общества самыми густыми красками, стремятся обнаружить и показать обществу внутренний смысл—душу—этого порочного элемента, выставляя негодяев и тунеядцев в ролях героев и удальцов».

Пьеса «На дне» действительно шла с громадным успехом в Москве в течение всего прошлого сезона 1902/03 г. и затем в с.-петербургском Малом театре с неменьшим успехом выдержала около десяти представлений по утренним ценам. После сего эта пьеса шла, по отдельным разрешениям, на летних сценах и в последнее время держится на репертуаре на Петербургской стороне в театре Неметти*. Все действующие лица этой пьесы типы отрицательные, которые в лучшем случае могут вызвать сожаление, а вообще производят отталкивающее впечатление. Ни одного героя и удальца там нет, если не считать мелкого воришку Ваську Пепла, который, однако, стремится к честной жизни и обновлению путем привязанности к честной девушке и попадает на скамью подсудимых вследствие случайного убийства в драке с мужем своей любовницы. Остальные действующие лица—бывшие люди, полуголодные, нищие, которые влачат изо дня в день свое жалкое существование, ничем не проявляя какой-либо преступности...

К сему считаю долгом присовокупить, что пьеса «На дне» разрешается для каждого театра особо, так что спектакли, исполнение коих вызвало бы какое-либо недоразумение, могут быть немедленно прекращены, и если г. градоначальник находит дальнейшее представление этой пьесы в С.-Петербурге нежелательным, то она может быть снята с петербургского репертуара по его усмотрению, в порядке 135 ст. Уст. о пред. и прес. преступлений.

[Подпись.]

(ЛОЦИА, ф. 895, 1903.)

---

* Пьеса «На дне» была играна в следующих театрах: в С.-Петербурге в осенний сезон: в Василеостровском театре в октябре 1 раз, в театре Неметти по 1 ноября шла 8 раз. В 1-м общественном собрании и С.-Петербургском благородном собрании разрешена, но ни разу не шла. Кроме того была разрешена по возвышенным ценам в Обществе невских развлечений, где прошла один или два раза. *(Прим. подлинника.)*

Из телеграммы Тифлисского охранного отделения департаменту полиции 24 июня 1903 г.

Прибывший на-днях в Тифлис Максим Горький выехал 21-го в Батум, откуда сегодня или завтра вернется сюда же. В честь его здешним грузинским театром, именно сегодня и завтра, вероятно в его присутствии, будет представлено «На дне»... Губернатор предупрежден.

Ротмистр Хуциев.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 9, ч. 52, 1898, л. 41.)

Отношение Тифлисского охранного отделения в департамент 3 июля 1903 г. № 450.

В дополнение к телеграмме моей от 24-го минувшего июня имею честь донести вашему превосходительству, что оба представления (24 и 25 июня) пьесы Максима Горького «На дне» прошли в здешнем губернском театре без каких бы то ни было демонстративных проявлений со стороны публики.

По агентурным сведениям, автор пьесы пожертвовал 300 рублей в местный комитет «Союза Российской социал-демократической рабочей партии».

Ротмистр Хуциев.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 9, ч. 52, 1898, л. 42.)

По поводу кишиневского погрома*.

За последние годы в стране нашей всё чаще и чаще совершаются события, позорящие ее. Но самое позорное дело, возбуждающее ужас, стыд и негодование,—это страшное избиение евреев в Кишиневе [53].

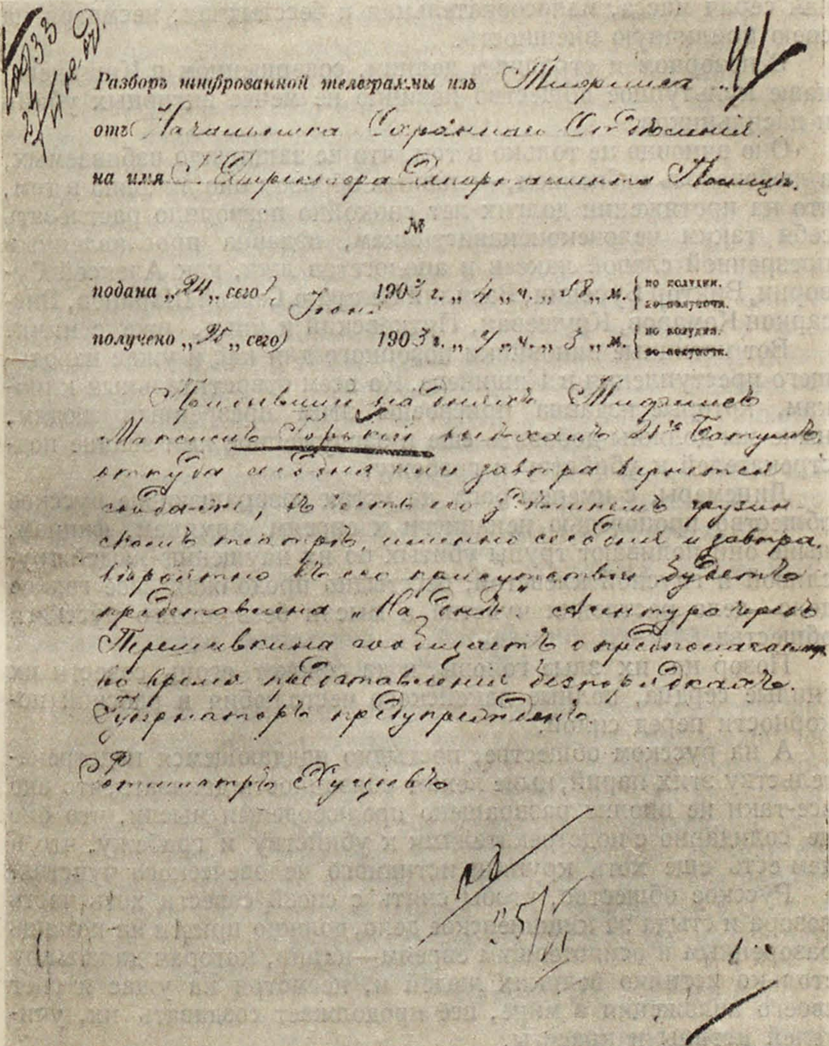
Люди, считающие себя христианами, люди, якобы верующие в бога милосердия и сострадания,—эти люди, во дни, посвященные ими празднованию воскресения бога своего из мертвых, убивают детей и стариков, насилуют женщин, пытают и грабят людей того племени, которое дало им Христа.

Кого винить в этом гнусном преступлении, которое ложится на всех нас, русских, кровавым пятном позора, пятном, которое и века не смоют со страниц печальной истории нашей темной страны?

Было бы несправедливо и слишком просто осудить за это «толпу», избивавшую евреев, толпа—это рука, виновно развращенное сознание, толкнувшее ее на грабеж и убийство.

Известно, что в Кишиневе толпой командовали люди культурного общества, но что такое русское культурное общество?— Это тоже толпа, да еще худшая, чем толпа «народа», ибо народ наш раздражен тяжестью своей жизни и слеп и скован искусственно создаваемой вокруг него тьмой...

* Гектографированный экземпляр. Заголовок подлинника.



Разборъ шифрованной телеграммы изъ Тифлиса

отъ Начальника Охраннаго Отдѣленія

на имя Г. Директора Департамента Полиціи.

№

подана „24" сего Іюня 1903 г. „4" ч. „58" м. по полудни. / до полудни.

получено „25" сего 1903 г. „4" ч. „5" м. по полудни. / до полудни.

Прибывшій на дняхъ въ Тифлисъ Максимъ Горькій выѣхалъ 21-го въ Батумъ, откуда сегодня или завтра вернется обратно; въ честь его здѣшнимъ грузинскимъ театромъ, именно сегодня и завтра, вѣроятно въ его присутствіи будетъ представлена „На днѣ". Агентура черезъ Трешевкина наблюдаетъ съ предосторожностями во время представленія безпорядковъ. Губернаторъ предупрежденъ.

Ротмистръ Хуциевъ

ТЕЛЕГРАММА ТИФЛИССКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ 24 ИЮНЯ 1903 Г. О ПОСТАНОВКЕ В ТИФЛИСЕ В ЧЕСТЬ ПРИБЫТИЯ М. ГОРЬКОГО ПЬЕСЫ «НА ДНЕ».

Культурная же толпа—это куча трусливых рабов, лишенных чувства собственного достоинства и сознания своих прав, готовых всегда падать ниц перед силой, способных принять всякую ложь, лишь бы она охраняла их покой, бессильная и бесправная серая масса, малосознательная и бесстыдная, несмотря на свою приличную внешность.

В позорном и страшном деянии, совершенном в Кишиневе, наше культурное общество повинно не менее активных убийц и насильников.

Оно виновно не только в том, что не защищало избиваемых, а любовалось избиением,—главным образом оно виновно в том, что на протяжении долгих лет спокойно позволяло растлевать себя таким человеконенавистникам, издавна прославленным презренной славой лакеев и апологетов лжи, как Алексей Суворин, Виктор Буренин, Василий Величко, Сергей Шарапов, Виссарион Комаров, Крушеван, Пятковский и иные, иже с ними.

Вот истинные виновники позорного для нас и ужас наводящего преступления в Кишиневе. Ко всем отвратительным кличкам, которые издавна присвоены этим презренным людям, ныне мы должны добавить еще и заслуженное ими звание подстрекателей к убийству и грабежу.

Лицемеры, с именем бога на устах развращающие русское общество проповедью ненависти к евреям, армянам, финнам, ныне они поливают трупы убитых по их наущению людей трусливой и гнусной клеветой, бесстыдно продолжая свое гадкое дело—дело растления чувства и мысли безвольного русского общества.

Позор на их злые головы, и да сожжет огонь совести их гнилые сердца, полные лакейского честолюбия и рабской покорности перед силой.

А на русском обществе, постыдно поддающемся подстрекательству этих парий, ныне лежит обязанность доказать, что оно все-таки не вполне развращено прелюбодеями мысли, что оно не солидарно с подстрекателями к убийству и грабежу, что в нем есть еще хоть крупица истинного человеческого чувства.

Русское общество, чтобы снять с своей совести хоть часть позора и стыда за кишиневское дело, должно притти на помощь разоренным и осиротевшим евреям—нации, которая дала миру столько истинно великих людей и, несмотря на ужас и гнет своего положения в мире, всё продолжает создавать их, учителей истины и красоты.

Итак всякий, кто не считает себя лакеем лакеев, все, в ком еще есть чувство человеческого достоинства—на помощь евреям!

Для того, кто считает себя человеком в истинном смысле этого слова, не должно быть ни эллина, ни иудея, а только человек.

М. Горький.

(АР и ВП, отд. печати, № 13328.)

Отношение Московского цензурного комитета в Главное управление по делам печати 28 февраля 1904 г. № 645.

25-го сего февраля, к 2 часам дня, поступила в Московский цензурный комитет из типографии «Русского т-ва печатного и издательского дела» отпечатанная без предварительной цензуры, в количестве .... экземпляров*, книга под заглавием «Иностранная критика о Горьком (сборник статей). Составил Л. Г.»

Рассматривавший эту книгу цензор Московского цензурного комитета, надворный советник Бартенев представил о ней следующий письменный доклад **.

Обсудив изложенный доклад и отмеченные цензором в книге отдельные места, Цензурный комитет нашел, что она, при своей недорогой цене, может получить широкое распространение и служить подновленною рекламою для сочинений М. Горького, уже утрачивающих интерес новизны. Принимая же в соображение их вредное направление, цензурный комитет, с своей стороны, полагал бы ограничить распространение этой книги путем запрещения ее к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях, а также к продаже на улицах и площадях, а равно чрез ходейщиков и офеней.

Срок выхода этой книги в свет наступит 3 марта сего года. Распоряжения о задержании ее в типографии сделано не было. Экземпляр с цензорскими отметками при сем прилагается ***.

(ЛОЦИА, ф. 890, 1904.)

Доклад цензора Велкстерна в Московский цензурный комитет 27 октября 1904 г.

Известным издателем плакатов Максимовым представлена на мое рассмотрение рукопись под заглавием «Из жизни босяков. На дне. М. Горького»****. В состав рукописи входят два очерка: «Босяцкий притон» и «Ночной обход». Оба очерка рисуют быт ночлежных домов и переполнены перебранками пьяных, циничными разговорами и грубыми сценами. Находя подобное чтение совершенно неподходящим для простого народа, для которого оно и предназначено, я на основании § 3 ст. 4 Уст. и циркуляра о народных изданиях полагал бы названную рукопись к печати не разрешать.

Цензор Велкстерн.

(ЛОЦИА, ф. 890, 1904.)

---

* Пропуск в подлиннике.
** Доклада в делах не обнаружено.
*** Экземпляр с цензорскими отметками в делах не сохранился.
**** Так в подлиннике.

III. 1905 ГОД.

Отношение департамента полиции в Петербургское губернское жандармское управление 14 января 1905 г. № 308.

В конце минувшего года департаментом полиции были получены агентурным путем сведения, что местными революционными силами, по соглашению с русскими революционерами, проживающими за границей, образован комитет, составленный из представителей всех действующих в империи противоправительственных фракций[54]. По тем же сведениям, комитет этот должен был приступить в конце текущего января к руководству одновременными действиями всех подпольных организаций, непосредственно направленными к ниспровержению самодержавной власти, одновременными возбуждениями стачек и беспорядков, волнениями в учебных заведениях, предъявлениями правительству разными кружками самых крайних требований о реформе государственного строя и т. п. Конец января, как начало действий, был избран ввиду того, что к этому времени во всех университетских городах сбор учащейся молодежи после рождественских каникул должен быть уже полный, и что к тому же времени должно определиться настроение январских сессий земских собраний. Вспыхнувшая в самом начале января под влиянием агитации священника Георгия Гапона и организованного им «Общества фабрично-заводских рабочих»[55] всеобщая стачка в С.-Петербурге рабочих явилась для революционных кружков совершенно неожиданной, но весьма для их вмешательства благоприятной. Отдельные подпольные кружки тотчас же попытались взять движение в свои руки, а затем были получены указания и на то, что вышеупомянутый комитет выступил в своей объединяющей роли, причем удалось установить, что в состав этого комитета входят лица с крупным положением в ученом и литературном мире, и в числе других присяжный поверенный Евгений Иванов Кедрин[56], литераторы Николай Федоров Анненский, Василий Иванов Семевский[57], Алексей Васильев Пешехонов и Алексей Максимов Пешков (известный под псевдонимом Максим Горький).

8 января, около 11 час вечера, к товарищу министра внутренних дел, заведывающему полицией, явились поименован-

ные выше лица, а также бывший профессор С.-Петербургского университета Николай Иванов Кареев[58], писатель Венедикт Александров Мякотин[59] и Константин Константинов Арсеньев, редактор журнала «Право» Иосиф Вячеславов Гессен[60] и рабочий Дмитрий Васильев Кузин, близкий сподвижник священника Гапона, и, объяснив, что явились к министру внутренних дел и не застали его дома, просили свиты его величества генерал-майора Рыдзевского довести до сведения г. министра о том, что им известно намерение всех петербургских рабочих итти на следующий день всей толпой к Зимнему дворцу и представить государю императору выработанную ими программу общегосударственных реформ, и что если для воспрепятствования намерению рабочих будут вызваны войска, то последним будет оказано открытое сопротивление. От г. товарища министра перечисленные лица отправились к г. председателю Комитета министров.

Характер сделанного этими лицами заявления и известная департаменту принадлежность их к преступным кружкам и организациям разных направлений, а также нахождение между ними лиц, относительно которых уже имелись указания на принадлежность их к вновь организовавшемуся комитету, дали основания подозревать, что к свиты его величества генерал-майору Рыдзевскому и статс-секретарю Витте[61] являлся именно этот комитет в полном его составе, тем более, что заявленная этими лицами угроза открытым сопротивлением толпы войскам, как известно, была действительно осуществлена на следующий день, а нахождение в среде их рабочего Кузина, явившегося, так сказать, правой рукой священника Гапона, давало полное основание заключить, что названный комитет вошел в преступные сношения с этим агитатором.

Ввиду этих данных все перечисленные лица, за исключением писателя Арсеньева, в ночь на 11-е сего января были подвергнуты обыску и аресту, причем обнаруженные у некоторых из них вещественные доказательства вполне подтверждают их сношения со священником Гапоном, а отобранный у Кедрина при личном обыске рукописный черновик воззвания, вполне изобличая всех этих лиц в принадлежности к упомянутому выше революционному комитету и объясняя его роль в событиях 9 января, заканчивается обвинением его императорского величества и г. министра внутренних дел «в предусмотренном убийстве множества русских граждан и призыве * к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».

Предложив вместе с сим начальнику С.-Петербургского охранного отделения немедленно передать в ваше распоряжение все акты следственных действий по настоящему делу и все обнаруженное по обыскам, департамент имеет честь просить

* В подлиннике: «призывал».

ваше превосходительство приступить немедленно к производству по изложенным обстоятельствам формального дознания в порядке 1035 ст. Уст. угол. суд., а вещественные доказательства, отобранные по личному обыску у Евгения Кедрина, при сем особо прилагаются.

К сему департамент считает долгом присовокупить, что все задержанные, за исключением Кузина, находящегося под стражею в С.-Петербургском доме предварительного заключения, [перевезены] для содержания в С.-Петербургскую [Петропавловскую] крепость.

Директор Лопухин.
За заведывающего отделом Квицинский.

(АР и ВП, ф. ДП, VII, д. 882, 1905, л. 12.)

Отношение коменданта Петропавловской крепости на имя директора департамента полиции Лопухина 12 января 1905 г. № 41.

Уведомляю ваше превосходительство, что сего числа, по распоряжению департамента полиции, доставлен в крепость и заключен в отдельную камеру здания Трубецкого бастиона арестованный по обвинению в государственном преступлении писатель Алексей Максимов Пешков.

О чем, вместе с сим, всеподданнейше донесено государю императору.

Комендант, генерал-от-инфантерии Эллис.
И. д. секретаря капитан Иванишин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 882, ч. 1, 1905, л. 5.)

Копия протокола допроса А. М. Пешкова 17 января 1905 г.

1905 года, января 17-го дня в г. С.-Петербурге, я, Отдельного корпуса жандармов подполковник Конисский, в порядке 1035 и последующих статей Уст. угол. судопр., в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда В. В. Горбовского-Заранек допрашивал обвиняемого, который показал:

Зовут меня Алексей Максимов Пешков. На предложенные мне вопросы отвечаю: я не признаю себя виновным в принадлежности к сообществу, имеющему целью своей деятельности ниспровержение существующего в России государственного и общественного строя, в составлении же с целью распространения предъявленной мне рукописи, начинающейся словами: «Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом и т. д.» и заключающей в себе призыв к борьбе с самодержавием, я виновным себя признаю. Рукопись эта написана моею рукою, и мною же сделана приписка синим карандашом на третьей странице. Составил я эту рукопись под впечатлением ужаснувших меня событий 9 января и имел намерение послать ее г. министру

ПРАВЛЕНІЕ
МЕНДАНТА
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДВОСТИ.

Января 1905.
№ 41.

12 ЯНВАРЯ 1905

Секретно.

Директору Департамента Полиціи.

Увѣдомляю Ваше Превосходительство, что сего числа, по распоряженію Департамента Полиціи, доставленъ въ крѣпость и заключенъ въ отдѣльную камеру зданія Трубецкаго бастіона арестованный, по обвиненію въ государственномъ преступленіи, писатель Алексѣй Максимовъ Пѣшковъ.

О чемъ, вмѣстѣ съ симъ, всеподданѣйше доношу ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Комендантъ,
генералъ-отъ-инфантеріи

И.д. секретаря,
капитанъ

ОТНОШЕНИЕ КОМЕНДАНТА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ НА ИМЯ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ЛОПУХИНА 12 ЯНВАРЯ 1905 Г. О ЗАКЛЮЧЕНИИ М. ГОРЬКОГО В ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН.

внутренних дел, а также разослать ее в редакции с.-петербургских газет, в надежде, что эта рукопись будет напечатана в которой-нибудь из них, несмотря на ее резкое содержание, распространить же ее путем личной передачи или иным способом я не имел в виду. Возникла эта рукопись под влиянием таких впечатлений: приехав в С.-Петербург 4-го или 5 января, я из газетных сообщений и рассказов разных лиц узнал, что рабочие г. С.-Петербурга под влиянием и руководством священника Гапона собираются 9-го сего января месяца итти на Дворцовую площадь для того, чтобы вручить императору петицию, излагающую их экономические требования. Лица, бывшие на собраниях рабочих, где председательствовал священник, говорили мне, что настроение массы рабочих верноподданническое и требования их не имеют революционного характера. Лица эти, мне неизвестные в большинстве,—знаю двух-трех, но имен их называть не буду, не желая вмешивать их в это печальное дело,—являлись ко мне очевидно кем-то направляемые, кем-то, кто, видимо, хотел ввести меня в курс происходящих событий. Кто это был—или был[и], я не знаю. Являлись ко мне преимущественно рабочие, как они рекомендовались мне; они называли мне свои фамилии, но я их не помню, что вполне естественно, если принять во внимание как тот факт, что я их впервые видел, так и то волнение, в которое я приходил, выслушивая их рассказы о намерении их итти к императору с ходатайством по поводу устройства их экономического положения. О политических требованиях не было речи. Я пробовал указывать им на неразумность и неосновательность их намерения, указывал также и на необходимость узнать сначала, как относится к этому администрация, и пустит ли она их на площадь. Они в свою очередь указали, что священник Гапон послал просьбу о допущении [рабочих] к Зимнему дворцу императору и министру внутренних дел, и что настроение их властям ведомо, в противном случае им запретили бы собираться на предварительных собраниях. Слыша, с другой стороны, что против рабочих принимаются меры с целью не допустить их к дворцу, и ясно понимая неизбежность столкновения, я 8-го числа вечером, часов в 7 или 8, случайно зайдя в редакцию газеты «Наши дни» [62], куда я заходил и раньше, застал там большое собрание, как раз занятое горячим обсуждением назначенного на завтра шествия рабочих. Приняв участие в этом обсуждении, я предложил собравшемуся обществу послать от лица его депутацию к министру внутренних дел с целью представить на его усмотрение все факты, известные собравшимся лицам и рисующие как настроение рабочих, так и намерения их, а также просить его, как министра и человека, принять все для него возможные меры для предотвращения почти наверное неизбежных столкновений рабочих с полицией и войсками. Предложение мое было принято и

Копія.

Протоколъ №

190 5 года Января «17» дня въ гор. С.-Петербургѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Конисскій въ порядкѣ 1035 и послѣдующихъ ст. Уст. Угол. Судопр., въ присутствіи Товарища Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда В.В.Горбовскаго-Заранекъ допрашивалъ обвиняемаго, который ~~въ дополненіе своимъ объясненіямъ~~ показалъ:

Зовутъ меня Алексѣй Максимовъ Пѣшковъ.

на предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: Я не признаю себя виновнымъ въ принадлежности къ сообществу, имѣющему цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, въ составленіи же съ цѣлью распространенія предъявленной мнѣ рукописи, начинающейся словами: "Мы нижеподписавшіеся считаемъ своимъ долгомъ и т.д." и заключающей въ себѣ призывъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ, я виновнымъ себя признаю. Рукопись эта написана моею рукою и мною же сдѣлана приписка синимъ карандашемъ на третьей страницѣ. Составилъ я эту рукопись подъ впечатлѣніемъ ужаснувшихъ меня событій 9 Января и имѣлъ намѣреніе послать ее Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, а также разослать ее въ редакціи С.Петербургскихъ газетъ, въ надеждѣ, что эта рукопись будетъ напечатана въ которой нибудь изъ нихъ, не смотря на ея рѣзкое содержаніе, распространить же ее путемъ личной передачи, или инымъ способомъ я не имѣлъ въ виду. Возникла эта рукопись подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній: пріѣхавъ въ С.Петербургъ 4 или 5 Января и изъ газетныхъ

ПЕРВЫЙ ЛИСТ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА М. ГОРЬКОГО ЖАНДАРМСКИМ ПОДПОЛКОВНИКОМ КОНИССКИМ 17 ЯНВАРЯ 1905 Г.

тотчас же избрана депутация, в состав которой вошел и я. Помню, что в числе лиц, избранных вместе со мною, вошли г. г. К. К. Арсеньев, историки Кареев и Семевский, литераторы Пешехонов и Мякотин, Н. Ф. Анненский, присяжный поверенный Кедрин и рабочий русского собрания, фамилия коего мне неизвестна. Упоминаю эти фамилии потому, что все они должны быть известны, ибо в приемной г. министра внутренних дел все они оставили свои карточки. На собрании в редакции было еще несколько человек моих знакомых, но они играли пассивную роль, и упоминать их имен я не стану. Наши посещения г. г. министров изложены в вышеупомянутой моей записке. Из числа лиц, вошедших в состав депутации, я знаком лично только с Н. Ф. Анненским, еще по жизни его в Нижнем-Новгороде, но я у него не бываю, как и он у меня. Знаю еще г. Пешехонова, но тоже крайне редко встречался с ним, и тоже друг у друга не бываем. Вообще у меня в петербургских литературных кругах личных связей нет. Остальных лиц из числа депутатов я узнал впервые в этот вечер. Считаю нужным заявить, что записка составлена мною без ведома всех выше названных мною лиц, составлявших депутацию, и я предполагал распространить эту записку лишь в том случае, если б эти лица одобрили ее содержание. С целью ознакомить их с моей рукописью она и была передана * мною одному из них, назвать которого я не желаю. Передавая рукопись тому лицу, я сказал только одно: «Вот просмотрите эту рукопись», так что когда лицо это взяло рукопись мою, содержание ее было ему неизвестно. Чьею рукою сделаны отметки карандашом на первых двух страницах рукописи—мне неизвестно. Если, как вы говорите, рукопись моя была отобрана у г. Кедрина, честным словом моим удостоверяю, что я ему ее не давал и, повторяю, впервые встретил его вечером 8 января. Баллотировка в помещении редакции производилась таким путем: вслед за предложением моим отправить депутацию к министру внутренних дел кто-то тотчас же крикнул: «Вот вы и идите», а потом раздались голоса, предлагавшие старейших и наиболее известных лиц. Рабочий, входивший в состав нашей депутации, насколько я помню, сам предложил себя. Кроме этого рабочего, как мне кажется,—и в этом я почти уверен,—других рабочих в редакции не было. В Ригу я выехал 10-го числа в 7 час. 30 мин. вечера, мотивом поездки служила тяжелая и опасная болезнь близкой моей родственницы Марии Федоровны Андреевой[63]. Революционной пропагандой среди рабочих я вообще никогда не занимался. О существовании комитета из представителей всех революционных фракций, который взял бы на себя руководство подпольной организацией с целью ниспровержения существующего государственного порядка путем устройства повсеместных

* Так в подлиннике.

забастовок, волнений среди учащейся молодежи, предъявления отдельными кружками к правительству самых крайних требований,—мне ничего неизвестно.

Подлинный за надлежащими подписями.

Адъютант управления штабс-ротмистр Зарецкий.

(АР и ВП, ф. ДП, VII, д. 882, 1905, л. 11.)

Отношение коменданта Петропавловской крепости в департамент полиции 1 февраля 1905 г. № 146.

Содержащийся в отдельной камере Трубецкого бастиона арестованный Алексей Пешков обратился ко мне с прошением, ввиду необходимости заработка для содержания семьи, воспользоваться свободным временем, чтобы написать комедию, с представлением мне рукописи, а также, по усвоенной им привычке, разрешить заниматься литературным трудом по ночам.

Разрешив арестованному заниматься при электрическом освещении до 2-х часов ночи, прошу ваше превосходительство меня уведомить, полагаете ли вы со своей стороны возможным разрешить Алексею Пешкову написать комедию, но, конечно, под тем непременным условием, чтобы написанная им комедия, по просмотре ее департаментом полиции, была вручена ему или жене его только по освобождении из Трубецкого бастиона.

Комендант, генерал-от-инфантерии Эллис.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 882, ч. 1, 1905, л. 39.)

Отношение департамента полиции на имя коменданта Петропавловской крепости Эллиса 5 февраля 1905 г. № 714.

Вследствие отношения от 1-го сего февраля за № 146 имею честь уведомить ваше превосходительство, что с моей стороны не встречается препятствий к разрешению содержащемуся в высочайше вверенной вам крепости Алексею Пешкову написать комедию, с тем чтобы этот литературный труд был представлен в департамент полиции для просмотра.

И. д. директора Бологовской.

Делопроизводитель Савицкий.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 882, ч. 1, 1905, л. 35.)

Отношение коменданта Петропавловской крепости в департамент полиции 14 февраля 1905 г. № 198.

Препровождаю при сем вашему превосходительству трагикомедию *, написанную, с вашего разрешения, в двух тетрадях, арестованным Алексеем Пешковым, перемещенным 12 февраля в С.-Петербургский дом предварительного заключения.

* Пьеса «Дети солнца», написанная Горьким в крепости.

Мелкий и очень неразборчивый почерк лишил меня возможности просмотреть внимательно работу Пешкова, но, бегло перелистовав ее, я полагаю, что необходимо подвергнуть ее цензуре.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности

Э л л и с.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 882, ч. 1, 1905, л. 46.)

Отношение департамента полиции в С.-Петербургское губернское жандармское управление 14 февраля 1905 г. № 948.

Препровождая при сем трагикомедию в двух тетрадях, написанную в СПБ крепости политическим арестованным Алексеем Пешковым, департамент полиции просит ваше превосходительство возвратить прилагаемую рукопись Пешкову по освобождении его из-под стражи.

За вице-директора Д. М. П о з н а н с к и й.

За делопроизводителя Г. Ю н г е р.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 882, ч. 1, 1905, л. 47.)

Заключение цензора о пьесе М. Горького «Дети солнца» 31 августа 1905 г.

Основной мыслью пьесы является рознь, существующая между народом, представляющим из себя «лес, полный сумрака и гниения», и богатыми классами, т. е. интеллигенцией, против которой в народе давно уже растет ненависть; затронут и рабочий вопрос изображением на сцене в роли «угнетенного и оскорбленного» именно представителя рабочего класса. Свидетельствуя, что народная ненависть уже вырвалась на улицу, и люди, дикие, озлобленные, «с наслаждением истребляли друг друга», автор предвещает, что «их злоба обрушится когда-нибудь на слепую, опьяненную не делом, а только красивыми словами и мыслями интеллигенцию за невнимание к тяжелой, нечеловеческой жизни низшего класса, за то, что она сыта и хорошо одета». Вообще в пьесе то-и-дело подчеркивается угнетение бедного труженика, в котором не хотят даже признать «человека», этого «слепого крота», укрывающегося в «темных норах», которому свободомыслящие «дети солнца» должны помочь выбраться из настоящего отчаянного положения и «вырасти гордым орлом». Для более картинной характеристики ненормальности положения вещей упоминается даже о бывших у нас беспорядках с их последствиями: об озверевшей, черной толпе, окровавленных лицах, лужах теплой крови, окрасившей песок, и т. п. Этот кровяной песок и является эмблемой народных страданий: пьеса заканчивается восклицанием одного из действующих лиц, под впечатлением только что происшедшей свалки бунтующей толпы:

«Один... среди пустыни...
В знойном море красного песка...»

Пророчество о народном мщении сбывается в последнем действии, где изображены беспорядки по случаю холеры и избиение чернью докторов, «придумавших эту болезнь» якобы из «корыстной цели». Разъяренная толпа на сцене врывается в частный дом, причем во время разгрома в общей свалке происходят даже выстрелы.

Представляя все изложенное на благоусмотрение вашего превосходительства, считаю долгом присовокупить, что у меня не возникает ни малейших сомнений в совершенной недопустимости [постановки] на сцене рассматриваемого произведения ввиду его крайней тенденциозности, могущей вызвать при исполнении пьесы только нежелательные последствия *.

Цензор драматических сочинений [подпись].

(ЛОЦИА, ф. 896, 1905.)

Письмо старшего советника Петербургской судебной палаты директору департамента полиции Коваленскому 12 апреля 1905 г. № 7054.

Сергей Григорьевич!

Вследствие письма от 9-го сего апреля за №1738 ** препровождаю при сем вашему превосходительству копию обвинительного акта по делу об Алексее Пешкове, обвиняемом в государственном преступлении. Имею честь сообщить, что по названному делу мерою пресечения принят залог в сумме 10 000 рублей, внесенный мануфактур-советником Саввой Тимофеевичем Морозовым [64], проживающим в г. Москве, и независимо сего обвиняемый Пешков обязан подпиской о невыезде из г. С.-Петербурга впредь до [окончания] производящегося о нем дознания. Сведения же о том, по чьему распоряжению и с чьего разрешения Пешков выбыл в г. Ригу и оттуда в Крым, в деле не имеется.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности М а к с и м о в и ч.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 882, ч. 1, 1905, л. 64.)

---

* На подлиннике резолюция: «По распоряжению г. начальника Главного управления по делам печати разрешено 17 сентября 1905 г. Цензор В е р е щ а г и н».

** Письмом от 9 апреля 1905 г. за № 1738 *(АР и ВП, ф. ДП, VII, д. 882, ч. I, 1905, лл. 60—63)* директор департамента полиции Коваленский, ввиду возбужденного «К. П. Пятницким, издателем сочинений М. Горького, ходатайства о разрешении М. Горькому пребывания в Крыму для климатического лечения хронического туберкулеза левого легкого», просил старшего советника Петербургской судебной палаты Максимовича, в распоряжении которого находилось дело о Горьком, выслать копию обвинительного акта для доклада министру и сообщить, имеется ли разрешение на выезд Горького в Крым.

Уведомление Петербургского губернского жандармского управления 14 февраля 1905 г. № 2547.

О б и з м е н е н и и м е р ы п р е с е ч е н и я.

1) К о г д а п о с л а н ы у в е д о м л е н и я.
Л и т. А. 14 января 1905 г. за № 597.
Л и т. Б. 4 февраля 1905 г. за № 1964.
2) И м я, о т ч е с т в о и ф а м и л и я.—Алексей Максимов Пешков.
3) П е р в о н а ч а л ь н а я м е р а п р е с е ч е н и я.—Содержание под стражей в С.-Петербургской крепости.
4) В н о в ь п р и н я т а я м е р а п р е с е ч е н и я и к о г д а и м е н н о (у к а з а т ь п о д р о б н о).—Согласно состоявшегося сего числа постановления отдать под залог в сумме 10 000 рублей в г. Риге.
5) П р и ч и н ы и з м е н е н и я м е р ы.—Обстоятельства, выясненные производством дознания.
6) К о г д а п о с л а н п р е д ы д у щ и й л и с т о к В, е с л и м е р а у ж е б ы л а р а з и з м е н е н а.—190... г. за № ... *

Начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления генерал-майор Б и з ю н о в.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 882, ч. 1, 1905, л. 4.)

Обвинительный акт об А. М. Пешкове прокурора Петербургской судебной палаты 10 марта 1905 г.

При производстве в ночь на 11 января 1905 года обыска у проживающего в г. С.-Петербурге присяжного поверенного Евгения Кедрина в бумажнике последнего была обнаружена рукопись следующего содержания:

«Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим нравственным долгом довести до сведения всех русских граждан и общественного мнения европейских государств следующее:

Зная, что 9 января рабочие города Петербурга решили всей массой итти к Зимнему дворцу, для того чтобы, вызвав к себе государя, вручить ему программу общегосударственных реформ;

зная, что рабочие не имеют намерения придать своей мирной манифестации характера революционного, что у них еще сохранилась вера в силу и власть царя и надежда, что он доверчиво примет и выслушает их,

мы, нижеподписавшиеся, 8 января вечером отправились к министру внутренних дел с целью потребовать от него, чтобы он—во избежание кровавых событий—сделал распоряжение не

* Пропуск в подлиннике.

М. ГОРЬКИЙ В 1904 Г.
С ПОРТРЕТА В. А. СЕРОВА.

выводить на улицу войска в день 9 января и дал бы рабочим возможность свободно говорить с их царем.

Когда мы с этой целью явились к министру внутренних дел, нам сказали, что его нет дома, и направили нас к товарищу его г. Рыдзевскому, который сначала отказывался принять нас, а потом принял, выслушал наше заявление, сказал нам, что это его не касается, и, равнодушно пожав плечами, ушел.

Тогда мы пошли к председателю Комитета министров С. Ю. Витте, которому сделали то же самое заявление, т. е. [что] необходимо довести до сведения государя и министра внутренних дел о мирном настроении рабочих и допустить их к государю для представления проекта реформ, и необходимо, чтобы войска и полиция не оказывали препятствий рабочим в их желании говорить с государем, в противном же случае, по нашему искреннему убеждению, прольется кровь, что вызовет естественное желание мести за нее, т. е. широкое развитие террористических действий со стороны рабочего люда.

Г-н Витте заявил нам, что министры Святополк-Мирский [65] и Коковцев [66] имеют более точные сведения о положении дел, чем сведения наши, что, по его мнению, и сам государь должен быть осведомлен о положении и намерениях рабочих, и что лично он, Витте, бессилен сделать что-либо в желаемом нам направлении.

Мы просили его устроить нам свидание с Святополк-Мирским; г. Витте согласился на это и при нас спрашивал по телефону г. Святополк-Мирского, желает ли он принять нас как выразителей мнения группы литераторов и ученых по вопросу о возможных 9 января кровавых событиях и о мерах к устранению их.

Г-н Святополк-Мирский отказался принять нас.

9 января в разных местах города Петербурга началось движение рабочих, мирно шедших к Зимнему дворцу, и нижеподписавшиеся частью сами видели, частью знают от других очевидцев такие факты:

Когда рабочие Путиловского завода, с церковными хоругвями и портретами государя и государыни в руках, во главе со священником отцом Георгием Гапоном в облачении и с крестом в руке, подошли к Нарвской заставе, по ним, без всякого предупреждения со стороны офицеров, командовавших войсками, и полиции, был дан троекратный залп боевыми патронами. Несколько десятков людей упало ранеными и убитыми, остальная толпа частью бросилась бежать, частью же легла на землю, дабы спасти себя от пуль, но когда они поднялись, по ним снова был дан троекратный залп, и это повторилось дважды.

Когда рабочие Петербургской стороны подошли к Троицкому мосту, по ним, опять-таки без приглашения разойтись, был дан залп, которым человек шестьдесят [было] ранено и убито.

Один из нас лично видел четырнадцать человек раненых, из них пять женщин, и троих убитых, он же видел, как во время конной атаки на Невском, около Полицейского моста, солдат с коня выстрелил в упавшего на землю человека.

Расстреливали, а также били шашками рабочих и публику у Адмиралтейства, на Мойке,—мы не имеем пока точных цифр убитых и раненых и не это считаем важным в данном случае.

Мы находим себя в праве заявить всей России и общественному мнению Европы:

1) что министр внутренних дел Святополк-Мирский был предупрежден нами о мирных намерениях и спокойном настроении рабочих, и что они шли с полным доверием к своему царю;

2) что мы предлагали министру внутренних дел убрать войска с улиц;

3) что мы предлагали известить государя о происходящем и убедить его в необходимости допустить [рабочих] на Дворцовую площадь и выслушать требования их;

4) что рабочие действительно вели себя вполне миролюбиво и по отношению к войскам не держались вызывающе;

5) что командовавшие частями войск [офицеры] стреляли и избивали народ, не предупреждая его разойтись.

Подобное поведение по отношению к манифестантам-рабочим мы по совести не можем назвать иначе, как предумышленным избиением, и, исходя из этого, мы, нижеподписавшиеся, перед лицом всех русских граждан и перед лицом европейского общественного мнения обвиняем министра внутренних дел Святополк-Мирского в предумышленном, не вызванном положением дела и бессмысленном убийстве множества русских граждан.

А так как Николай II был осведомлен о характере рабочего движения и о миролюбивых намерениях его бывших подданных, безвинно убитых солдатами, и, зная это, допустил избиение их,—мы и его обвиняем в убийстве мирных людей, ничем не вызвавших такой меры против них.

Вместе с тем мы заявляем, что далее подобный порядок не должен быть терпим, и приглашаем всех граждан России к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».

Автором этой рукописи оказался литератор Алексей Максимов Пешков (известный под псевдонимом Максима Горького), который, будучи привлечен к дознанию в качестве обвиняемого, признав себя виновным в составлении означенной рукописи с целью ее распространения, собственноручно изложил следующее по делу объяснение: рукопись, по словам Пешкова, написана им, под впечатлением ужаснувших его событий 9 января, в намерении послать ее министру внутренних дел, а также разослать в редакции петербургских газет, в надежде, что в которой-нибудь из них она будет напечатана, несмотря на резкое ее содержание. Поводом к ее составлению послужили, по словам обвиняемого, следующие обстоятельства: приехав в

Петербург 4 января, Пешков, как из газетных сообщений, так и из рассказов разных лиц, узнал, что столичные рабочие, под влиянием и руководством священника «Агафона» *, собираются 9 января итти на Дворцовую площадь для вручения государю императору петиции с изложением экономических своих требований. От лиц, посещавших собрания рабочих, где председательствовал «Агафон», Пешков слышал, что настроение массы рабочих—верноподданническое, и что требования их не имеют революционного характера. Сведения эти Пешков получал большей частью от рабочих, которые очевидно направлялись к нему лицами, видимо желавшими ввести его в курс происходивших событий, причем о включении в петицию требований политического характера не было и речи. Сам Пешков, по его словам, пробовал указывать приходившим к нему рабочим на неразумность и неосновательность их намерения, а также на необходимость узнать сначала, как отнесется к этому администрация. Рабочие же, в свою очередь, говорили Пешкову, что «настроение их властям ведомо», так как иначе им запретили бы сходиться на предварительные собрания. «Слыша, с другой стороны, что против рабочих принимаются меры с целью не допустить их ко дворцу, и ясно понимая неизбежность столкновения»,—Пешков вечером 8 января «случайно зашел в редакцию газеты «Наши дни», где «застал большое собрание, занятое горячим обсуждением назначенного на завтра шествия рабочих» на Дворцовую площадь. Приняв участие в этом совещании, Пешков предложил собравшимся послать из своей среды депутацию к министру внутренних дел с целью представить на его усмотрение все известные им факты и просить его, «как министра и человека», принять «все для него возможные меры» к предотвращению почти неизбежного столкновения рабочих с полицией и войсками. Предложение это было принято, и тотчас же была избрана депутация, в состав которой, кроме Пешкова, вошли литераторы Арсеньев, Анненский, Пешехонов и Мякотин, историки Кареев и Семевский, присяжный поверенный Кедрин и один рабочий. Подробности посещения этой депутацией министра внутренних дел и других лиц изложены, по словам Пешкова, в вышеприведенной рукописи, которая была составлена им на следующий день по собственной инициативе, без ведома входивших в состав депутации лиц, причем он предполагал дать ей распространение лишь в том случае, если бы лица эти одобрили ее содержание. С этой целью, справившись у посетивших его в тот же день знакомых о том, где бы он мог увидеться вечером с кем-нибудь из членов депутации, и узнав, что нужные ему лица, вероятно, будут в собрании Вольно-экономического общества,—Пешков отправился туда и, встретив одного из членов депутации, передал ему рукопись

* Так в подлиннике.

со словами: «Посмотрите пожалуйста, можете изменить ее, как угодно; я отказываюсь от авторских прав на эту статью».

Произведенной на дознании экспертизой установлено, что найденная у Кедрина рукопись написана рукой Алексея Пешкова.

На основании изложенного нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков, 35 лет, обвиняется в том, что 9 января 1905 года, в С.-Петербурге, составил с целью распространения воззвание, возбуждающее к ниспровержению существующего в государстве общественного строя, причем распространение означенного воззвания не последовало, по обстоятельствам, от воли Пешкова не зависевшим.

Описанное преступление предусмотрено 1 п. 132 ст. Угол. улож., а потому, на основании 1 п. 1032 ст. Уст. угол. суд., названный Алексей Пешков надлежит суду С.-Петербургской судебной палаты без участия сословных представителей.

Составлен марта 10 дня 1905 г. в С.-Петербурге.

Товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты
Камышанский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 882, ч. 1, 1905, л. 65.)

Сведения департамента полиции об Алексее Пешкове 6 апреля 1905 г.

Литератор Алексей Пешков (М. Горький) обратился с ходатайством о разрешении ему пребывания в Крыму для климатического лечения хронического туберкулеза левого легкого.

Испрашивая распоряжений вашего высокопревосходительства по существу изложенного ходатайства, обязываюсь доложить, что Алексей Максимов Пешков привлечен к дознанию в качестве обвиняемого при С.-Петербургском губернском жандармском управлении по обвинению в государственном преступлении, каковое ныне производством закончено и передано прокурору С.-Петербургской судебной палаты.

Основанием привлечения Пешкова к настоящему дознанию послужили агентурные сведения о принадлежности его к комитету, руководившему противоправительственными организациями по устройству повсеместных стачек и волнений путем подачи петиций об изменении государственного строя. Обыском, произведенным у обвиняемого по тому же делу присяжного поверенного Кедрина, была обнаружена рукопись, содержание коей сводится к изложению событий 9 января сего года, и в заключение автор приглашает всех граждан России к немедленной упорной и дружной борьбе с самодержавием.

Спрошенный на дознании Пешков признал себя автором означенной рукописи, составленной им с намерением разослать ее в редакции с.-петербургских газет.

Отданный под залог в 10000 руб. в г. Риге, Алексей Пешков поселился на Рижском взморьи, но 21-го минувшего марта, без надлежащего разрешения, выбыл в Москву, направляясь в Крым.

Московский градоначальник, получив сведения о предполагаемой организации местною молодежью уличной демонстрации при приезде в Москву Пешкова, ходатайствовал по телефону о воспрепятствовании Пешкову въезда в Москву.

Руководствуясь точным смыслом закона 7 июня 1904 года, ходатайство генерал-майора Волкова было сообщено на распоряжение прокурора С.-Петербургской судебной палаты.

С своей стороны свиты его величества генерал-майор Рыдзевский уведомил московского градоначальника телеграммой о том, что в случае необходимости представляется возможным применить по отношению Пешкова п. 4 ст. 16 Пол. о госуд. охране.

Дальнейших официальных сведений о передвижениях Пешкова в департамент не поступало.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 882, VII, ч. 1, 1905, л. 62.)

Телеграмма московского градоначальника в департамент полиции 22 марта 1905 г. № 43070.

Сегодня в 3 часа дня приезжает в Москву из Риги Алексей Пешков; предполагает остановиться здесь на пять дней. Нахожу такое пребывание совершенно нежелательным. Прошу уведомить срочно, кем разрешено его прибытие в Москву; на мой двукратный запрос по телефону в департамент через начальника охранного отделения ответа не имею. Благоволите испросить указаний министра *.

Генерал-майор Волков.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 882, ч. 1, 1905, л. 59.

Отношение Киевского охранного отделения в департамент полиции 8 февраля 1905 г. № 663.

5-го сего февраля, около $8^1/_2$ часов вечера, в театре «Соловцева», во время представления пьесы Максима Горького «Дачники», перед началом второго акта, когда электричество было потушено, неизвестный господин, находившийся на галлерее, крикнул: «Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует Горький! Да здравствует свобода! Долой самодержавие!» и вслед за тем бросил в партер разноцветные прокламации, один экземпляр коих при сем представляется.

* На документе помета: «[Согласно] приказания Н. П. Зуева, сообщено прокурору палаты о том, что желательно по телефону поставить в известность московское градоначальство по поводу разрешения проживать Горькому в Москве».

Упомянутая личность тотчас же была задержана чинами полиции и отправлена в Дворцовый участок. Задержанный оказался известным отделению, по наблюдению за технической группой Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, под кличкой «Звонарь», гомельским мещанином Василием Яковлевичем Морозовым, проживающим в доме № 41 по Бульварно-Кудрявской улице.

В партере театра при содействии капельдинеров подобрано 60 экз. упомянутых прокламаций, а на галлерее, в том месте, где сидел задержанный Морозов,—14 таких же прокламаций.

Благонамеренная часть публики отнеслась несочувственно к возгласам Морозова; другая, состоящая исключительно из учащейся молодежи, выражала свое сочувствие шумными аплодисментами, благодаря чему произошел шум, но спектакль был доведен до конца, и публика по окончании удалилась, не нарушая порядка на улице.

За начальника отделения подпоручик К у л я б к о.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

С в о б о д а Г о р ь к о м у, б о р ц у з а в о л ю, п е в ц у с в о б о д н о г о с л о в а!

Да здравствуют все смело идущие на бой за пролетарское дело, за политическую свободу!

Слава героям-мученикам, павшим в борьбе с царизмом—этим проклятым врагом русского народа!

Вечная слава!

Долой царское правительство, давящее мысль, гнетущее и разоряющее русский народ!

Долой царское правительство, проливающее море крови рабочих с изуверской жестокостью при одной попытке восстать на защиту своих законных прав!

Долой царское правительство, затеявшее преступную войну, усеявшее тысячами трупов поля далекой Манчжурии!

М. ГОРЬКИЙ В 1905 Г.
(ПО СНИМКУ ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ).

Месть убийцам!
Да здравствует Учредительное собрание!
Долой войну!
На волю всех политических узников!

(АР и ВП, ф. ДП, д. 5, ч. 3, л. А, т. 2, 1904, л. л. 233—234.)

Телеграмма правления Гейдельбергского вольного студенчества Максиму Горькому в Петербург, Петропавловская крепость*.

Гейдельбергское вольное студенчество только что постановило на общем собрании выразить вам восхищение и надежду, что вы скоро будете освобождены и вернетесь к вашим занятиям искусством.

За правление Гейдельбергского вольного студенчества
Лейендекер.

(АР и ВП, ф. ДП, VII, д. 882, ч. 1, 1905, л. 4.)

Сообщение Петербургского губернского жандармского управления в департамент полиции 31 августа 1905 г. № 17258.

Сообщаю, что постановлением С.-Петербургского губернского совещания, 4 июля 1905 года состоявшимся, производившееся при вверенном мне управлении дознание в отношении Николая Анненского, Иосифа Гессена, Николая Кареева, Евгения Кедрина, Венедикта Мякотина, Алексея Пешехонова, Алексея Пешкова и Василия Семевского—прекращено за недоказанностью состава ** преступления, с отменою принятых против обвиняемых мер пресечения, кроме Пешкова: залог 10 000 руб. не подлежит отмене, так как он привлечен к другому дознанию.

Генерал-майор Бессонов.

(АР и ВП, ф. ДП, VII, д. 96, 1905, л. 49.)

Отношение прокурора Петербургского окружного суда на имя московского градоначальника Волкова 4 ноября 1905 г. № 21108.

С.-Петербургская судебная палата, рассмотрев дело о писателе Алексее Пешкове, он же Максим Горький, обвиняемого в государственном преступлении,... определением от 4 ноября 1905 года постановила: следствие по сему делу дальнейшим производством прекратить, отменив принятую против обвиняемого меру пресечения—залог в сумме 10 000 руб.

Во исполнение сего прошу объявить о вышеизложенном названному Пешкову, он же Горький, проживающему в г. Москве, а также объявить мануфактур-советнику Савве Тимофееву Морозову, проживающему в г. Москве, что о выдаче ему 10 000 руб. мною вместе с сим сообщено С.-Петербургскому губернскому управлению.

Прокурор [подпись].

(АР и ВП, ф. МОО, д. 80, 1, 1895, л. 166.)

* На подлиннике резолюция: «Задержать. 19/II».
** В подлиннике ошибочно—«события».

IV. ЗА ГРАНИЦЕЙ

Отношение Финляндского жандармского управления в департамент полиции 21 января 1906 г. № 58.

14 января (1 февраля) в финском национальном театре г. Гельсингфорса был устроен музыкально-литературный вечер, доход с которого, как видно из программы вечера, должен поступить в пользу лиц, пострадавших во время мятежей в России.

Так как, вероятно, никто из местной администрации не будет следить за расходом собранных сумм, то весьма вероятно предположение, что часть суммы может быть израсходована также на развитие революционного движения в России.

Несмотря на то, что цены местам были весьма возвышены, театр был полон, и замечалось полное смешение всех русских и инородческих революционных элементов.

Местная финская газета «Гельсингин Саномат» в № 26, от 2 февраля нов. ст., отмечает это единодушие и смешение языков, отмечая: «но все же друг друга отлично понимали».

Главными участниками вечера были: Максим Горький[67], Скиталец и некая Марья Андреева, дама лет 50-ти, напоминающая по своей наружности разыскиваемую департаментом полиции Брешко-Брешковскую.

Из русских посетителей вечера особенно выделялись все учителя и учащиеся местных русских гимназий; один ученик даже поднес Максиму Горькому лавровый венок; также было несколько офицеров, несколько нижних чинов флота и писарей некоторых военных учреждений.

Максим Горький прочел сказку под заглавием «Товарищ», посвященную последним событиям в Москве; этот рассказ тут же в театре, особой брошюрой, с переводом на финский и шведский языки, продавался по две марки за штуку.

Доставлено было таких брошюр целая кипа, и они вмиг были проданы.

В той же брошюре помещено стихотворение Скитальца «Проклятая страна», также с переводами.

Перевод обеих статей на шведский язык сделал с рукописи Георгий Прокопе, бывший офицер Финского гвардейского

стрелкового баталиона, сын бывшего помощника начальника финских войск генерал-лейтенанта Прокопе, ныне начальника Владикавказской местной бригады.

Скиталец, кроме вышеуказанного стихотворения, прочел еще рассказ приблизительно следующего содержания: «В Москве наши братья дрались за свободу с медными лбами, но пали, обливаясь кровью. Виновником является человек, владеющий всею Россиею, но он, спрятавшись теперь, сидит тощим, исхудавшим, обожравшимся. Его теперь у нас нет, но он нам не нужен. Мы должны продолжать нашу борьбу, пока не встанет сияющее солнце свободы над Россиею».

Мария Андреева сказала приблизительно следующее: «Проклятая страна, святая Русь, залитая кровью. Помните всегда, как наши братья, стоявшие за свободу, были растерзаны на улицах Москвы. Помните всегда, как там гремели пушки и лилась горячая кровь братьев свободы. Кто за нас,—иди за нами сомкнутыми рядами. Помните все, что наши братья сидят в холодных, сырых тюрьмах. Пойдем и освободим тех, которые закованы в кандалы».

Все главные участники были встречены громкими криками восторга, но особенные овации оказаны были Максиму Горькому, которого встретили громкими криками «ура».

Когда заиграли марсельезу, вся публика встала. При выходе из театра Максим Горький был встречен публикою криками: «Да здравствует Максим Горький, брат свободы!»

Публика провожала Максима Горького по улицам города, в сопровождении полицейских, во главе с полицеймейстером ротмистром Мальм, до гостиницы «Société» по всему городу с пением марсельезы.

После чего состоялся по подписке, в той же гостинице, ужин, на котором участвовали многие русские и местные агитаторы и бывшие офицеры финских войск.

Устроителями вечера были вышеуказанный отставной офицер Георгий Прокопе и артист Аксель Галлен [68].

Приложение: брошюра и программа *.

Генерал-майор Фрейберг.

(АР и ВП, ф. ДП, IV, д. 9, ч. 10, 1906, л. 31.)

Из отношения Финляндского жандармского управления в департамент полиции 17 апреля 1906 г. № 173.

Местная печать по поводу бывшего съезда представителей «Красной гвардии» в г. Гельсингфорсе сообщает следующее: «Первый конгресс «Красной гвардии» был открыт здесь в субботу в студенческом доме; на собрании присутствовало 150 человек представителей, 87 чел. гвардии»...**

* В делах не обнаружены.

** Так в подлиннике.

На собрании говорили речи доктор Валин и профессор Миккола. П. Нюман говорил о скитаниях Максима Горького и о недостойном обращении с ним американцев [69]. По его предложению собрание послало М. Горькому телеграмму следующего содержания: «Посылаем глубокое сочувствие вам и вашей жене за низкое обращение американской буржуазии—«Красная гвардия».

На это была получена ответная телеграмма М. Горького: «Сердечно благодарю. Элекен любимая Финляндия! Элекен «Красная гвардия»! Дружеский привет всем товарищам! Элекен дух человеческой свободы!»

Полковник Яковлев.

(АР и ВП, ф. ДП, IV, д. 9, ч. 10, 1906, л. 132.)

Доклад Петербургского охранного отделения министру внутренних дел 26 января 1906 г. № 2041.

22 января в г. Гельсингфорсе в 4 ч. веч. перед гостиницей «Кемп» собрались студенты и отряд «Красной гвардии» с хором* музыки. «Красная гвардия» выстроилась шпалерами от гостиницы до пожарного депо.

Затем к гостинице были поданы сани, в которые сел Алексей Пешков (Максим Горький), и в это время хор запел, и музыка заиграла финский народный гимн. Пешков, сняв шапку, кричал: «Да здравствует свободный финский народ!», и все время, пока его везли в пожарный дом, он стоял в санях и говорил речь.

Из пожарного дома Пешкова русские гимназисты и студенты отвезли в гостиницу «Фениа», где он тоже говорил речи приезжим русским.

Об изложенном докладываю вашему высокопревосходительству.

Полковник Герасимов.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 33, 1901, л. 66.)

Отношение Подольского губернского жандармского управления в департамент полиции 28 августа 1906 г. № 4772.

Представляя при сем вырезку из газеты «Курьер Львовский» **, доношу, что Максим Горький (Пешков) обратился к французским рабочим с следующим воззванием: «Час всеобщего восстания в России уже близок. Если не хотите, чтобы ваши товарищи шли в бой с голыми руками, жертвуйте им

---

* Так в подлиннике.

** «Курьер Львовский»—газета на польском языке, издававшаяся в г. Львове (Австрия).

деньги на оружие и амуницию,—этим вы лучше всего поможете им в борьбе за свободу».

Полковник Белановский.
(АР и ВП, ф. ДП, ч. 5, д. 53, 1906, л. 10.)

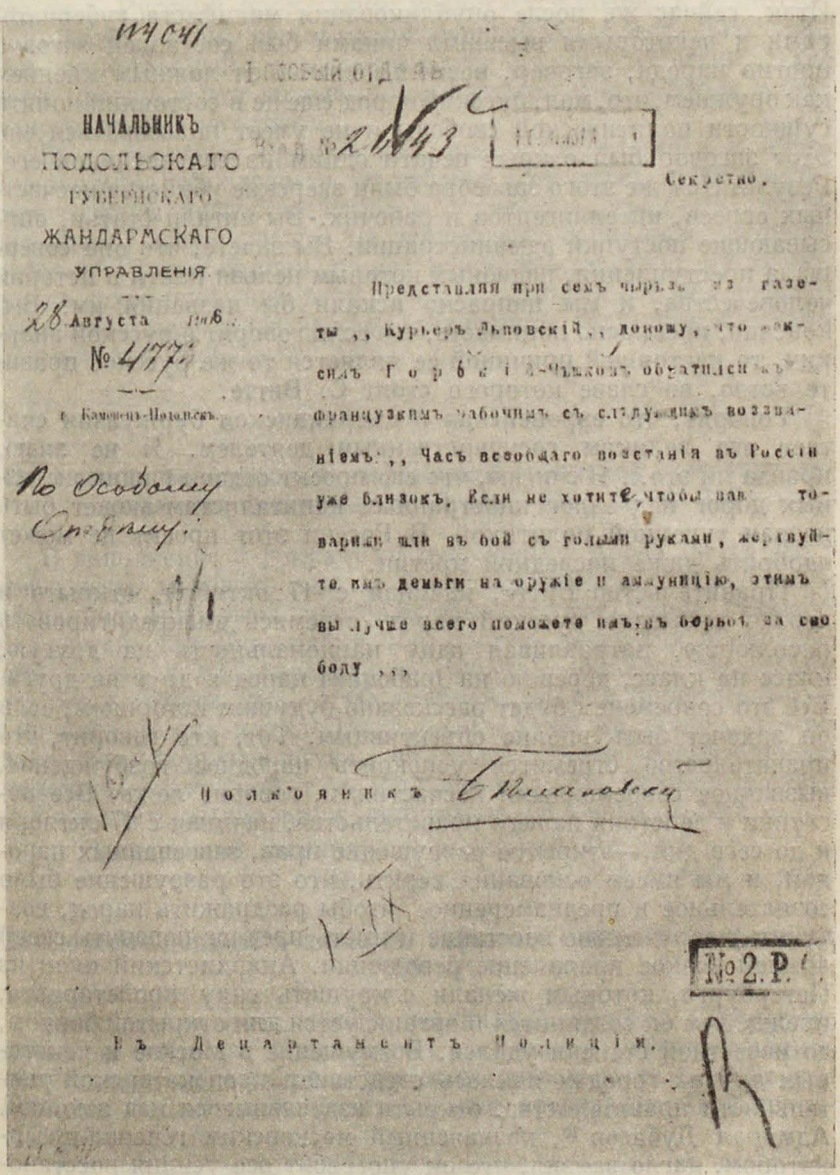
Из письма Горького *.

Товарищи! Борьба против гнусного притеснения несчастных есть борьба за освобождение мира, жаждущего избавления от целой сети грубых противоречий, о которые разбивается, полное чувства горечи и бессилия **. Вы, товарищи, храбро пытаетесь разорвать эту сеть, но ваши враги настойчиво хотят возвратить вас к еще большему ограничению. Ваше оружие, ваш острый меч—правда, оружие же врагов ваших—ложь. Они, ослепленные золотом, преклоняются пред его могуществом и не видят великих идеалов единения всего человечества в одной большой семье свободных тружеников. Этот идеал сверкает, как звезда, и поднимается все выше и ярче светит во мраке бури. Социализм—религия свободы, равенства и братства—для них так же, как музыка для глухонемых и поэзия для идиотов. Видя могучее движение масс к свободе и свету, они, дрожа от ужаса, тщетно утешают себя надеждой победить справедливость и прибегают к последнему средству—к клевете, представляя пролетариат толпой голодных зверей, способных только безжалостно разрушать все встречающееся на пути. Они превратили религию и науку в оружие вашего порабощения, они придумали национализм и антисемитизм, этот яд, которым они хотят убить веру в братство всех людей. Их бог, однако, существует только для буржуазии, для того, чтобы караулить ее имущество.

В России началась революция,—они же представляют русский (народ) пролетариат оклеветанным, как бессознательную грубую силу, орду варваров, не способную ни на что другое, кроме анархии. Я обращаюсь к вам, как человек, вышедший из народа и который никогда не потеряет с ним связи. Я обращаюсь к вам, как беспристрастный свидетель борьбы русского пролетариата за политическую свободу, которая ему необходима. Манифест 17 октября был вырван у правительства силой пролетариата. Этот акт не был милостью народу, это было его завоевание. Вот правда. Если бы наше правительство истинно ценило интересы страны, оно, без сомнения, приняло бы все меры к тому, чтобы этот манифест по всей России получил бы точность непоколебимого закона. Но наше правительство, привыкшее к самоволию и пренебрежению законами, поглощено

* Получено департаментом полиции через почтовую цензуру. Письмо, написанное в 1906 г. (точной даты нет), очевидно, было адресовано западно-европейским рабочим.

** Так в подлиннике.



НАЧАЛЬНИКЪ
ПОДОЛЬСКАГО
ГУБЕРНСКАГО
ЖАНДАРМСКАГО
УПРАВЛЕНІЯ.

28 Августа 1906 г.
№ 477.

г. Каменецъ-Подольскъ.

По Особому Отделу.

№ 2643

Секретно.

Представляя при семъ вырѣзку изъ газеты „Курьеръ Львовскій", доношу, что писатель Горькій (Пѣшковъ) обратился къ французскимъ рабочимъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Часъ всеобщаго возстанія въ Россіи уже близокъ. Если не хотите, чтобы ваши товарищи шли въ бой съ голыми руками, жертвуйте имъ деньги на оружіе и амуниціи, этимъ вы лучше всего поможете имъ въ борьбѣ за свободу".

Полковникъ Ермаковъ

№ 2. Р.

Въ Департаментъ Полиціи.

ОТНОШЕНИЕ ПОДОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ 28 АВГУСТА 1906 Г. О ПИСЬМЕ М. ГОРЬКОГО К ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ.

другой мыслью—укрепить свою власть, которую оно находит настолько выгодной, чтобы защищать ее во что бы то ни стало. Итак, сейчас же после опубликования манифеста губернаторами и некоторыми высшими чинами был составлен заговор против народа, заговор, воспользовавшийся ложным мнением как оружием, что, мол, русский народ еще не в состоянии понять сущности политической свободы и не умеет пользоваться ею. Этот заговор был открыт печати одним из соучастников его. Результатом же этого заговора были зверские убийства несчастных евреев, интеллигентов и рабочих. Вы читали статьи, описывающие поступки администрации. Вы знаете, что она совершала преступления, подобных которым нельзя найти в истории человечества, и мы напрасно искали бы названия им. Вы, конечно, прекрасно понимаете, что если говорят о русской анархии, то настоящей причиной ее является то же русское правительство, во главе которого стоит С. Витте.

Говорят, что европейская и американская буржуазия считает его великим государственным деятелем. Я не знаю, правда ли это... Я считаю, что его проект отдачи наших железных дорог под залог иностранным капиталистам может быть назван турецкой политикой. В России этот проект не может одобрить даже последний кретин.

Правительство Витте, начиная с 17 октября, открыто и дерзко вызывало русский народ, стремясь дискредитировать революцию, натравливая одну национальность на другую, класс на класс, деревню на [рабочий] народ и друг на друга. Всё это современем будет рассказано будущим историком, если он захочет быть вполне объективным. Тот, кто говорит, что правительство стремится успокоить народное возбуждение, вызванное современными несчастиями, говорит ложь. Все поступки и действия нашего правительства, начиная с 17 октября и до сего дня,—открытое разрушение прав, завоеванных народом, и мы имеем основания верить, что это разрушение было сознательное и преднамеренное, чтобы раздражить народ, возбудить вооруженное восстание и иметь предлог подавить своей армией всякое проявление революции. Анархистский план из Петербурга, которым желали сокрушить силу пролетариата, прежде чем он соединится и организуется для открытой борьбы, до известной степени удался. Возмущение в Москве и некоторых других городах явилось следствием провокаторской деятельности правительства, открыто издевавшегося над законом. Адмирал Дубасов [70], назначенный московским генерал-губернатором, нагло заявил, что он употребит все усилия восстановить самодержавие, нарушенное 17 октября. И в этом заявлении нужно видеть начало московского восстания...

«Пролетариат побежден, революция подавлена», с радостью кричала реакционная пресса. Но радость преждевременная: пролетариат не побежден, хотя и понес потери. Революция

укреплена новыми надеждами, кадры ее увеличились колоссально... Русский пролетариат подвигается вперед к решительной победе, потому что это единственный класс, морально сильный, сознательный и верующий в свое будущее в России. Я говорю правду, и эта правда будет подтверждена честным и беспристрастным историком.

Да здравствует пролетариат, смело стремящийся к обновлению мира! Да здравствуют рабочие всех стран, руками которых созданы богатства народов и которые стремятся теперь [наладить] новую жизнь! Да здравствует социализм—религия рабочих! Привет борцам, привет рабочим всех стран, пусть они всегда сохраняют свою веру в победу истины и справедливости! Да здравствует человечество, соединенное великими идеалами равенства и свободы!

М. Горький.

(АР и ВП, ф. ДП, ч. 9, д. 60, 1906, л. 224.)

Из доклада заведующего заграничной агентурой директору департамента полиции 25/12 мая 1907 г. № 187.

В дополнение к докладу от вчерашнего числа за № 186 * имею честь доложить вашему превосходительству, что... после обеденного перерыва устроили закрытое совещание съезда** без гостей, для обсуждения, как достать денег для продолжения съезда и как переправить публику обратно. Несколько англичан готовы дать 20 000 рублей, но под поручительство Горького. К ним ходил Плеханов. Горький же заявил, что он даст свое поручительство, но когда состав «Центрального комитета» будет иной, т. е. «большевистский». Решили послать к Горькому специальную депутацию от имени съезда...

Заведующий заграничной агентурой Гартинг.

(АР и ВП, ф. ДП, т. 2, д. 5, 1907, л. 205.)

Заключение цензора о пьесе М. Горького «Враги» 13 февраля 1907 г.

Действие в этих сценах несложное. Михаил Скроботов, директор фабрики, не исполняет требования рабочих уволить не угодного им мастера и угрожает совсем закрыть фабрику, если они забастовкой поддержат свое требование. При проис-

---

* В докладе заведующего заграничной агентурой от 24/11 мая 1907 г. за № 186 *(АР и ВП, ф. ДП, д. 80, ч. 5, т. 2, 1907; л. 205)* представлены отчеты о заседаниях Лондонского съезда РСДРП за 20-е, 21-е, 22-е (7-е, 8-е, 9-е) мая 1907 г.

** Лондонского съезда РСДРП. В донесении заведующего заграничной агентурой в департамент полиции от 8 июня 1907 г. за № 225 *(АР и ВП, ф. ДП, д. 80, ч. 5, л. 52)* указано, что в числе гостей на съезде присутствовали Максим Горький, Андреева и др.

ходящих на фабрике беспорядках один из рабочих убивает Скроботова. Убийца пользуется большим почетом в рабочей среде, считается нужным человеком в деле достижения рабочими лучшего положения, и поэтому для его спасения молодой рабочий Рябцов принимает преступление на себя. В конце концов является, однако, истинный убийца и отдает себя в руки правосудия.

В этих сценах ярко подчеркивается непримиримая вражда между рабочими и работодателями, причем первые изображены стойкими борцами, сознательно идущими к намеченной цели— уничтожению капитала, последние же изображены узкими эгоистами. Впрочем, по словам одного из действующих лиц, совершенно безразлично, каковы качества хозяина,—достаточно того, что он «хозяин», чтобы для рабочих он являлся врагом. Автор устами жены директора фабрики, Татьяны, предсказывает победу рабочих.

Сцены эти являются сплошною проповедью против имущих классов, вследствие чего не могут быть дозволены к представлению.

Цензор драматических сочинений Л а м к е р т.

(ЛОЦИА, ф. 895, 1907.)

Циркуляр департамента полиции начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений 12 июля 1909 г. № 133289.

По имеющимся в департаменте полиции сведениям, на острове Капри Максимом Горьким (Пешковым) организована так называемая школа пропагандистов [71], в которую предположено зачислить слушателями представителей социал-демократической партии, выбранных отдельными членами организации *. Цель этой школы состоит в подготовлении из слушателей практических работников-отзовистов, которые по окончании курса обязаны будут вести среди населения пропаганду социал-демократических идей. Как указывают те же сведения, в эту школу выбрано уже несколько человек, из числа коих некоторые выехали за границу.

Сообщая об изложенном, департамент полиции просит вас, милостивый государь, принять меры к выяснению представителей, могущих быть избранными местными организациями для командировки на остров Капри в целях изощрения в упомянутой школе в пропаганде и, в случае установления таких лиц, подвергнуть их аресту с возбуждением в отношении них переписки в порядке Положения о государственной охране, как о лицах, явно принадлежащих к социал-демократической партии.

И. д. директора З у е в.

За заведующего отделом Б р о е ц к и й.

(АР и ВП, ф. ДП, д. циркуляров ДП).

* Так в подлиннике.

№ 200

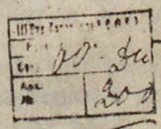
ДѢЛО

ОО ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

О литераторѣ Алексѣѣ Максимовѣ Пѣшковѣ (псевдонимъ Максимъ Горькій)



Начато 19 11 года.

Кончено 19 года.

На 161 листахъ.

ОБЛОЖКА ДЕЛА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ 1911 Г. «О ЛИТЕРАТОРЕ АЛЕКСЕЕ МАКСИМОВЕ ПЕШКОВЕ (ПСЕВДОНИМ МАКСИМ ГОРЬКИЙ)».

Из справки департамента полиции 1912 г.

...В связи с Ленскими событиями среди петербургских рабочих сильно повысилось желание создать собственную «рабочую газету». Агитация в пользу газеты велась давно, но осуществилась идея только сейчас, и именно в связи с «Леной». Газета начнет выходить под заголовком «Правда»...

Газету «Правду» ее руководители намерены поставить несколько иначе, чем ставились рабочие газеты до сих пор. До сих пор в рабочих газетах главное место отводилось «освещению фактов», то есть руководящим статьям. В «Правде» редакционный комитет предполагает уделять широчайшее место всяким информациям вообще и информациям «из сферы трудящихся масс» в особенности. Для этого необходимы большие денежные средства, а их пока в газете не имеется...

Между прочим говорят, что на «Правду» дал 2000 рублей Максим Горький, обещавший газете свое фактическое сотрудничество.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 5, т. 3, 1910, л. 111.)

V. ДОЛОЙ ВОЙНУ!

Отношение Петербургского охранного отделения в департамент полиции 3 января 1914 г. № 2072.

31-го минувшего декабря в С.-Петербург прибыл из-за границы известный департаменту полиции нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков (литературный псевдоним «Максим Горький») [72], который в тот же день под наблюдением филеров выехал по Финляндской ж. д. на станцию Мустамяки, откуда на лошадях отправился в дачную местность Коревало на дачу Рито, где и был оставлен.

Пешков, по прибытии в Петербург, был встречен на Варшавском вокзале двумя неизвестными мужчинами и двумя неизвестными женщинами, а на Финляндском вокзале к ним присоединился рядовой из вольноопределяющихся 18-го саперного баталиона; лица эти вместе с Пешковым выехали в указанную местность.

Копия настоящей записки препровождена начальнику Финляндского жандармского управления 3-го сего января за № 2073.

Полковник [П о п о в.]

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 32.)

Отношение Петербургского охранного отделения в департамент полиции 25 февраля 1914 г. № 5372.

Писатель Алексей Пешков (литературный псевдоним «Максим Горький») 18-го минувшего января, с поездом в 9 ч. 4 м. вечера, приехал из Финляндии в С.-Петербург под наблюдением филеров Финляндского жандармского управления, от коих наблюдение было принято.

Пешков приехал вместе с отставным подполковником инженерных войск Владимиром Александровым Крит, 44 лет, и неизвестными мужчиной и женщиной. На вокзале прибывших встретил неизвестный мужчина; по выходе из Финляндского вокзала все эти лица сели в ожидавший их таксо-мотор и уехали без наблюдения.

Принятыми мерами было выяснено, что Пешков и остальные четверо прямо от вокзала поехали в д. № 23, кв. 10, по Кронверкскому проспекту, где, как оказалось, значится на жительстве упомянутый выше отставной подполковник Крит. Отсюда Пешков, подполковник Крит и двое неизвестных мужчин через 1 час вышли и на том же моторе поехали на Николаевский вокзал, где мотор был отпущен.

Затем негласным путем было выяснено, что подполковник Крит с Николаевского вокзала возвратился в свою квартиру. Что же касается Пешкова, то он, повидимому, тогда же с одним из вечерних поездов Николаевской ж. д. выехал в Москву, так как установленным впоследствии за прибытием его в квартиру подполковника Крита наружным наблюдением он замечен не был. О выезде его в Москву было сообщено начальнику Московского охранного отделения телеграммой от 19-го минувшего января за № 39.

Департаменту полиции об этом донесено не было по канцелярскому недосмотру.

Личности упомянутых выше двух неизвестных мужчин и одной женщины остались не установленными.

23-го сего февраля Пешков из Москвы вновь прибыл в С.-Петербург без филерского наблюдения и остановился на жительстве в квартире вышеуказанного подполковника Крита.

Наружное наблюдение за Пешковым продолжается, и о результатах будет донесено дополнительно.

Справка. О прибытии Пешкова 31 декабря в С.-Петербург и о выезде его в Финляндию сведения изложены в записке моей в департамент полиции (по особому отделу, 3-е отделение) от 3-го минувшего января за № 2072.

За начальника отделения помощник его, подполковник Еленский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 63.)

Отношение Финляндского жандармского управления в департамент полиции 20 марта 1914 г. № 875.

Вследствие телеграммы начальника С.-Петербургского охранного отделения от 13 марта сего года за № 145 * о выезде того же 13 марта из Петербурга в местность Мустамяки, Выборгской губернии, Максима Пешкова (Горький), возможно — без наблюдения, помощником моим по Выборгскому району, согласно предписания моего телефонограммой от 14 марта сего года за № 811 *, был командирован 15 марта в местность Мустамяки филер Андрей Сидоров, возвратившийся того же 16 марта. В результате этой поездки точно установлено, что Максим Пешков (Горький) прибыл с поездом с Мустамяки

* В делах не обнаружена.

13 марта в 11 час. 33 мин. дня в сопровождении отставного подполковника фон-Крита и неизвестных мужчины и женщины. С означенными выше лицами Максим Пешков (Горький) со станции железной дороги немедленно на извозчике проследовал в местность Коревала на дачу отставного подполковника фон-Крита. В тот же день 13 марта, в 4 часа 25 мин. дня, Максим Пешков с поездом, с помянутыми выше лицами, отбыл из Мустамяк по направлению к С.-Петербургу.

Счет в израсходовании на эту поездку филером Сидоровым денег, в количестве 6 руб. 70 коп., будет представлен в 3-е делопроизводство департамента полиции при отчете в расходовании агентурного аванса за март месяц.

Полковник Еремин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 66.)

Докладная записка заведующего 9-м делопроизводством департамента полиции директору департамента полиции Белецкому 10 апреля 1914 г. № 169357.

Во исполнение приказания вашего превосходительства имею честь доложить, что по имеющимся в 9-м делопроизводстве сведениям Алексей Максимов Пешков—«Максим Горький»—в настоящее время проживает в С.-Петербурге.

Установленное с января месяца сего года за Алексеем Пешковым наружное наблюдение никаких результатов, могущих содействовать розыску или указывающих на преступную деятельность самого Пешкова, не дало, ввиду чего, по распоряжению начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. С.-Петербурге, таковое наблюдение с текущего апреля прекращено.

Заведующий делопроизводством Броецкий.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 69.)

Отношение Финляндского жандармского управления в департамент полиции 7 июня 1914 г. № 1872.

Алексей Максимович Пешков (Максим Горький) для постоянного проживания в дер. Кирьявала снял дачу Ланге на целый год.

Принимая во внимание это обстоятельство, также значительные расходы для казны, вызванные установкой за Пешковым постоянного наружного наблюдения, прошу указаний департамента полиции, надлежит ли держать филеров в указанной деревне и на будущее время *.

Полковник Еремин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 72.)

* На подлиннике резолюция: «Доложено господину директору. Приказано уведомить, что постоянного наблюдения не надо, но надле-

Отношение департамента полиции в жандармское полицейское управление Финляндских железных дорог 19 июня 1914 г. № 173062.

Ввиду необходимости иметь сведения о переездах и связях известного революционного деятеля Алексея Максимова Пешкова («Максим Горький»), проживающего на даче Ланге в дер. Кирьявала (Коревала), Выборгской губ., недалеко от железнодорожной станции Мустамяки, департамент полиции просит ваше превосходительство дать указания унтер-офицерам вверенного вам управления, находящимся на ближайшей к названной деревне станции, чтобы они наблюдали за выездами Пешкова и о них доносили бы подполковнику, которому надлежит об этом немедленно сообщать начальнику отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. С.-Петербурге для принятия наблюдения.

И. о. вице-директора В а с и л ь е в.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 74.)

Отношение департамента полиции в Финляндское жандармское управление 19 июня 1914 г. № 173061.

Вследствие представления от 7 июня сего года за № 1872 департамент полиции уведомляет ваше высокоблагородие, что его превосходительство г. директор департамента изволил указать, что ведение постоянного наблюдения за Алексеем Максимовым Пешковым не представляется необходимым, но надлежит периодически проверять наличность и пребывание его на указанной даче.

При сем департамент полиции препровождает вам для сведения копию предложения от 19 сего июня за № 173062 на имя начальника жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог.

И. о. вице-директора В а с и л ь е в.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 73).

Из отношения Московского охранного отделения на имя директора департамента полиции Белецкого 10 октября 1914 г. № 292739.

В дополнение доклада от 2-го сего октября за № 292721* имею честь представить вашему превосходительству нижеследующие сведения секретной агентуры отделения.

жит периодически проверять наличность и пребывание Пешкова на указанной даче. Начальнику жандармского управления предложить, чтобы жандармский унтер-офицер на ближайшей к даче станции имел наблюдение за выездами Пешкова и сообщал бы начальнику с.-петербургской охраны для принятия наблюдения. Об этом [сообщить] полковнику Попову и полковнику Еремину. 13/VI».

* В деле не обнаружено.

30 сентября и 1 октября с. г. в Финляндии, в той самой местности, где проживают в настоящее время «Максим Горький» (Алексей Максимов Пешков) и «Каменев» (Лев Борисов Розенфельд), состоялось совещание представителей социал-демократической рабочей фракции Государственной думы с некоторыми партийными работниками [73].

На совещании присутствовали:

1—4) члены с.-д. рабочей фракции: Петровский, Бадаев, Самойлов и Муранов, 5) упоминаемый выше «Каменев», 6) беглый административно-ссыльный Нарымского края Николай Николаев Яковлев [74], проживавший в Петрограде по паспорту на имя Дмитрия Иванова Курбатова, и 7) некая «Елена»— участница последнего «ленинского» совещания, недавно освобожденная из-под стражи в Петрограде с высылкой в Тулу под гласный надзор полиции в избранное местожительство,— вероятно, Серафима Иванова Дерябина...[75]

Полковник Мартынов.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 307, 1914, л. 218.)

Отношение Финляндского жандармского управления в департамент полиции 3 августа 1914 г. № 3445.

При проверке 31 июля сего года наличности пребывания на даче Ланге, близ станции Мустамяки Финляндской жел. дор., Алексея Пешкова («Максим Горький») оказалось, что последний продолжает жить там и в настоящее время и за время с 20 июня по 30 июля сего года отлучался лишь три раза на короткое время в С.-Петербург. Пешков продолжает заниматься литературным трудом, и в настоящее время приезжие посещают его очень редко.

Полковник Еремин.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 81.)

Отношение Московского охранного отделения в департамент полиции 11 апреля 1915 г. № 299085.

9-го сего апреля в Москву в гостиницу «Боярский двор» прибыли из Петрограда известные департаменту полиции литератор Алексей Максимович Пешков, псевдоним «Максим Горький», его сожительница, жена тайного советника Мария Федоровна Желябужская (по сцене Андреева) и окончивший курс Петроградского университета Соломон Вульфов Познер-Паузнер. В этот день вечером Максим Пешков был в Московской консерватории на литературно-музыкальном вечере в пользу Московского еврейского общества помощи жертвам войны, где прочел отрывок из своей повести «Детство».

10 апреля вышеупомянутые лица из Москвы выехали в г. Петроград.

О выезде названных лиц мной сообщено начальнику отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Петрограде телеграммой от того же числа за № 289103.

Донося об изложенном, присовокупляю, что копия сего за № 299085 препровождена начальнику вышеназванного отделения.

Полковник Мартынов.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 98.)

Копия постановления присутствия Московского комитета по делам печати 26 марта 1916 г.

[Присутствуют]: председательствующий, член совета Главного управления по делам печати, действительный статский советник А. А. Сидоров; члены комитета: действительные статские советники А. И. Генц и Ф. И. Янек, коллежский советник Г. Н. Креницын, московский отдельный цензор по иностранной цензуре коллежский асессор А. А. Пешков, действительный статский советник В. А. Истомин, представитель от духовного ведомства протоиерей С. М. Марков, прикомандированный к Московскому комитету по делам печати член Варшавского комитета по делам печати коллежский советник В. М. Милонов.

Слушали: в № 11 от 21 марта 1916 г. журнала «Новый колос» [76] помещена статья Максима Горького под заглавием: «О современности».

Основная мысль автора этой статьи такова: «Самые страшные враги человека—глупость и жадность». Лучшие люди всегда боролись с глупостью, а «злые властители жгли разумных людей», в заботе, чтобы мысли этих людей не доходили до ума народа, отчего в конце концов труженики остаются в холоде и голоде. «Так и будет до поры, пока большинство трудового народа не почувствует и не поймет силы разума. Одни виноваты, что своекорыстно властвуют, другие—что покорно подчиняются дурной власти».

«Война, которая вот уже почти два года истребляет миллионы самых трудоспособных людей,—эту войну начали тоже глупость и жадность». «Наш народ угнетен бесполезной тратой его лучшей крови».

Далее автор говорит о том, что правительство, желая оправдать свои неудачи на войне, произошедшие от неподготовленности, предательства Сухомлинова [77], Мясоедова, Григорьева [78], свалило всю вину на евреев, на которых правительство усиленно и натравливает народ. Народ должен понять, что его хотят поссорить с такими же несчастными людьми, каков сам он. Если он пойдет на это—поссорится,—его снова свяжут по рукам и ногам.

Находя, что в содержании вышеизложенной статьи, равно как и в статье «Движение на Путиловском заводе», напечатан-

ной в том же № 11 журнала «Новый колос», заключается состав преступного деяния, предусмотренного п. 3 ст. 1034 Улож. о нак., Московский комитет по делам печати постановил наложить арест на № 11 журнала «Новый колос» от 21 марта 1916 г. и возбудить против редактора этого журнала судебное преследование по указанной статье уголовного закона и вместе с тем просить суд о прекращении издания журнала «Новый колос».

Подлинное за надлежащими подписями.

Секретарь С. Пермский.

(ЛОЦИА, ф. 890, 1916.)

Анонимный донос директору департамента полиции К. Д. Кафафову *

Милостивый государь!

Известно ли вам о деятельности целого ряда лиц, группирующихся около пораженческого журнала «Летопись» [79] и «Общества для изучения быта евреев»?

Лица эти, во главе которых стоит г. М. Горький, прикрываясь якобы легальной деятельностью этого общества, в широких размерах производят денежные сборы, которые идут на цели, далекие от благотворительности. На самом деле они засыпали и продолжают засыпать русское общество прокламациями и всякого рода воззваниями по еврейскому и другим вопросам. Цель их—дискредитировать все действия правительства и возбудить к нему недоверие и ненависть интеллигенции и рабочих, среди которых эти прокламации усиленно распространяются.

Под видом собеседований с сотрудниками-самоучками М. Горький устраивает сборища в редакции своего пораженческого журнала «Летопись», в издательстве «Парус» у гг. Тихонова [80], Суханова [81] (псевдоним), Базарова [82] (псевдоним), Ладыжникова [83],—издателя разных революционных брошюр за границей, и сейчас распространяемых в Берлине,—и многих других. На самом же деле вместо самоучек на собраниях этих сходятся делегаты различных революционных рабочих организаций, преимущественно большевиков.

Эти же лица постоянно выступают в рабочих клубах и других профессиональных рабочих кружках, конечно под разными кличками, призывая рабочих к пораженчеству и забастовкам.

Через Финляндию, где г. Горький имеет годовую дачу, он ведет сношения с русскими эмигрантами-пораженцами в Швеции и Норвегии. Не считаете ли вы, что было бы полезно проверить то, о чем давно уже говорят из уст в уста все в Петрограде?..

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 127.)

* Анонимный донос был препровожден из департамента полиции в Петроградское охранное отделение 11 апреля 1916 г. за № 103959 для расследования.

Отношение департамента полиции в Петроградское охранное отделение 19 июля 1916 г. № 107853.

Вследствие записки вашего превосходительства от 19-го сего июля за № 16114 департамент полиции просит вас сообщить дополнительно проверку сведений анонимного заявления о сборищах в редакции журнала «Летопись», о выступлениях в рабочих клубах, профессиональных кружках, о сношениях «Горького» с русскими эмигрантами, проживающими в Швеции и Норвегии, и о прокламациях по еврейскому и другим вопросам.

И. о. вице-директора С м и р н о в.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 136.)

Из отношения Петроградского охранного отделения в департамент полиции 19 июля 1916 г. № 16114.

Имею честь донести департаменту полиции, что по разработке сведений, изложенных в анонимном заявлении, приложенном к предложению от 11 апреля сего года за № 103959, выяснено:

Контора редакции ежемесячного литературного, научного и политического журнала «Летопись» и книгоиздательство «Парус» А. Н. Тихонова помещаются в доме № 18, квартира 4, по Большой Монетной улице.

Журнал «Летопись» направления «марксистского», издается означенным выше Тихоновым—горным инженером Александром Николаевым Тихоновым, 34 лет, проживающим в доме № 20, квартира № 8, по Кронверкскому проспекту. Редактором журнала состоит горный инженер, дворянин Андрей Феофилов Радзишевский [84], 30 лет, проживающий в доме № 14, квартира 17, по Гагаринской улице.

В числе многих других сотрудников журнала «Летопись» состоят также и упомянутые в анонимном заявлении известные департаменту полиции литераторы: «Максим Горький»—нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков, 48 лет; «Суханов»—мещанин города Подольска, Московской губернии, Николай Николаев Гиммер, 34 лет, и «Базаров», сын статского советника Владимир Александров Руднев, 42 лет.

Упомянутым в анонимном заявлении «Ладыжниковым» является также известный департаменту полиции почетный гражданин Иван Павлов Ладыжников, 40 лет, состоящий секретарем у названного выше Пешкова и у него проживающий—в доме № 23, квартира 10, по Кронверкскому проспекту...

«Общество для изучения еврейства (а не быта евреев) безуставное, образовано в 1913 году.

Учредители этого общества—статский советник, доктор медицины Нухум Вольков Шварц, 39 лет, и потомственный

почетный гражданин Яков Григорьев Фрумкин, 35 лет, проживающие в Петрограде. Общество насчитывает свыше 1000 душ членов, и правление его помещается в доме № 48, квартира 6, по Николаевской улице.

О преступной деятельности означенного общества за время его существования сведений во вверенное мне отделение не поступало, и имеют ли какое-либо отношение к таковому названные выше Пешков или другие—неизвестно, но имеются агентурные указания, что Пешков («Максим Горький») действительно является сторонником агитации в России в пользу евреев (донесение мое от 2 марта сего года за № 7214) и, представляя собой ярого сторонника всевозможных сборов на партийные цели, при каждом удобном случае старается осуществить это*.

Генерал-майор Глобачев.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 134.)

Отношение Петроградского охранного отделения в департамент полиции 7 августа 1916 г. № 17144.

Вследствие запроса департамента полиции от 30 июля с. г. за № 107853 имею честь донести, что проверка сведений анонимного заявления о сборищах в редакции журнала «Летопись», о выступлениях в рабочих клубах, профессиональных кружках, о сношениях «Горького» с русскими эмигрантами, проживающими в Швеции и Норвегии, и о прокламациях по еврейскому и другим вопросам была произведена при посредстве секретной агентуры подведомственного мне отделения, и результаты ее таковы:

Журнал «Летопись», существующий главным образом на средства писателя «Максима Горького», как уже доносилось раньше, большевистского, а значит и пораженческого направления. Сотрудниками этого журнала состоят лица, также примыкающие к большевикам социал-демократам, но все эти лица с литературными именами, главным образом теоретики социал-демократических идей. Будучи людьми интеллигентными и по материальному положению стоящими значительно выше остальной рабочей среды, из которой пополняются кадры социал-демократических организаций, они предпочитают литературный труд, и в роли уличных и мелких агитаторов и пропагандистов они не выступают, предпочитая в данном случае широко использовывать легальную прессу. Около журнала «Летопись» группируются сотрудники журнала, и они действительно собираются как в помещении редакции журнала, так

* На подлиннике—резолюция: «А о сборищах в редакции и о выступлении в рабочих клубах и т. п. нет сведений, пр[едлагаю] запросить дополнительно. 27/VII».

и в находящемся тут же издательстве «Парус», но собрания эти решительно ничем не отличаются от собраний сотрудников в других журналах. О производстве в редакции «Летописи» денежных сборов на нелегальные цели агентуре ничего неизвестно.

Журнал «Летопись» в партийных петроградских большевистских кругах руководящей роли не играет, и вообще этот журнал не пользуется в рабочей среде популярностью. Своей собственной типографии «Летопись» не имеет и печатается в типо-литографии акционерного общества «Самообразование» (Забалканский проспект, д. № 75), а при таких условиях «засыпать русское общество прокламациями и всякого рода воззваниями по еврейскому и другим вопросам с целью дискредитировать все действия правительства и возбуждать к нему недоверие и ненависть интеллигенции и рабочих, среди которых эти прокламации усиленно распространяются»,—едва ли возможно. Не имея типографии, нет возможности печатать прокламации, до сего же времени не было ни одного случая, чтобы прокламации по еврейскому и другим вопросам печатались сотрудниками «Летописи», а равно не было ни разу обнаружено, чтобы подобные прокламации распространялись. Ввиду изложенного следует признать эту часть анонимного доноса не отвечающей действительности.

Представители революционных рабочих организаций в редакции «Летописи» не бывают, и совместных сходок с членами редакции не наблюдалось.

До сего времени ни разу не было зарегистрировано, а равно и не отмечалось агентурой, чтобы сотрудники «Летописи» выступали в рабочих клубах и профессиональных рабочих кружках с призывом к пораженчеству и забастовкам,—им решительно нет никакой необходимости это делать в столь опасной для отдельных лиц форме, когда они имеют возможность проводить свои идеи в легальной прессе и безнаказанно.

Возможно, что «Максим Горький» ведет через Финляндию сношения с русскими эмигрантами-пораженцами, проживающими в Швеции и Норвегии, но он уже несколько месяцев живет на Кавказе, и потому установить это в Петрограде не представляется возможным. Петроградские социал-демократы большевики имеют свой руководящий коллектив, совершенно изолированный от «Летописи», к ее голосу не прислушиваются, и вообще содержание анонима мало отвечает действительному положению вещей.

Генерал-майор Глобачев.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 137.)

Отношение департамента полиции в Тверское, Ярославское, Костромское, Нижегородское, Казанское, Симбирское, Самарское, Саратовское, Астраханское губернские жандармские управления 1 декабря 1916 г. № 111135.

Препровождая при сем копию заметки, помещенной в газете «Голос Руси»[85] 27 ноября сего года, департамент полиции, по приказанию г. управляющего министерством внутренних дел, просит ваше высокоблагородие проверить приведенные в заметке сведения и сообщить, насколько последние соответствуют действительности.

Вице-директор С м и р н о в.

Заведующий особым отделом Б р о е ц к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

«Г о л о с Р у с и» «О б щ е с т в у 1 4 - г о г о д а».

Максим Горький наводнил своими изданиями все Поволжье. И не только своими произведениями, а своими и з д а н и я м и. Ибо Максим Великий не только король хулиганов, но и коммерсант-издатель.

Один из офицеров, ездивший вместе с выставкой трофеев по Волге, передает, что Поволжье стоном стонет от этого разлива максимовской «горечи».

— Избавьте нас от Горького!

— Избавьте нас от п о р а ж е н ч е с к о й литературы!

Примечательно, что проникновение пораженческой литературы особенно ревностно устремляется * на поволжские заводы, работающие на оборону.

В качестве иллюстрированного бесплатного приложения в пораженческие брошюры и книжонки вкладываются отпечатанные на тонкой папиросной бумаге (как некогда рассылалось издаваемое в Штутгарте «Освобождение») стенограммы депутатов-пораженцев Чхеидзе[86], Чхенкели[87] и др.

Все эти издания и стенограммы настойчиво вдалбливают в головы стоящих у оружейных станков рабочих следующие «аксиомы»:

«Война нужна только буржуазным правительствам Франции, Англии, России и их врагов—Германии, Австрии.

Пролетариату в с е х этих стран никакая война не нужна».

Далее говорится о мире, в такой форме, которая делает невозможной даже приблизительную передачу этих «мыслей» в повременной печати.

Кроме стенограммы пораженческого крыла Думы и творений Горького, по приволжским городам и даже селам (в воинские читальни) усердно рассылается пораженческий журнал «Летопись», издаваемый все тем же Максимом Великим.

Над этим явлением стоит очень и очень призадуматься.

В самом деле, если правда, как сообщил В. М. Пуришкевич, что цензорский карандаш оказывается беспощадно строгим к колеру туч и облаков, если он требует от небесного свода непременно одежды защитного цвета,—то чем объяснить, что он так милостив к государственному преступлению, творимому путем печатного слова.

В наши дни, когда розыск и следопыт стали лозунгом прогрессивно-общественной деятельности, когда каждый наперебой старается рас-

---

* Так в подлиннике.

ковать «темную силу» и «измену», когда стали пересчитывать и оглядывать деньги в чужом кошельке, любовницу в чужом алькове, метрику прадеда и прабабки, когда стоит крикнуть только «слово и дело», чтобы прослыть патриотом и либералом,—не странно ли, что в эти наши печальные дни проходит незамеченной, необнаруженной, незаклейменной гнусная работа пораженцев!

То-то радуется кайзер, видя, в какой бедлам превратились самые высокие общественные учреждения, как вздорная болтовня, грубая перебранка, злостные счеты и свары заливают те ячейки, где должна бы кипеть организационная работа!..

Сейчас в берлинских театрах особенно охотно ставят пьесы Горького.

Максим Великий страшно популярен в Германии как «самый сознательный» и культурный в стране «сарматских варваров». Статьи его перепечатываются в немецких и австрийских газетах с лестными предисловиями Гауптмана и Вильгельма Оствальда.

Пусть же задумается над этим «Общество 14-го года».

Материал для грифельной доски—перед ним.

И материал серьёзный.

Далеко искать не приходится.

Пусть приобретут, пусть почитают горьковские издания «Летописи» и стенограммы наших Либкнехтов.

Тогда их осуждающее слово приобретет действительно патриотическое значение.

Ювенал.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, лл. 146, 147.)

Из отношения Саратовского губернского жандармского управления в департамент полиции 21 января 1917 г. № 40209.

Вследствие предложения от 1 декабря минувшего года за № 111135 доношу вашему превосходительству, что помещенные в газете «Голос Руси» от 27 ноября 1916 г. сведения о широком распространении в Поволжьи пораженческой литературы Максима Горького, в частности журнала «Летопись», при проверке через подведомственную мне агентуру в отношении Саратовской губернии не подтвердились.

По указанию агентуры, журнал «Летопись» действительно имеется в библиотеке известного департаменту полиции общества внешкольного образования «Саратовский маяк» и читается охотно рабочими, но не потому, что они являются последователями пораженческого течения, а [потому], что издание это расширяет их кругозор в связи с текущими событиями и заключает, помимо статей пораженческого направления, взгляды по разным вопросам общественной жизни...

Пораженческое течение наблюдается в Саратове лишь у ограниченного числа рабочих, вращающихся в нелегальных кружках, которые группируются вокруг немногих членов «Маяка»...

По донесениям помощников моих, в уездах и подведомственных их наблюдению районах заметного распространения пораженческой литературы Максима Горького не было.

Полковник Федоренко.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 151.)

Отношение Тверского губернского жандармского управления в департамент полиции 28 января 1917 г. № 906.

Доношу, что, по сведениям подведомственной мне агентуры, распространения «пораженческой» литературы Максима Горького в Тверском районе пока не наблюдается, причем агентура высказала предположение о возможности нахождения подобной литературы в г. Рыбинске в рабочей среде, так как у агентуры имелось случайное указание на то, что у проезжавшего из Рыбинска в ноябре месяце минувшего года неизвестного рабочего, будто бы, была брошюра Максима Горького.

Генерал-майор Бельский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 153.)

Из отношения Казанского губернского жандармского управления в департамент полиции 30 января 1917 г. № 885.

Имею честь донести департаменту полиции, что до сего времени распространения пораженческой литературы, со вложением в нее отпечатанных на тонкой папиросной бумаге речей Чхеидзе и Чхенкели, в районе Казанской губернии замечено не было. Наблюдение за появлением сказанной литературы установлено, и в случае получения каких-либо указаний об этом немедленно будет донесено департаменту полиции.

Журнал «Летопись», на который делается ссылка в корреспонденции «Голоса Руси», в г. Казани получается следующими библиотеками и лицами: а) библиотеки: Казанская, Нового клуба, Шахматного клуба, «Образование», городская общественная и телеграфная; б) учреждения и лица: Правление округа путей сообщения, редакция «Камско-волжской речи»...

В уездах губернии журнал «Летопись» никакого распространения не имеет, кроме гор. Чистополя, где он выписывается городской общественной библиотекой...

Полковник Прогнаевский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 154.)

Отношение Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции 6 февраля 1917 г. № 71.

В своих предыдущих донесениях о деятельности революционных партий в Костромской губернии я указывал, что склад мыслей большинства населения прилегающих к Волге фабричных районов таков, что эта часть особенно симпатизирует идеям социал-демократической партии, которая и проявляет, почти исключительно только одна, свою деятельность в губернии. Этот оттенок мышления указываемой части приволжского населения губернии несомненно был замечен корреспондентом газеты «Голос Руси», который совершенно правильно и указал

на него в своей корреспонденции «Обществу 14-го года», обобщив [ряд фактов], однако, несколько узко [учтя их] как результат влияния сочинений одного только Максима Горького.

Что касается сочинений М. Горького, то издаваемый при его участии и указанный в корреспонденции чисто социал-демократического направления ежемесячный журнал «Летопись» действительно встречается почти во всех библиотеках губернии, но не как исключение, а наряду и с другими ежемесячными журналами.

Что же касается до распространения специально пораженческих брошюр этого автора, со вложенными в них, отпечатанными на листах папиросной бумаги, речами членов Государственной думы социал-демократической фракции, то такового явления не только на заводах, работающих на оборону, но и вообще в губернии до сего времени отмечено не было.

О вышеизложенном доношу департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911, л. 159.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. Р. Сомов, «нигилист» из дворян Саратовской губ., жил в Париже, изображен П. Д. Боборыкиным в романе «Солидные добродетели» под фамилией Ломова. До Парижа работал с В. Пругавиным по изучению артелей на Волге, хорошо знал И. А. Кущевского, встречался с Лесковым. Был в ссылке в Ялуторовске или Верхоянске вместе с И. Е. Петропавловским-Карониным, которого, между прочим, вызвал на дуэль, поссорившись с ним из-за брюк. Дуэль не состоялась. Сомов был наиболее типичный «нигилист» из всех людей этой марки, встреченных мною. Фанатический поклонник естественных наук, яркий рационалист, он хвастался своим эгоизмом и любил показывать его в формах крайне отталкивающих: был грязен, груб, циничен, в сущности же оставался большим добряком, до смешного увлекавшимся изысканием среди молодежи «гениальных парней». Я познакомился с ним в Казани, где он организовал довольно обширный кружок молодежи: после переезда С. в Нижний во главе кружка встал его талантливый ученик Федосеев, вскоре «провалившийся» вместе со всем кружком. Сомов написал большую работу, в которой доказывалось, что явления социальной психологии подчиняются тем же законам физики, как и явления электричества. На рукописи этой работы была надпись Н. К. Михайловского, сдержанно-одобрительная; помню из нее два слова: «мало фактов». Более одобрительно отнесся к работе этой молодой московский психолог Викторов,—его надпись тоже была сделана на обложке рукописи. Одна глава этой работы была издана в Нижнем брошюрой. (*Примечание М. Горького к публикации этого документа в журнале «Былое», № 16, 1921 г.*)

[2] Неверно. Арестован я был тотчас после обыска, т. е. 12 октября. Допрошен через три-четыре дня. Выпущен из тюрьмы не 16 октября, а 7 ноября, накануне михайлова дня. Это я хорошо помню, ибо на другой день была вечеринка у Кларка, и тут я впервые увидал «нелегального» (кажется, это был Сабунаев). Он вызвал у меня весьма памятное впечатление: был он очень неумело одет, плохо загримирован, носил рыженький парик, говорил пренебрежительно, а публика слушала его почти подобострастно. Мне он сказал: «Тюрьма—необходимая школа для революционера». Помнится, я ответил ему дерзостью,—должен был ответить так». (*Примечание М. Горького, «Былое», № 16, 1921 г.*)

[3] Это был Михаил Антонович Ромась, мещанин гор. Козельца, железнодорожный рабочий, года за два перед тем вернувшийся из Якутской ссылки, где он жил вместе с В. Г. Короленко, а в 92 г. арестованный в Смоленске, как заведывающий тайной типографией «народоправцев». По этому делу были арестованы и Мациевич, М. А. Натансон, А. М. Лежава—ныне замнаркомвнешторга—и много других. В Нижнем и Казани по делу «народоправцев» выдавала истерическая девица Истомина, убитая вместе с ребенком взрывом на даче. (*Примечание М. Горького, «Былое», № 16, 1921 г.*)

[4] Неверно,—на деньги Андрея и Марии Деренковых, детей Степана. (*Примечание М. Горького, «Былое», № 16, 1921 г.*)

[5] Анатолий был маляр и стекольщик, а не студент. Изумительно талантливый юноша, он не вынес тяжкой жизни и застрелился в 90 г. 19-ти лет. (*Примечание М. Горького, «Былое», № 16, 1921 г.*)

[6] В Казани в конце 80-х годов было несколько народнических кружков. Участниками кружков обычно являлись студенты и учащиеся средней школы. Лавка Деренкова была одним из мест сбора казанских революционеров. Именно здесь Горький впервые познакомился с народовольцами и молодыми марксистами, завязал связь с кружком Федосеева, основателем первых марксистских кружков молодежи, связанных с рабочими.

[7] Вздор. В Красновидово меня пригласил для пропаганды среди мужиков М. А. Ромась, который открыл нам мелочную лавку на средства, данные ему Чарушниковым и Натансоном. Работали в Красновидове Надежда Щербакова, Мария Деренкова, Анатолий, я и рыбак Изот, «распропагандированный» Ромасем, чудесный мужик, умница и добряк. Ромась продавал товары значительно дешевле других двух сельских лавочников, что быстро вызвало их ненависть к конкуренту, и они решили расправиться с ним «по-домашнему». Изота убили и сунули под баржу, в Ромася дважды стреляли из ружья, начинили полено дров порохом и взорвали у нас в кухне; наконец в августе подожгли лавку, и она сгорела со всем товаром. Едва не сгорел и я, захваченный огнем на чердаке, стаскивая оттуда ящик книг. Выбросился из окна, завернувшись в тулуп. Поджог приписали Ромасю и хотели бросить его в огонь, но он, вообще отличавшийся непоколебимым спокойствием, так величественно курил трубку, пуская дымок прямо в рожи освирепелых мужиков, что они благоразумно отступили. Меня застигли, когда я рубил загоревшийся плетень соседа, но в руках у меня был топор, мужики уже знали, что я довольно силен и ловок в драке, на помощь мне, не торопясь, пришел Михаил Антонович, и все кончилось благополучно. Ромась был могучий мужчина лет 40—45, борода большая, а голова гладко острижена, под высоким лбом—серые, спокойные и умные глаза. Он был человек весьма начитанный, имел несколько десятков хороших книг и всюду возил их с собою. По делу «народоправцев» он сидел около года в тюрьме, потом был сослан на 10 лет, кажется, в Якутскую. Весной 1904 г. он жил в Седлеце, куда я ездил навестить его. Тюрьма и ссылка почти не изменили его физически и совершенно не отразились духовно—такой же крепкий человек, спокойно верующий в правоту своего дела. Из Седлеца его выслали на родину в Козелец, где он—в 1908 г.—был арестован за пропаганду среди штундистов. Жив ли он теперь? Не знаю. Я очень многим обязан ему,—он пригласил меня к себе в Красновидово, вскоре после того, как я прострелил себе левое легкое, покушаясь на самоубийство. Из всех моих знакомых той поры он один отнесся ко мне внимательно и серьезно. (*Примечание М. Горького, «Былое», № 16, 1921 г.*)

[8] В донесении помощника начальника Нижегородского губернского жандармского управления Федорова от 30 октября 1889 г. за № 66 *(АР и ВП, ф. ДП, д. 108, 1889, л. 32)* подчеркивается: «Несмотря на то, что у Пешкова, в г. Н.-Новгороде в Грузинском переулке проживает его дядя, чертежник Василий Сергеев Сергеев, у коего Пешков проживал около семи лет, т. е. с 1881 года по 1887 год, до отъезда своего в г. Казань». О проживании своем у Сергеева М. Горький пишет *(«Былое», № 16, 1921 г.)*: «С 80-го по 85-й год. За эти пять лет я две навигации служил «посудником» на пароходах, сначала «Добром» Курбатова, потом «Перми» Любимова. 83-й и 84-й года был «мальчиком» при лавке икон и старопечатных книг и в то же время числился учеником иконописной мастерской Салабанова. Весною 84-го снова поступил к Сергееву. Летом 85-го уехал в Казань. «Поселиться у дяди» я, конечно, не мог, ибо не жил у него, как у родственника, а служил, как у хозяина. Сергеев был племянником моей бабушки. См. мою книгу «В людях».

[9] О наблюдении за нашей квартирой я был предупрежден торговкой кружевами Саней Клюевой, сестрой жандарма, чудеснейшей дамой, с

которой у меня были наилучшие отношения. Ее брат, одетый ломовым извозчиком, но всегда забывая переменить жандармские штаны, почти ежедневно торчал в мелочной лавке против ворот дома Лик. Ожидая обыска и ареста, Аким Александрович Чекин уехал в Сергач, а Сомов в Казань, откуда были получены сведения об аресте членов кружка Федосеева. (*Примечание М. Горького, «Былое», № 16, 1921 г.*)

[10] В солдаты М. Горького не взяли. Медицинская комиссия признала Горького не годным к несению военной службы вследствие расширения вен на ноге и ранения легкого. (Н. Груздев, «М. Горький», стр. 18.)

[11] В 1890 г. Горький ушел из Нижнего и в течение почти двух лет обошел Поволжье, юг и осенью 1891 г. пришел в Тифлис, где поступил в железнодорожные мастерские. Здесь Горький вращается среди рабочих и впервые выступает как писатель, поместив в газете «Кавказ» рассказ «Макар Чудра».

[12] Афанасьев Ф. Е. (род. в 1868 г.)—механик-самоучка. В начале 90-х годов—член революционного кружка-коммуны вместе с М. Горьким в Тифлисе. В 1897 г. арестован за с.-д. пропаганду среди тифлисских рабочих. После двух лет тюрьмы 23 июня 1899 г. выслан на три года в Вятскую губ.

[13] Из Тифлиса Горький уехал осенью 1892 г. в Нижний-Новгород по вызову присяжного поверенного Ланина, к которому и поступил снова на службу. (Груздев, «М. Горький», стр. 23.)

[14] Отправленный из Нижнего в г. Тифлис, М. Горький сидел в Метехском замке. *(Примечание М. Горького, «Былое», № 16, 1921 г.)*

[15] К дознанию были привлечены: Ф. Е. Афанасьев, Г. Я. Франчески, А. А. Богораз, А. Г. Киселевская, А. М. Пешков, И. И. Лузин, М. В. Калганлдадзе, Д. В. Метерская.

[16] Протокола показаний М. Горького, как и документов, освещающих его пребывание в Тифлисской тюрьме, в делах не обнаружено.

28 мая 1898 г. М. Горький был освобожден из-под стражи и, снабженный проходным свидетельством, направлен по месту жительства.

[17] В примечаниях к публикации документов в журнале «Былое» № 16 1921 г. М. Горький указывает, что был арестован в 1892 г. в Майкопе по делу «казачьего чумного бунта».

По архивным материалам, чумной бунт в Майкопе был в июле 1891 г. В донесении начальника Кубанского жандармского управления в департамент полиции 19 июля 1891 г. № 660 сообщается *(АР и ВП, ф. ДП, III, д. 660, 1891, л. 11)*:

«7 июля в Майкопской мещанской управе состоялся общественный сход (более 1000 человек) для обсуждения мероприятий к прекращению появившейся заразы... Сход заявил, что убивать больной скот они, мещане, не допустят, и что скорее пусть побьют их всех, майкоповцев, а затем уже убивают их скот... 15-го сего июля, без всякого на то разрешения, в мещанской городской управе собрался сход... Прибывшему в г. Майкоп для принятия мер к прекращению заразы помощнику начальника Кубанской области генерал-майору Яцкевичу заявили, что они не подчинятся никаким мероприятиям к прекращению чумной эпизоотии; когда же волнующейся около мещанской управы толпе было приказано разойтись, то толпа, не исполняя этого требования и схватив камни, палки, оглобли, с ругательствами стала бросать ими в войска, ранив при этом двух офицеров и девять казаков; тогда, по распоряжению генерала Яцкевича, войска стали стрелять, убив при этом 19 человек и ранив 18; из числа этой же толпы 25 человек были окружены войсками и отправлены в Майкопскую городскую тюрьму».

[18] Горький сотрудничал в «Самарской газете» в 1895—1896 гг. Он напечатал там до двадцати рассказов и сто восемьдесят один фельетон. Последние Горький подписывал псевдонимом: «Иегудиил Хламида»; шли они под общим заголовком «Между прочим».

[19] Журнал «Новое слово» издавался в Петербурге в 1894—1897 гг. Первые годы являлся народническим органом, а в 1897 г. перешел в

руки легальных марксистов. Последний, декабрьский номер по выходе в свет был конфискован, и журнал закрыт.

[20] Телешов Н. Д. (род. в 1867 г.)—писатель. Сотрудничал в прогрессивных журналах—«Правде», «Мире божьем», «Жизни», где печатались его рассказы и очерки из жизни сибирских переселенцев.

[21] «Временные правила 29 июля 1899 г. об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинением скопом беспорядков», были изданы правительством для борьбы со студенческим движением в результате больших студенческих волнений в первой половине 1899 г., вызванных общим недовольством студенчества университетским уставом. «Временные правила» вызвали бурю возмущения всей либеральной части русского общества, студенчество же в знак протеста устраивало сходки, забастовки. Волнения закончились демонстрацией 4 марта 1901 г. у Казанского собора в Петербурге и жестоким избиением демонстрантов казаками.

[22] В отношении департамента полиции в Нижегородское губернское жандармское управление от 29 мая 1901 г. за № 1925 *(АР и ВП, ф. ДП, VII, д. 235, 1901, л. 29)* читаем:

«В конце марта месяца 1901 г. в департаменте полиции агентурным путем получено было письмо Леонида Андреева из Москвы к Пешкову в Нижний-Новгород по адресу редакции «Нижегородского листка» следующего содержания: «Целую неделю волновался по поводу вас и беспокоился: здесь упорно твердили, что вы арестованы. Повидимому, самые слухи об аресте возникли на почве вашей популярности среди молодежи: вас очень любят. Кстати: в одном прескверном журнале «Русское обозрение» один прескверный человек Филиппов написал статью о вас, еще не напечатанную. Мне кое-что передавали о содержании статьи, кажется оно в вашу пользу (новый повод облаять вас для Гольцева). Но важно то, что этот прескверный человек нашел слово, которое так метко и удачно определяет вас в литературно-общественном отношении, что поистине должно стать крылатым. Он назвал вас «буревестником». А еще бы вернее назвать «буреглашатаем». Недостаток определения, как и всякой схемы, в которую втискивают человека,—неполнота. Вы не только сообщаете о грядущей буре: вы бурю зовете за собой».

Проживая зимой текущего года в Петербурге, Пешков вращался в оппозиционной группе радикальных писателей, принимал участие в агитации и возбуждении общества по поводу демонстрации 4 марта сего года на площади Казанского собора и подписал в числе других составленный по поводу этого события протест «Союза взаимопомощи русских писателей» на имя министра внутренних дел».

[23] О нижегородском кружке самообразования учащейся молодежи в делах департамента полиции имеется следующий отзыв директора департамента Зволянского от 28/VI 1900 г.: «В Нижнем-Новгороде образовался кружок молодежи, поставивший себе задачей популяризировать некоторые сочинения по политической экономии, рабочему вопросу и истории, ознакомление с которыми могло бы способствовать развитию читателей в противоправительственном направлении».

Об этом же кружке читаем в перлюстрированном департаментом полиции письме от 6 апреля 1901 г. (из Нижнего-Новгорода в Москву, к Г. Булкиной, за подписью Б.): «У нас своя компания, человек 15; здесь три высланные курсистки, между прочим одна ваша педагогичка. У нас бывают нередко Горький и Скиталец. Теперь я убедился, что Горький замечательный человек, у него замечательно полно и ясно миросозерцание. Его талант находится на пути усиленного развития. Из Горького вырабатывается теперь общественный деятель новой, молодой России» *(АР и ВП, ф. ДП, ч. 3, д. 10, 1898)*. Автором письма был студент Московского университета В. В. Морковин, о котором имеется следующее донесение Московского охранного отделения от 26 мая 1901 г. за № 7132: «Морковин, проживая в Н.-Новгороде, принимал живейшее участие

в деятельности местного кружка неблагонадежных лиц, который старался подготовить манифестации как по поводу годовщины смерти студента Ливена, так и по случаю маевки, а также агитировал среди рабочих Сормовского завода».

[24] Под «Союзом писателей», повидимому, подразумевается «Союз взаимопомощи русских писателей». Основан союз в 1896 г. и закрыт в 1901г.

В союзе часто устраивались вечера и лекции прогрессивного направления. Охранное отделение систематически следило за работой союза. В департаменте полиции имеется специальное дело о «Союзе писателей» с донесениями о происходивших заседаниях союза.

[25] Васильев А. А. (Сурков) работал в редакции «Жизни» и «Вестника финансовой промышленности». Один из деятелей революционной группы «Социал-демократическая библиотека». Будучи привлечен к дознанию по делу группы в 1901 г., эмигрировал за границу.

[26] В делах департамента полиции имеется справка без номера и без точной даты—от июня 1901 г. *(АР и ВП, ф. ДП, д. 33, 1901, л. 15)*, выдержку из которой приводим ниже: «Опровержение правительственного сообщения, составленное М. Горьким, получено департаментом полиции через почтовую цензуру. Оно было отправлено по адресу: Аткарск, Саратовской губернии, г-же Софье Александровне Орловой (быв. дом Калашникова)... Относительно Орловой неблагоприятных сведений в делах департамента не имеется».

[27] Клейгельс Н. К. (1850—?). Участвовал в чине штабс-капитана в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В 1888 г.—варшавский обер-полицеймейстер, затем последовательно был петербургским градоначальником, киевским, подольским и волынским генерал-губернатором. Будучи петербургским градоначальником, организовал избиение студентов во время демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 г.

[28] Пешехонов А. В. (род. в 1867 г.)—народник, публицист, сотрудник и член редакции «Русского богатства», один из организаторов народно-социалистической партии. Был министром продовольствия во втором и третьем Временном правительстве в 1917 г. Ныне—белоэмигрант, выслан за границу в 1922 г.

[29] Анненский Н. Ф. (1843—1912)—народник, статистик и публицист. Член Вольно-экономического об-ва, сотрудник «Отечественных записок», член редакции «Русского богатства», один из организаторов народно-социалистической партии. Участник «Союза освобождения» и первого съезда партии эсеров в 1905 г.

[30] «Жизнь»—ежемесячный журнал легальных марксистов, издавался в Петербурге в 1899—1901 гг. под редакцией В. Поссе. В нем сотрудничали: П. Струве, Маслов, Туган-Барановский и др. Печатались в нем также В. И. Ленин, А. Богданов, Ю. Мартов, М. Горький.

[31] «Общество помощи в чтении больным и бедным» было организовано в 1895 г. в Петербурге под председательством П. Ф. Лесгафта. Членами общества в числе других состояли А. И. Елизарова, В. Смидович. О его деятельности имеется следующее сообщение департамента полиции от 9 июня 1901 г.:

«Общество это, основанное с исключительной целью доставлять возможность нравственного облегчения путем чтения книг, журналов и газет больным и бедным «призреваемым» (пункт в, § 1), весьма недолго держалось в рамках, определенных его уставом...

В деятельности своей по раздаче книг общество под словом «бедных» стало понимать не лиц «призреваемых» (как это указано в пункте в, § 1), а преимущественно заводских и фабричных рабочих, в среде которых члены общества главным образом и занялись устройством спектаклей, народных чтений и библиотек. Таким образом, «Общество помощи в чтении больным и бедным» уже в 1897 г. организовало народные аудитории при Путиловском заводе, Александро-Невской мануфактуре, на фабрике Паля, на Охтенских пороховых заводах, в Галерной гавани для рабочих Балтийского завода...

Независимо сего, члены общества из лиц, политически неблагонадежных, не ограничиваясь указанной деятельностью среди петербургских рабочих, оказали попытку распространить эту деятельность за пределы города С.-Петербурга, устраивая чтения тенденциозно-социалистического характера в Колпине, при Адмиралтейских Ижорских заводах, на что, не имея отдела в Царскосельском уезде, не имели никакого права, на основании § 39 устава.

Ввиду сего и невозможности исключения из общества всех лиц неблагонадежных, как занимающих в обществе известные должности, так и состоящих в числе его членов, по мнению департамента полиции, представлялось бы соответственным «Общество помощи в чтении больным и бедным» закрыть в порядке, указанном в § 44 его устава». Общество было закрыто в 1901 г.

[32] Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» образовался из кружков пропагандистов социал-демократов в 1894—1895 гг. Свое название получил лишь в декабре 1895 г., уже после ареста своего основного ядра во главе с В. И. Лениным. Союз впервые широко применил и использовал агитацию при помощи распространения по фабрикам и заводам прокламаций, в которых наряду с чисто экономическими выдвигались и политические требования. Союз руководил стачечным движением в 1896 г. Формально союз просуществовал до II съезда партии, но деятельность его после ареста в конце 1895 г. и начале 1896 г. видных его вожаков приняла иной характер,—под его вывеской пышно расцвели «экономизм» и тактика «малых дел».

[33] «Социалист»—с.-д. группа, возникшая летом 1900 г. в Петербурге, была организационно связана с с.-д. группой «Рабочая библиотека», распространяла ее литературу и пользовалась ее типографией, в которой напечатала несколько прокламаций. Одно время пользовалась некоторой популярностью среди рабочих и студенческой молодежи. Была разгромлена правительством в начале 1901 г.

[34] Поссе В. А. (род. в 1874 г.)—публицист, организатор и редактор первых легальных марксистских журналов «Новое слово» (1897) и «Жизнь» (1899—1901). Один из основателей издательства «Знание».

[35] Лесгафт П. Ф. (1837—1909)—известный анатом и педагог. Занимал кафедру физиологической анатомии и Казанском университете, в 1871 г. был уволен за разоблачение университетских порядков. В 1896 г. организовал в Петербурге курсы воспитательниц и руководителей физического воспитания.

[36] Овсянико-Куликовский Д. Н. (1853—1920)—историк литературы и лингвист.

[37] Ермолаев М. С.—редактор-издатель журнала «Жизнь». По справке департамента полиции, «постоянно вращался среди лиц революционного направления». В 1901 г. Ермолаеву воспрещено жительство в столицах и в столичных губерниях и фабричных местностях сроком на три года за поддержку агитации «Союза писателей» в связи с подачей петиции по поводу избиения студентов у Казанского собора.

[38] Редакция журнала и ряд сотрудников 18 апреля 1901 г. были обысканы и арестованы.

[39] Арабажин К. И. (род. в 1866 г.)—историк литературы и критик-прогрессист. Один из редакторов «Северного курьера», радикальной ежедневной газеты, выходившей в Петербурге с 1 ноября 1899 г. и закрытой в 1901 г.

[40] В сообщении директора департамента полиции Зволянского начальнику Петербургского губернского жандармского управления от 8 февраля 1901 г. о «Социал-демократической рабочей библиотеке» говорится:

«В сентябре месяце прошлого года в Петербурге, наряду с действовавшими в то время... преступными организациями «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и «Рабочее знамя» образовалась и названная здесь новая группа, присвоившая себе наименование «Социал-демократической рабочей библиотеки».

В начале октября месяца группою был выпущен в виде небольшой брошюры отпечатанный в собственной типографии первый нумер издания группы, заключающий в себе статью «От редакции». Судя по ее содержанию, задачи новой группы заключались главным образом в том, что она будет способствовать подъему политической зрелости рабочих масс и расширению политического горизонта их путем распространения агитационной пропагандистской литературы, способствовать созданию ревнителей рабочего движения, знающих пропагандистов и убежденных агитаторов, способствовать усилению интенсивности рабочего движения и освободительного движения России вообще, словом—создать революционную литературу, которая соответствовала бы запросам настоящей фазы революционного движения в России.

В течение последующих месяцев вплоть до января группа «Рабочей библиотеки» успела выпустить нумера 2, 3 и 4, содержащие в себе—две речи Кейр-Гарди и Либкнехта: «Капитализм и трансваальская война»—«Китай и мировая политика», «Революция 1848 года во Франции» и «Основные черты русского законодательства». Независимо сего были отпечатаны отдельными брошюрами: запрещенный цензурою рассказ Короленко «Чудная» и «Отчет социал-демократической рабочей библиотеки» (*АР и ВП, ф. ДП, д. 53, ч. 5, 1898, л. 16*).

[41] В докладе департамента полиции 29 мая 1901 г. (*АР и ВП, ф. ДП., д. 17, ч. 12, 1898, л. 16*) читаем:

«9 декабря 1900 г. в конспиративную рабочую квартиру явился один из членов комитета революционной группы «Союз борьбы», ранее доставлявший рабочим значительное количество революционных изданий, объявил собравшимся, что впредь, наряду с нелегальной литературой, комитет будет доставлять им бесплатно, за внесенные только 40 копеек в месяц за пересылку, газету «Северный курьер» и журнал «Жизнь», причем добавил: оба эти издания—наши легальные органы».

[42] Свердлов З.—брат Я. М. Свердлова. М. Горький в 1902 г. обратил внимание на его драматический талант и стал хлопотать об определении его на драматические курсы Филармонического общества. Препятствием служило еврейское происхождение З. Свердлова. Тогда Горький усыновил его. После революции 1905 г. Зиновий Пешков вместе с Горьким выехал за границу. В империалистическую войну поступил добровольцем во французскую армию, был ранен и награжден орденом. После Февральской революции состоял военным атташе французского правительства в России.

[43] «Южный край»—большая ежедневная газета, выходившая в Харькове с 1881. До 1905 г. издавалась и редактировалась ярым реакционером А. А. Иозефовичем.

[44] Ванновский П. С. (1822—1904)—один из ближайших сотрудников Александра III. В 1899 г. председательствовал в комиссии по расследованию причин студенческих волнений в высших учебных заведениях. После убийства Боголепова 25 марта 1901 г. назначен был министром народного просвещения с задачей успокоить учащуюся молодежь. «Реформы» Ванновского, проникнутые полицейским духом, не удовлетворили студенчество. В 1902 г Ванновский был смещен.

[45] Веселовский А. Н. (1838—1906),—известный литературовед, проф. Петербургского ун-та. Пыпин А. Н. (1833—1904),—историк литературы. Кондаков Н. П. (род. 1844)—археолог и историк искусства. Шахматов А. А. (1864—1920)—выдающийся языковед и историк. Ламанский В. И. (род. 1883 г.), известный славист, славянофил, редактор журнала «Живая старина». Соболевский А. И. (1856—1929)—проф. Киевского и Петербургского ун-тов, исследователь русского языка.

[46] Кони А. Ф. (1844—1927)—судебный деятель и писатель. Один из наиболее либеральных представителей дореволюционной прокуратуры и суда. Председательствовал в процессе Веры Засулич, закончившемся ее оправданием. Арсеньев К. К. (1837—1919)—либеральный публицист и общественный деятель, сотрудничал в журнале «Вестник Европы». На-

кануне 9 января 1905 г. участвовал в депутации общественных деятелей к министру внутренних дел Святополк-Мирскому. Был одним из основателей «Партии демократических реформ» в 1906 г. Потехин А. А. (1829—1908)—беллетрист и драматург. Стасов В. В. (1824—1906)—музыкальный и художественный критик, историк искусства и литературы. Заведующий художественной частью Петербургской публичной библиотеки. Голенищев-Кутузов А. А. (1848—1913)—граф, поэт. Начав свою литературную работу в радикальном «Деле» и либеральном «Вестнике Европы» в дальнейшем отходит от прогрессивных кругов русской интеллигенции и становится постоянным сотрудником консервативно-националистических журналов («Русский вестник», «Русское обозрение» и др.).

[47] Боборыкин П. Д. (1836—1921)—романист, бытописатель и историк русской буржуазии.

[48] В связи с «академическим инцидентом» Короленко и Чехов действительно ушли из академии, академик Стасов отказался посещать заседания академии, а академик Марков подал протест против кассации выбора Горького.

[49] Приводим текст циркуляра Главного управления по делам печати *(ЛОЦИА, ф. 890, 1902)*:

«По дошедшим до Главного управления по делам печати сведениям, в некоторых провинциальных городах в текущем 1902 году ставилась на местных театрах пьеса Максима Горького под названием «Мещане», и появились анонсы о постановке новой пьесы того же автора под заглавием «На дне».

Принимая во внимание, что означенные пьесы не внесены в ежемесячно публикуемые в «Правительственном вестнике» списки пьес, разрешенных драматическою цензурою к представлению, что пьеса «Мещане» была сначала дозволена к постановке с исключениями только Московскому художественному театру и ныне разрешается лишь каждый раз по особому ходатайству, Главное управление по делам печати имеет честь покорнейше просить вас, милостивый государь, наблюсти за тем, чтобы сцены Горького «Мещане» разрешались к постановке чинами вверенной вам полиции только по экземплярам, скрепленным драматическою цензурою, согласно циркуляру от 21 марта 1884 года, № 1361, а также чтобы не допускались анонсы о новой пьесе М. Горького «На дне» до предъявления цензурных экземпляров.

Начальник Главного управления по делам печати, сенатор Н. Зверев.

Правитель дел Главного управления по делам печати, член совета В. Адикаевский».

[50] Лепешинская—В. В. Гурвич-Кожевникова (род. в 1873 г.), по первому мужу фон-Ризенкампф (партклички—«Наташа»), осенью 1902 г. уехала в Россию от искровской организации для восстановления Московского комитета партии, где работала под фамилией Ю. Н. Лепешинской. Была арестована в ноябре 1902 г. вместе с С. Л. Вайнштейном, Мещеряковым и другими и выслана в Восточную Сибирь на шесть лет, откуда в 1904 г. бежала.

[51] Вайнштейн С. Л. (1876—1923), партийная кличка «Звездич». В 1902 г. был одним из активных участников работы Московского комитета РСДРП, арестован на заседании комитета. По делу Московского комитета был выслан в Восточную Сибирь на четыре года. В 1905 г. примкнул к меньшевикам и был избран в Петроградский совет раб. деп., арестован 3 декабря на заседании совета. По делу совета был предан суду и сослан в Обдорск, откуда бежал и, арестованный в 1910 или 1911 г. в г. Баку, был привлечен к суду за побег и снова сослан в Сибирь. После Октября—ярый противник советской власти, в 1923 г. выслан за границу.

[52] «Освобождение»—журнал, выходивший с 1/VII 1902 г. в Штутгарте под редакцией П. Струве, орган земцев-конституционалистов и либерально-буржуазных интеллигентских кругов до революции 1905 г.

[53] Еврейский погром в Кишиневе (Бессарабия) был организован в 1903 г. министром внутренних дел В. К. Плеве.

[54] «Комитетом противоправительственных фракций» департамент полиции называет, очевидно, либеральную депутацию к министру внутренних дел, переоценивая ее значение и приписывая ей ту роль, которую она не играла; ей даже «предъявляли,—как говорит В. И. Ленин,—нелепейшее обвинение в намерении сорганизовать временное правительство России» на другой день после революции (Ленин, т. VII, стр. 96).

[55] «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. СПБ.» было открыто 24 апреля 1904 г. священником Гапоном, с разрешения правительства. После неудачной попытки Зубатова привить русскому рабочему движению «полицейский социализм» и таким путем отвлечь рабочих от революционного движения, Гапон пытается создать новую разновидность зубатовских организаций. «Собрание» поставило свою деятельность довольно широко, организовав во всех районах Петербурга одиннадцать отделов, которые устраивали семейно-литературные вечера, открывали библиотеки-читальни. Однако Гапону не удалось отвлечь рабочих от классовых выступлений. Его затея провалилась так же, как и затея Зубатова. Возникшие накануне 9 января в Питере забастовки протеста против ареста четырех путиловских рабочих были неожиданностью скорее для Гапона, чем для революционных кружков.

[56] Кедрин Е. И. (род. в 1852 г.)—либерал, адвокат, выступал защитником в ряде крупных политических процессов. В 1905 г. был в депутации к Витте. При обыске у него найдено «Обращение по поводу январских событий». В 1906 г. был выбран в Государственную думу по списку партии кадетов.

[57] Семевский В. И. (1848—1916)—известный историк, специалист по истории крестьянского и революционного движений в России.

[58] Кареев Н. И. (род. в 1850 г.)—профессор-историк и публицист. Сотрудничал в народнических и либеральных органах. Был членом ЦК кадетской партии.

[59] Мякотин В. А. (род. в 1867 г.)—историк и публицист, с 1893 г. сотрудник, а с 1904 г. член редакции «Русское богатство». В 1906 г.—один из руководителей партии народных социалистов. Один из основателей в 1918 г. белогвардейского «Союза возрождения России». Ныне в эмиграции.

[60] Гессен И. В. (род. в 1866 г.)—присяжный поверенный, один из организаторов и видных деятелей кадетской партии, редактор журнала «Право» и кадетской «Речи», депутат 2-й Государственной думы. Издавал в Берлине белогвардейские газету «Руль» и «Архив русской революции».

[61] Витте С. Ю. (1849—1915)—самый выдающийся министр Александра III и Николая II, своими мероприятиями в области финансов (введение золотой валюты, винная монополия и т. д.), железнодорожного дела и пр. много способствовал развитию капитализма в России. После неудачной русско-японской войны ему было поручено ведение переговоров о мире с Японией. В 1905 г.—председатель Совета министров. После революции 1905 г. сошел с политической сцены.

[62] «Наши дни»—ежедневная либеральная газета, выходила в 1904—1905 гг. вместо «Сына отечества».

[63] Андреева М. Ф. (род. в 1876 г.)—по профессии артистка. В 1904 г., вступив в партию, примкнула к большевикам и работала в России в ряде местных организаций. В 1906—1911 гг. за границей исполняла обязанности агента ЦК. После Октябрьской революции была комиссаром театров; с 1922 г. работает в области внешней торговли.

[64] Савва Морозов—миллионер, владелец Морозовской мануфактуры, жертвовал крупные суммы в РСДРП, причиной чего, как указывает Руднев («Горький—революционер», стр. 54), являлось «не столько сознательное желание поддержать борющихся с ненавистным им самодержавием (и уже во всяком случае не революционные симпатии рабочему движению), сколько невольное подчинение влиянию Горького».

[65] Святополк-Мирский П. Д. (1857—1914), князь; был губернатором в Екатеринославе; с 1900 г.—товарищ министра внутренних дел при Си-

пягине и командир Отдельного корпуса жандармов. После убийства Плеве (1904)—министр внутренних дел, ознаменовавший свое назначение открытием так называемой эры «весны»,—доверия правительства к обществу,—выразившейся в незначительном ослаблении цензурного гнета над печатью, возвращении нескольких административно-сосланных оппозиционеров и допущении ноябрьского петербургского съезда земских деятелей. Откликом на политику Святополка-Мирского была так называемая «банкетная компания» либералов. После 9 января был уволен в отставку, и либеральная эра «весны» была заменена военно-полицейской диктатурой Трепова.

[66] Коковцев В. Н., граф (род. в 1853 г.). С января 1904 г. по октябрь 1905 г. и в 1906—1914 гг.—министр финансов. С 9 октября 1911 г.—председатель Совета министров.

[67] В период декабрьского восстания М. Горький находился в Москве и принял живое участие в его подготовке. Из справки департамента полиции за 1905 г. о революционной деятельности М. Горького видим, что он «способствовал увеличению средств для вооруженного восстания, выступая в качестве лектора на платных вечерах, часть сборов с коих отчислялась на заведомо революционные цели», что «на чтении драмы Горького «Дети солнца» у Комиссарова с каждого присутствовавшего брали по 25 рублей на оружие» *(АР и ВП, ф. ДП, д. 200, 1911 г., л. 11)*.

В октябре 1905 г. Горький основал первую легальную большевистскую газету «Новая жизнь», которая с шестого номера редактировалась Лениным; кроме того Горький сотрудничал в большевистской газете «Борьба», выходившей в Москве с 27 ноября по 6 декабря 1905 г. Обе газеты были закрыты в начале декабря 1905 г. Все это привело к тому, что охранка начала усиленно следить за Горьким, и он вынужден был выехать из России в Финляндию.

[68] Галлен Аксель (род. в 1865 г.)—финляндский живописец и гравер. Один из самых значительных северных художников.

[69] Об инциденте с М. Горьким в Америке в «Сборнике статей и воспоминаний» под редакцией Груздева (стр. 475) читаем:

«М. Горький уехал в Америку для чтения лекций, чтобы собрать деньги для партийных целей. Поехал с женой; официального удостоверения о заключении церковного брака у них не было. Русское правительство не замедлило сообщить в Вашингтон о социалистических тенденциях и намерении Горького, и делу был дан негласный ход путем придирки к семейным отношениям Горького. В отеле, в котором они остановились, их на второй день попросили очистить помещение, и они вынуждены были оказаться на улице... Об этом узнали американские писатели, Горького устроили на частной квартире».

В Америке Горький издает памфлет «Прекрасная Франция», направленный против правительства Французской республики, предоставившего царскому правительству заем для подавления революции.

«Твоим золотом прольется кровь русского народа,—писал в памфлете Горький.—Пусть же эта кровь окрасит в красный цвет вечного стыда истасканные щеки твоего лживого лица... Прими и мой плевок крови и желчи в глаза твои».

Памфлет вызвал бурю негодования французской буржуазной общественности.

В ответ на возмущенные нападки в прессе Горький в своем письме к французским журналистам пишет: «Господа, искренно говорю вам: честному писателю и социалисту глубоко оскорбительна любовь буржуа. Надеюсь, что эти строки вполне точно и навсегда определяют наши взаимные отношения».

Профессору Олару Горький писал: «Вы ошибаетесь, думая, что я бросил свои упреки в лицо всей Франции. Я знаю, что народ никогда не бывает ответственным за политику правящих классов и правительства».

По возвращении в Европу Горький поселяется на Капри, где живет вплоть до отъезда в конце 1913 г. в Россию.

[70] Дубасов В. Ф. (1845—1912)—московский генерал-губернатор, усмиритель московского вооруженного восстания в декабре 1905 г.

[71] Партийная школа на Капри была организована группой отзовистов, ультиматистов и богостроителей во главе с А. А. Богдановым. Инициатива создания партийной школы исходила от уральского рабочего Н. Е. Вилонова («Михаил»). В период организации школы руководители новой фракции тщательно скрывали свои замыслы от всех непосвященных, и в том числе от Вилонова, принимавшего в этом деле самое горячее участие. Большевистский центр отказал ей в какой бы то ни было помощи, считая эту школу фракционной. Всего на о. Капри прибыло тринадцать слушателей. Занятия в школе начались 5 августа. Вскоре произошел в школе раскол. Слушатели-ленинцы были исключены из школы и прослушали цикл лекций в Париже. В декабре занятия в школе были окончены, и вторая партия каприйцев также отправилась в Париж, где и прослушала цикл лекций, прочитанных по той же программе, что и для пятерки-ленинцев. По приезде в Россию большинство каприйцев было арестовано вследствие предательства ученика школы А. С. Романова.

[72] В 1913 г. литературная амнистия по поводу 300-летия дома Романовых дала возможность Горькому вернуться в Россию. Ленин советовал Горькому использовать амнистию. Он писал ему: «Революционному писателю возможность пошляться по России означает возможность во сто раз больше ударить потом по Романовым и Ко». Ухудшение здоровья временно, до декабря 1913 г., задержало Горького на Капри. Ленин был чрезвычайно озабочен болезнью Горького. «Вы после Капри зимой в России?—писал он ему.—Я страшно боюсь, что это повредит здоровью и надорвет вашу трудоспособность».

[73] Партийное совещание большевистской фракции 4-ой Гос. думы с руководящими партийными работниками Петербургской организации состоялось 13 сентября—1 октября 1914 г. в Финляндии, в пяти километрах от станции Мустамяки. Совещание выработало ответ на письмо Вандервельде. Как известно, Вандервельде после начала войны обратился к русским социалистам с призывом к активному участию в войне. В ответ на это обращение петербургские ликвидаторы заявили, что они «в своей деятельности не противодействуют войне». Организационный комитет выступил с жалобой на раскольническую политику большевиков, и только большевики решительно выступили против войны. В своем ответе, напечатанном в № 33 «Социал-демократа», ЦК РСДРП заявил: «История возлагает на нас задачу дальнейшей борьбы с господствующим в России режимом за очередные революционные лозунги».

[74] Яковлев Н. Н. (1886—1918)—старый большевик. В 1905 г., будучи студентом Московского университета, примкнул к революционному движению. Неоднократно арестовывался, ссылался. Вернувшись в 1913 г. в Москву, был одним из организаторов легальной большевистской газеты «Наш путь». Сосланный в Нарым в 1916 г., был мобилизован в армию, где стал одним из организаторов Военного социалистического союза. После Октябрьской революции—председатель Западносибирского областного совета РиСД и председатель ЦИК Сибири. В 1918 г., после свержения советской власти в Сибири, расстрелян белыми.

[75] Дерябина С. И.—старая большевичка, в 1905 г. работала в Самаре, затем на Урале, в Петербурге, Москве. Известна в с.-д. кругах под кличками: «Сима», «Елена», «Таня». Участница августовского совещания ЦК 1912 г. (от Урала). После Октябрьской революции работала в редакции большевистской газеты «Приволжская правда» в г. Самаре. С захватом чехословаками Самары была арестована и увезена в Сибирь; освобождена с приходом в Сибирь Красной армии. Была избрана на VII Всероссийском съезде советов во ВЦИК. Умерла весной 1920 г.

[76] «Новый колос» издавался в 1915—16 гг. в Москве. Цензурный комитет неоднократно налагал на него взыскания как административного, так и судебного порядка. В 1916 г. журнал был закрыт.

[77] Сухомлинов В. А. (1848—1926)—генерал; с 1908 г. военный министр. После галицийского разгрома русских армий, обвиненный во взяточничестве и германофильстве, был уволен с поста военного министра. В 1916 г. был заключен в Петропавловскую крепость, из которой, по настоянию царицы и Распутина, был переведен под домашний арест. После Февральской революции вновь был арестован и приговорен Сенатом к пожизненной каторге. После Октябрьской революции бежал за границу.

[78] Мясоедов и Григорьев—офицеры русской армии; были расстреляны в 1915 г. за шпионаж в пользу Германии.

[79] «Летопись» — интернационалистический журнал, основанный М. Горьким в 1915 г.

[80] Тихонов А. Н. (род. в 1880 г.)—литератор в 1915—1917 гг.—редактор жунала «Летопись» и издательства «Парус»; в 1917—1918 гг.—редактор-издатель газеты «Новая жизнь». После Октябрьской революции руководил издательством «Всемирная литература» и «Круг». Ныне работает в из-ве «Academia».

[81] Суханов Н.Н. (Гиммер; род. в 1882 г.)—меньшевик, активный противник советской власти. Осужден по делу ЦК меньшевиков в 1931 г. В прошлом—редактор «Современника», член редакции «Летописи» (1914—1916 гг.).

[82] Базаров-Руднев В. А. (род. в 1874 г.)—меньшевик, активный противник советской власти. Осужден по делу ЦК меньшевиков в 1931 г.

[83] Ладыжников И. П.—в 1905 г. привлекался к дознанию при Нижегородском жандармском управлении за социал-демократическую пропаганду среди сормовских рабочих; в 1916 г.—личный секретарь М. Горького.

[84] Радзишевский А. Ф.—в 1905 г. принимал участие в студенческом движении; в 1910 г. привлекался к дознанию за принадлежность к социал-демократической организации и отдан под особый надзор полиции.

[85] «Голос Руси»—петроградская монархическая газета; в 1916 г. вела бешеную травлю журнала «Летопись».

[86] Чхеидзе Н. С. (1863—1926)—депутат 3-й и 4-й Государственной думы, лидер думских меньшевиков. С февраля 1917 г. до конца лета состоял председателем Петербургского совета РиСД. В 1918 г.—председатель Учредительного собрания меньшевистской Грузии. С 1921 г.—белоэмигрант.

[87] Чхенкели—депутат 4-й Государственной думы, меньшевик. В 1918—1920 гг.—один из деятелей меньшевистской Грузии. С 1921 г. белоэмигрант.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

«Агафон» см. Гапон
Адикаевский В. 134
Александр III 132, 135
Анатолий см. Иванов А.
Андреев Л. 130
Андреева (Желябужская) М. Ф. 90, 103, 104, 109, 117, 135
Анненский Н. Ф. 43, 45, 84, 90, 98, 102, 131
Арабажин К. И. 49, 132
Арсеньев К. К. 74, 75, 85, 90, 98, 133
Афанасьев Ф. Е. 28, 30, 33, 34, 129

Б... 130
Бадаев 117
Базаров-Руднев В. А. 120, 138
Базель Х. 77
Балясный 75
Бартенев 83
Бартенева Е. Г. 43
Белановский 106
Белецкий 116
Бельский 125
Бернштам В. 43, 48
Бессонов 102
Бизюнов 94
Боборыкин 75, 124, 134
Богатырович К. 26, 28, 29
Богданов А. 131, 137
Богданович А. 43
Богдановский А. 43
Боголепов 132
Богораз А. А. 129
Бологовской 91
Брагинские С. и Р. 43
Браудо А. 44
Брешко-Брешковская 103
Броецкий 110, 115, 122, 123
Брусянин 48
Брюсов В. 41
Будилович И. А. 65
Булкина 130
Бунин Н. А. 42
Буренин В. 82

Вайнштейн С. Л. (Звездич) 78, 134
Валин 105
Вандервельде 137
Ванновский П. 73, 74, 75, 132
Васильев 116
Васильев А. А. (Сурков) 42, 131
Васмунд 44
Ватсон М. 44
Вейнберг П. 44
Величко В. 82
Велкстерн 83
Верещагин 93
Веселовский А. Н. 74, 132
Викторов 127
Вилонов Н. Е. (Михаил) 137
Витте С. Ю. 85, 96, 108, 135
Войтов А. 60
Волков 100, 102
Волчанинова А. 57
Вопилкин 24
Воронецкий 132

Воскресенский 69
Вяземский 45

Галина Г. 44
Галлен А. 104, 136
Ганейзер Е. 44
Гангардт 21
Гапон Г. 84, 85, 86, 96, 98, 135
Гауптман 124
Гарин см. Михайловский Н. К.
Гартинг 109
Ге П. 44
Генц А. И. 118
Герасимов 105
Гессен И. В. 44, 85, 102, 135
Гиббон Э. 58
Гиммер Н. Н. (Суханов) 119, 120, 138
Глобачев 121, 122
Голенищев-Кутузов А. А. 74, 134
Гольдштейн 48, 49
Гольцев 130
Горбовский-Заренек В. В. 86
Горький см. Пешков А. М.
Горчаков 76
Грацианов А. 59
Гренквист К. 44
Григорьев 118, 138
Громзин К. И. 30, 34
«Грохало» см. Пешков А. М.
Груздев Н. 129, 136
Гуковский А. 44
Гурвич-Кожевникова см. Лепешинская В. В.
Гюйе 58

Далин см. Линев Д. А.
Дебелев 29
Дейтрих 37, 38
Деникин 132
Деренков С. И. 19, 127
Деренкова М. С. 19, 20, 127, 128
Дерябина С. И. («Саша», «Елена», «Таня») 117, 137
Диксон К. 44
Долгополов Н. 59
Домаридский 59
Дубасов В. Ф. 108, 137
Дурново П. 28
Евецкий 32, 33
Евтихиев В. И. 65
Егунов 40
«Елена» см. Дерябина
Еленский 114
Елизарова А. И. 131
Еремин 115, 116, 117
Ермолаев М. С. 44, 49, 132
Ершов 59

Желябужская см. Андреева М. Ф.
Жигалевич И. 77

Зарецкий 91
Засулич В. 130, 133
«Звездич» см. Вайнштейн
Зверев Н. 134
Зволянский 47, 51, 52, 54, 58, 67, 68, 70, 130, 132
«Звонарь» см. Морозов В. Я.
Знаменский 68, 69
Зобнин Н.
Золотницкий Вл. 58, 59
Зубатов 65, 135
Зуев Н. П. 100, 110

Иванишин 86
Иванов 28
Иванов А. 20, 128
Иванчин-Писарев А. 44
Идзиковский П. 30, 34
Изот 128
Израилевич Р. 42
Иозефович А. А. 67, 132
Ионов В. 44
Истомин В. А. 118
Истомина 127

Калгалндадзе М. В. 129
Калмыкова А. М. 44
Каминка А. 44
Калашников 131
Камышанский 99
Кант И. 58.
Кареев Н. Ив. 44, 85, 90, 98, 102, 135
Каррик В. 44

Катарский 75
Катонянц Р. П. 65
Каширин Я. 23
Кафафов 119
Квицинский 86
Кедрин Е. И. 84, 85, 90, 94, 98, 99, 102, 135
Кейр-Гарди 133
Кетриц В. 44
Киселевская А. Г. 129
Кладин 40
Кларк В. 20, 127
Клейгельс Н. К. 45, 131
Клюева С. 128
Коваленский С. Г. 93
Коковцев В. Н. 96, 136
Кольберг В. Н. 51, 52, 57, 71, 72
Комаров В. 82
Комиссаров 136
Комарская А. 44
Кондаков Н. П. 74, 132
Кони 74, 133
Конисский 29, 30, 32, 86
Коропчевский Д. 44
Корпачев И. П. 65
Короленко В. Г. 75, 127, 132, 135
Косарев 58
Котляревский Н. 44
Кранихфельд В. П. 44
Красовский 63
Креницын Г. Н. 118
Крит В. А. 113, 114, 115
Крушеван 82
Кудрявцев П. Ф. 20
Кузин Д. В. 85, 86
Кузовков И. В. 65
Кулябко 101
Курбатов Д. И. 117, 128
Кутузов 74
Кущевский И. А. 127

Л... 26
Л. Г. 83
Ладыжников И. П. 119, 120, 138
Ламанский 74, 132
Ламкерт 110
Ланге 115, 116
Ланин 17, 26, 129
Левин Д. 44
Лежава А. М. 127
Лейендекер 101
Лемке 60
Ленин В. И. 130, 131, 132, 135, 137
Лепешинская В. В. (Гурвич-Кожевникова, фон-Ризенкампф, Лепешинская Ю. Н., «Наташа») 76, 77, 78, 134
Лепешинская Ю. Н. см. Лепешинская В. В.
Лесевич В. 44
Лесгафт П. Ф. 48, 131, 132
Лесков 127
Леткова Е. 44
Либкнехт 132
Ливен 131
Лик 24, 26
Линев Д. А. (Далин) 44
Лопухин 73, 76, 86
Лузин И. И. 129
Лукьянов А. 44
Любимов 128

Мавринский 67
Магалов И. 30, 34
Максимович 93
Максимов 83
Мальм 104
Мамин-Сибиряк Д. 44
Марков 134
Марков С. М. 118
Мартов Ю. 131
Мартынов 118
Маслов П. 44, 131
Мациевич 127
Мертвый А. 44
Метерская Д. В. 129
Метлин В. И. 28
Метлин Ив. Ив. 28
Мещеряков 134
Микола 105
Милонов В. М. 118
Митров 20
«Михаил» см. Вилонов Н. Е.
Михайловский Н. К. (Гарин) 44, 127
Могилянский Н. 44

Мокиевский П. 44
Морковин В. В. 130, 131
Морозов В. Я. («Звонарь») 100, 101
Морозов С. Т. 93, 102, 136
Муравьев 71
Муранов 117
Муринов В. 44
Мякотин В. А. 44, 85, 90, 98, 102, 135
Мясоедов 118, 138

Натансон М. А. 127
«Наташа» см. Лепешинская В. В.
Неклюдов П. 21
Николай II 74, 97, 135
Никонов А. 44
Нюман П. 105

Овсянико-Куликовский Д. Н. 48, 132
Олар 137
Орлова С. А. 131
Оствальд В. 124

Палкин 42
Пантелеев Л. 44
Пантелеева С. 44
Пекарь 41
Пермский С. 118
Перцов Г. 19
Петров С. Г. (Скиталец) 47, 48, 51, 52, 54, 56, 57, 71, 72, 103, 130
Петровский 117
Петропавловский-Коронин И. Е. 127
Петрушевский 44
Пешехонов А. 44, 45, 84, 90, 98, 102, 131
Пешков А. М. (М. Горький, «Грохало») 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 48, 49, 51, 52, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 83, 84, 86, 91, 92, 93, 94, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 109, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 136, 137, 138
Пешков А. А. 118
Пешков см. Свердлов З. М.
Пешкова 64
Плеве 73, 135, 136
Плетнев Г. А. 26, 28
Плеханов 109
Позерн М. С. 37
Познанский Д. М. 26, 58, 92.
Познер-Паузнер С. В. 117
Покровские бр. 20
Покровский В. 59
Порошин И. 44
Португалов В. 44
Поссе В. А. 44, 48, 49, 131, 132
Потанин Г. 44
Потехин А. А. 74, 134
Поярков 72
Прогнаевский 125
Протопопов 57
Прокопе Г. 103, 104
Прокопе 104
Пругавин В. 127
Пуришкевич В. М. 123
Пыпин 74, 132
Пьянков В. 20
Пятковский 82
Пятницкий К. П. 93

Ратаев 49, 52
Ратко 77
Радзишевский А. Ф. 120, 138
Рамазеев Н. А. 19
Ризенкампф см. Лепешинская В. В.
Рито 113
Рогович 76
Рогозин Д. 44
Розенберг К. Б. 76
Розенберг В. 44
Розенфельд Л. Б. (Каменев) 117
Романов А. С. 137
Романов К. 73, 74
Романов С. 67
Ромась М. А. 127, 128
Распутин 138

Россикова Л. 44
Рохлин В. 30
Рубакин Н. 44
Рубакина И. 44
Руднев см. Базаров
Рыдзевский 85, 96, 100

Сабинина М. 44
Сабунаев 127
Сабуров 22
Савицкий 91
Сазанов 75
Сальников А. 44
Салабанов 128
Самойлов 117
Сахаров 78
Свердлов З. М. 52, 71, 72, 132, 133
Свердлов Я. М. (Пешков) 132
Свешников М. 44
Святополк-Мирский П. Д. 96, 97, 134, 136
Семевский В. И. 84, 90, 98, 102, 135
Семигановский 126
Семякин 22
Сераковский 28
Сергеев В. С. 128
Серебряков 65
Сидоров А. 114, 115
Сидоров А. А. 118
«Сима» см. Дерябина
Сипягин 67, 68, 70, 136
Скирмунт 64, 78
Скиталец см. Петров С. Г.
Скобиненко К. 30
Слепцова М. 44
Смидович В. 131
Смирнов 120, 122, 123
Соболевский 74, 133
Соколов И. 44
Соколова Л. И. 72
Сомов С. Г. 18, 19, 22, 24, 26, 127, 129
Стасов 74, 135
Стебницкий И. 44
Степанов 19
Столица 32
Струве П. 130, 131, 135
Суворин А. 82
Суворов М. 44
Сурков см. Васильев А. А.
Суханов см. Гиммер Н. Н.
Сухово-Кобылин А. В. 73
Сухомлинов В. А. 118, 138
Сыромятников П. М. 62

«Таня» см. Дерябина
Телешев Н. 41, 130
Тихонов А. Н. 119, 120, 138
Толстой Л. Н. 64, 65, 75
Токмакова Е. 41
Толмачев 78
Трепов 65, 136
Трубников 70
Туган-Барановский 131
Тимирязев К. 8

Унтербергер 68, 69
Успенский Ал. 59
Утин С. Я. 54, 59

Фальборк Т. 44
Федоренко 124
Федоров 18, 19, 24, 26
Федосеев 129
Филиппов 130
Франчески Г. Я. 129
Фредерикс 60
Фрейберг 104
Фрумкин Я. Г. 121

Харитин 32, 33
Харлампович Н. 21
Хириаков А. 44
Хлодовский Е. Н. 32
Хуциев 80

Ципкин И. 49

Чарнолусский 44
Чарушнин 128
Чебышева-Дмитриева Е. 44
Чекин (Чекичев) А. А. 22, 24, 129
Чекичев см. Чекин
Черевков В. 44
Чехов А. П. 134

Чириков Е. 47
Чхеидзе 123, 125, 138
Чхенкели 123, 125, 138

Шаляпин 65
Шарапов С. 52
Шахматов 74, 132
Шаховская 65
Шварц Н. В. 120
Шедлих Е. 76
Шеманин 52, 54, 56, 57, 59, 60, 62
Шереметьев 24
Шлоссер Ф. К. 58
Шолохов Е. 44
Шпринц 76
Штейнберг С. 44
Шутяков П. 44

Щепетильников Е. 44
Щербатова Н. А. 20, 21, 128

Эллис 86, 91, 92

Ювенал 124
Юнгер Г. 92

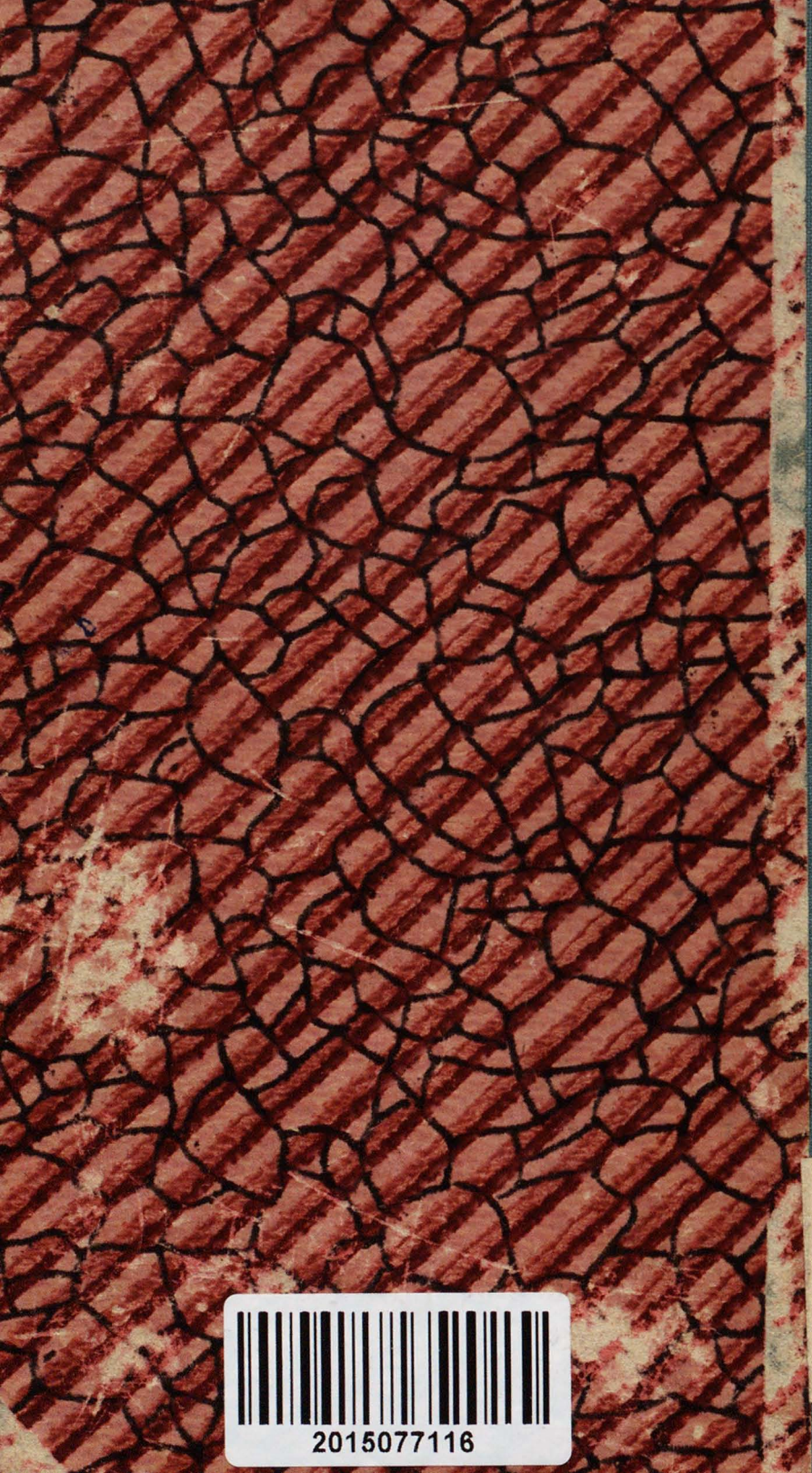
Яковлев 69
Яковлев 105
Яковлев П. 61
Яковлев Н. Н. 117, 137
Янек Ф. И. 118
Янковский 29
Яницкий 36, 37
Яроцкий А. 44
Яцкевич 129

Редактор В. Ц. Гоффеншефер
Технический редактор Н. И. Гарвей

★

ОГИЗ Х—70 № 81. Тираж 5000
Уполномоч. Главлита № Б-27519
Формат бум. 62×94 в 1/16-ю
4 1/2 бум. л. по 87500 знаков
Сд. в наб. 14 апреля 1933
Подп. к п. 29 мая 1933
Заказ № 515
9 п. л.

★


2015077116